

Сергей Владич

Apostolus Primoris

Первый апостол

*И кто хочет между вами быть первым,
да будет вам рабом.*

(Мф. 20:27)

*Не огорчайся, о пророк, деяниями этих
неверующих. И до тебя подобное случалось
с каждым из Наших посланников, с каждым
из Наших пророков. Каждый раз, как
посланник призывал свой народ к истине,
люди, подобно шайтану, отрицали его
призыв и сеяли сомнение среди других людей,
чтобы помешать исполнению его мечты
о распространении призыва. Но Аллах
сводит на нет их дурные замыслы, и истина
восторжествует.*

Коран, Сура XXII, 52

*Много раз желал я услышать единое из сих
слов, и не было, кто бы сказал.*

Ирней. Против ересей. I,20,1

Почти все действующие лица, а также
почти все описанные события являются
вымышленными. Возможные совпадения случайны
и в большинстве случаев не имеют отношения
к реальным людям или событиям.

Начало

Размышляя о событиях тех дней по прошествию без малого двух тысяч лет, нам нелегко понять, изменилось ли что-то в Городе после казни. Ибо, если верить свидетельствам некоторых очевидцев, то все оставалось по-прежнему. Народ, пришедший в Ершалаим накануне праздника опресноков, все также толпился у Храма, чтобы успеть принести пасхальную жертву вовремя. Городские стены вовсе не рухнули от криков распятых на крестах разбойников, и дозор на сторожевых башнях продолжал нести свою службу. Жилые кварталы старого города напоминали встревоженный муравейник, а шумная базарная площадь с пестрыми лавками торговцев служила их обитателям и кормилицей, и источником новостей. И над всем этим грозно возвышались два исполина: Храм и дворец Ирода Великого. В одном – первосвященник, властитель душ, в другом – римский префект, властитель тел. Они вечно ненавидели друг друга – так было вчера, так будет и завтра. Тогда никто, даже одиноко рыдающий у подножия Лысой горы человек в изодранной одежде не мог предугадать, что совсем скоро его слезы высохнут. Сегодня он одержим горем и посыпает голову пылью в знак траура по одному из распятых страдальцев, но уже через три дня ему предстоит покинуть Город, став первым из учеников, кто осознает вселенский характер грядущих перемен. Зовут этого нечесаного, с неопрятной бородой человека Левий Матфей. До сих пор он был просто безвестным сборщиком податей, оставившим свое презренное ремесло. Однако уже этим вечером его имя войдет в историю, а Город Мира, и так немало претерпевший на своем веку, окончательно и навсегда потеряет покой.

Трудно сказать, где в тот день были остальные Его ученики. Некоторые рассеялись, напуганные ночным арестом Учителя и скорым несправедливым судом; другие же пребывали в растерянности, сбитые с толку Его собственными словами, что все происходящее угодно Всевышнему и предначертанное Им должно свершиться. Сказано было хорошо, но еще лучше было бы хоть намекнуть, что же теперь надлежит делать им. Ибо легко следовать за Человеком, который творит чудеса одним только своим словом; совсем другое - остаться один на один с миром, имея за душой лишь веру, что там, наверху, Тот, Кто Сотворил Небо и Землю, знает не только то, зачем Он это сделал, но и что будет со всем этим завтра.

И все же это был уже совсем другой Город и другой народ. Три креста, воздвигнутые в тот день на Лысой горе, да тьма, набежавшая с Востока и накрывшая Ершалаим небывалой грозой, как бы смывая ужасный грех казни невинного, навсегда изменили его. В тот день *смерть одного из них стала началом новой жизни для многих*. Только поймут они это не сразу, со временем. А пока приближается ежегодный праздник опресноков, призванный напоминать иудеям об освобождении их от угнетения и рабства египетского, и о высшем призвании быть народом чистым, святым, чуждым нравственного растления и верным Закону Моисея. Толпа желающих приобщиться к Источнику Жизни столь велика, что

храмовая стража с трудом обеспечивает порядок возле жертвенника. Господи, будь милостив к народу своему. Хаг Песах Самеах! Хаг а-Мацот!

Глава 1. Левий Матфей

Рассказ о событиях, случившихся Ершалаиме после казни, начинается со лжи. Дело в том, что начальник тайной службы Иудеи Афраний сказал римскому префекту Гаю Понтию Пилату не всю правду. Точнее, он его просто обманул. И причина такого поступка была проста – страх. Во все времена слуги смертельно боялись принести господам плохую весть, и в этом даже могущественный начальник тайной службы не был исключением. Правда же заключалась в том, что похоронил он тела не всех казненных на Лысой горе разбойников, как велел Пилат, а только двух из них. Когда Афраний с начальником римского караула Толмаем и солдатами вернулись на Голгофу, средний крест был уже пуст. Во время невиданной в этих местах грозы, вынудившей римлян отозвать оцепление и ретироваться за городские стены, Левий Матфей снял тело Иешуа с креста и спрятал его. Промокшего до нитки злоумышленника вскоре обнаружили в Енномской долине у подножия горы Сион. Он прятался в одной из многочисленных пещер, вырытых в незапамятные времена варварами для жертвоприношений Молоху. Афраний заметил этого оборванца еще днем, когда тот яростно пытался прорваться сквозь римский конвой, огрызаясь и размахивая посохом. Теперь же Левий Матфей был совершенно обессилен и не противился аресту. Однако он намертво сжал зубы и, как его не били, не проронил ни слова, отказываясь говорить, где тело Учителя. Упорство бывшего сборщика податей вызвало уважение даже у римлян, и это спасло Левию жизнь.

Тем временем наступила ночь, приближалось время для доклада. Префект ждал его во дворце и Афраний решил на обман. Третьим вместе с останками двух распятых разбойников он приказал бросить в яму тело Иуды из Кириафа, убитого ранее в тот же день на Кевронской дороге. Предварительно с несчастного сняли одежду, пробили отверстия в руках и ногах, будто бы от гвоздей, и изуродовали лицо до неузнаваемости. «Толмай ничего никому не скажет, – размышлял многоопытный начальник тайной службы, пока похоронная команда делала свое дело, - он немой. Солдатам все равно кого закапывать в землю, а вот что делать с Левием? Опасный свидетель... Надо взять его с собой в Ершалаим, чтобы допросить, как следует, а потом ... он просто исчезнет, будто и не было его вовсе. Кто станет его искать? С другой стороны, нельзя исключить, что его захочет видеть префект. Язык ему вырвать я всегда успею, там видно будет», - решил про себя Афраний. Высокий, темнокожий и широкоплечий, в плаще до пят и с накинутым на гладко выбритую голову капюшоном, с факелом в правой руке и кнутом в левой, он возвышался, как демон смерти, над свежей могилой казненных разбойников.

- Если тебя позовут во дворец, ты ничего не скажешь об этом префекту, раб, - произнес сквозь зубы Афраний. Левий Матфей, связанный и жалкий, стоял, слегка

покачиваясь, рядом с ним, - иначе муки и смерть твоего Учителя покажутся тебе райским наслаждением. Понял ли ты меня, порождение шакала и гиены?

- Понял, - Левий утвердительно кивнул головой.

- Если выйдешь живым из дворца, ты навсегда покинешь Иудею и больше никогда не вернешься в Ершалаим. Понял? – Афраний крепко сжал в руке кнут и поднял им подбородок Левия Матфея. Он посмотрел в глаза бывшего сборщика податей, казавшиеся в отблесках факельного огня безумными.

- Да.

- Есть ли у тебя сомнения, что я достану тебя из-под земли, если ты нарушишь слово?

- Нет.

- Хорошо, раб.

- Я не раб! - оскалился Левий Матфей.

В ярости Афраний взмахнул кнутом и хотел, было, ударить наглеца, но сдержался. «Еще успею», - снова подумал он и приказал солдатам бросить Левия в повозку. Он передал факел пешему караульному, а сам вскочил в седло. Их путь лежал в преторию.

Предчувствие не обмануло начальника тайной службы. Тем же вечером, после доклада Афрания, Понтий Пилат приказал привести к нему Левия Матфея и о чем-то долго беседовал с ним с глазу на глаз. Окажись Левий злобным и мстительным, Афранию было бы не сдобровать. Но бывший сборщик податей сдержал свое слово. На самом деле он не боялся ни римской власти, ни начальника тайной службы, ни возможного наказания, ни даже смерти. Однако Левий уже не мог ответить злом на зло. *«А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»*... Наибольшие страдания ему доставляли угрызения совести – ведь он пытался, но не смог предотвратить казнь. И еще ему не давала покоя мысль о том, что со смертью Иешуа его учение может быть позабыто, или, что еще хуже, его станут перевернуть кому как вздумается. Ведь лишь немногие из тех, кто лично знали Учителя и считали себя Его учениками, были способны вразумительно повторить то, чему Он учил. Левий решил, что ему следует записать слова Иешуа, пока он все правильно помнил. Но сможет ли он, скромный сборщик податей, написать так складно и доступно, как говорил Учитель? Левий был настолько погружен в собственные мысли, что едва ли понял, чего хотел от него префект, ибо их разговор не был похож ни на дружескую беседу, ни на допрос, ни на попытку покаяния. Он даже не обрадовался, когда Пилат отпустил его восвояси, а попросту попросил дать ему чистый пергамент и оставил римлянина наедине с его совестью.

Когда Левий Матфей вышел из дворца Ирода, было уже далеко за полночь. Ершалаим спал, утопая в холодном лунном свете, столь ярком, что в нем терялись даже звезды. В этот час его покой нарушали лишь крики караульных да лай бездомных собак. Левий постоял некоторое время в нерешительности,

прислушиваясь к звукам ночи. Предстояло определить, что делать дальше. Остаться в городе было небезопасно, а идти - некуда, да и кто сейчас захочет связываться с незнакомым бродягой? И вдруг его осенило: Мириам! Так звали добрую крестьянскую женщину, которая жила вместе с сыном Марком на окраине оливковой рощи, что раскинулась сразу за кладбищем на южном склоне Масленичной горы. В ее доме ему были бы рады. Не раз и не два Иешуа, а с ним и Левий, и другие ученики заходили в дом Мириам переждать дневной зной и утолить жажду. Она всегда была преисполнена душевного тепла и сострадания к бедным путникам. Очень кстати сейчас было и то, что Марк был обучен грамоте. Внебрачный сын римского вельможи по имени Пандира Стада, он в детстве, пока мать служила в доме отца, обучался чтению и письму вместе с детьми римлян. Редкая удача для бедного иудея.

Более не мешкая, Левий отправился в путь. Однако не успел он сделать и ста шагов, как внезапно рядом с ним из темноты ночи возник Симон по прозвищу Кифа. Невысокий, с копной черных курчавых волос и крепкий, как дуб, он тоже был учеником Иешуа и слушал Его проповеди. Симон был известен тем, что при каждом удобном случае неистово клялся в любви к Учителю, но в день распятия трижды отрекся от Него. После казни Иешуа он прятался у пастухов в Кедронской долине и случайно стал свидетелем того, как Левия везли в преторию. Симон последовал за ним.

- Чего ты хочешь? – угрюмо бросил ему Левий Матфей, вздрогнув при появлении Симона от неожиданности. Он на мгновение остановился, смерил непрошенного попутчика колючим взглядом, а затем продолжил свой путь. – Предатель! Ведь ты отрекся от Него, это все слышали! Возвращайся в Галилею к жене и детям. Там твое место!

Левий говорил на ходу, отрывисто. В ночи его слова звучали по-особенному жестко.

- Не тебе судить меня, грязный сборщик податей! – громким, но все же шепотом огрызнулся Симон в спину ускорившему шаг Левию. – На то есть высший суд! Я был напуган, это правда, но Он простил бы меня, я точно знаю это! – Симон говорил торопливо, сбиваясь. Он семенил чуть позади Левия, стараясь не отставать. - И ты не смеешь меня прогонять! Ты ведь тоже идешь из дворца, сейчас ночь, и кто знает, о чем ты там договаривался с префектом... – в голосе Симона появились противные нотки подозрения. - Он ведь тебя отпустил? Почему? Иешуа с самого начала предвидел, что все так случится, Он сам мне об этом говорил... Мне теперь некуда идти, ибо моя семья, моя жизнь отныне – это Он!

Левий резко остановился, развернулся к Симону. Они столкнулись лицом к лицу. Симон от неожиданности опешил и отступил на пару шагов.

- Как там тебя прозвали – Кифа? Петр? – хмуро спросил Левий. Упреки и подозрения Симона сильно его задели. Профессия мытаря и вправду была презираема иудеями, но он считал, что давно очистился от бывшего позора. А тут еще эти намеки на его возможный сговор с префектом...

- Да, Учитель называл меня именно так, - гордо ответил Симон. Он явно не собирался уступить Левию.

- Так вот, Симон по прозвищу Петр, нелепо тебе, привселюдно и многократно предавшему Его, попрекать меня прошлыми грехами. Ты отлично знаешь, что когда Учитель призвал меня, я оставил свое прежнее ремесло. С тех пор, все эти три года, я был рядом с Иешуа. И я буду верен Ему до конца.

Вдруг, где-то неподалеку послышались крики. Это была переключка римского патруля. Симон и Левий, не сговариваясь, повернули головы в ту сторону, откуда в любую секунду могли появиться римляне. Встречаться среди ночи с патрулем было крайне небезопасно.

- Господь тебе судья, - тихо вздохнул Левий, махнув рукой как бы смирившись с неизбежным, - что толку говорить с камнем! Хочешь идти со мной – иди, мне сейчас не до тебя!

Он развернулся и зашагал дальше. И, правда, той ночью Левию было не до пустопорожних разговоров. Он был полностью поглощен тем, что ему предстояло свершить. Под покровом темноты Левий и не отступающий от него ни на шаг Симон выбрались из Ершалаима, пересекли Кедронскую долину, миновали каменную ограду кладбища и вскоре скрылись среди олив, покрывающих кудрявым серовато-зеленым покрывалом южный склон Масленичной горы. В самом конце оливковой рощи к изгороди прилепились несколько лачуг, в которых жили давилщики масла. Сама местность эта – Гефсимания – получила свое название от иудейского «гат шемен» - «пресс для масла»; здесь этим ремеслом занимались со времен патриархов. Левий и Симон вошли во двор одной из лачуг. Левий тихонько постучал в дверь.

На протяжении всего пути они так и не заметили маленького, невзрачного, рано лысеющего молодого человека, закутанного с ног до головы в серый плащ, который неслышно следовал за ними от самого дворца Ирода Великого. Теперь он следил за домом Мириам из сада, спрятавшись за стволом старой оливы. Когда из дома откликнулись и гости вошли внутрь, незнакомец подкрался поближе к единственному, выходящему в сад окну, замер и весь превратился в слух.

Мириам и Марк были дома.

- Что там, какие новости? – бросилась к Левию и Симону взволнованная Мириам. Несмотря на поздний час, она еще не ложилась. На ее добром лице была написана надежда, что Праведнику удалось каким-то образом спастись.

- Я видел, как Его арестовывали, я был там, в саду, едва ноги унес, - пояснил Марк. – Но больше мы о Нем ничего не знаем....

- Иешуа предали суду Синедриона. Прошлой ночью в нарушение Закона Его приговорили к смерти, и Каифа добился утверждения этого приговора римской властью. Учитель умер на кресте, Понтий Пилат приказал распять Его, как разбойника, как раба... – Симон горестно покачал головой. В его глазах показались слезы.

У Левия же не было времени на стенания. Свои слезы он выплакал, когда снимал тело Учителя с креста и прятал его в пещере. Едва перекинувшись словом с

хозяйкой, он деловито прошел в дальний угол дома, расположился прямо на полу возле масляной лампы, развернул пергамент, тщательно приготовил перья и чернила, и начал сосредоточенно писать. Никем не потревоженный, он писал целую ночь и весь день, потом еще один день и следующую ночь, не прерываясь даже для того, чтобы поесть. Он писал жадно, второпях, не слишком беспокоясь о каллиграфии и последовательном изложении собственных мыслей. На третье утро, смертельно уставший, он забылся сном прямо над пергаментом, даже лампу забыл погасить.

Господи, как сладок был его сон! Живой и невредимый, в белой сияющей тоге во сне к нему приходил Учитель, и они снова говорили о том, Бог хочет для человека свободы, и что спасение души без этого никак не возможно, и потому настанет день, когда всякая власть, осуществляющая насилие над людьми, исчезнет, и человек станет свободным... Иешуа о многом рассказывал ему во сне, но последние Его слова поразили Левия больше всего: «Когда ты проснешься, мир уже будет другим. Не ищите меня в пещере, тело мое больше не принадлежит этой земле... Отныне и навеки я стал одним с Отцом Моим Небесным. Но я вернусь к вам, когда придет час, а до той поры идите в мир с благой вестью о новом завете человека с Богом, суть которого – покаяние, праведная жизнь и любовь. Скажите всем, что отныне да будут они свободны от страха смерти, ибо уверовавшим в меня дарована будет вечная жизнь».

Проснувшись, Левий Матфей разбудил Симона и рассказал ему о своем видении. На рассвете они, уже не таясь, поспешили к пещере, где было захоронено тело Учителя, отвалили камень и вошли в гробницу. Погребальное ложе было пусто. Там лежал лишь небрежно скомканный саван, в который Левий Матфей собственноручно завернул тело Иешуа три дня тому назад.

- Свершилось... - глотая комок в горле, прошептал Левий. - Я знаю, Он жив, Он воскрес и теперь восседает рядом с Творцом, на небесах....

Симон же упал на колени, уткнулся лицом в саван и начал горячо шептать слова какой-то молитвы. Так прошло несколько минут.

- Мы должны исполнить то, что Он завещал нам, – сказал Левий Матфей уже твердым голосом. Он помог Симону подняться, затем взял саван, бережно сложил его и сунул в сумку. Они вышли из пещеры на дорогу.

– Теперь я должен идти, - произнес Левий. - Возьми, - он протянул Симону свиток написанного им пергамента. – Я напишу еще.

- Но ведь я не умею читать... - Симон выглядел растерянным, однако свиток взял. Он был рыбак и сын рыбака, и грамоте не обучен. Левий же по долгу своей прежней службы владел не только арамейским, но и еврейским, и даже немного греческим.

- Ты – ученик Иешуа, ты был с Ним все это время, слышал Его слова, и теперь не смеешь просто так их забыть! – твердо произнес Левий. - Сам не можешь прочитать – так отдай свиток тому, кто сможет! И не забудь сказать Марку - пусть он перепишет его также и по-гречески, дабы благая весть от Иешуа Га-Ноцри как можно шире разошлась по миру. Сейчас мне следует покинуть Ершалаим, иначе

Афраний найдет и убьет меня, и тогда я не смогу выполнить то, что должен и к чему призван был... Ты же не связан никакими обязательствами. Оставайся здесь и носи народу свет знания о новом завете человека с Богом. Прощай!

Он зашагал прочь.

- Постой, - вдогонку ему крикнул Симон. – Где тебя искать? Увидимся ли мы снова?

Левий остановился и вновь повернулся к Симону.

- Не знаю, увидимся ли, - ответил он и пожал плечами. - На все воля Божья. А сейчас я пойду к Марии, в Магдалу, отдам ей саван, а там видно будет.

- Что? – вскричал Симон-Петр. – Кому ты собираешься отдать его - Марии? Ты хочешь, чтобы эта женщина заняла наше место? Она при жизни не отходила от Иешуа, так ты хочешь, чтобы она была рядом с Ним и после Его смерти?

Симон пока не представлял, что ему делать с пергаментом, а вот погребальный саван Иешуа имел в его глазах мистическое, почти сакральное значение.

Левий оставался невозмутим.

- Разве ты не знаешь Закона? – спросил он. - Саван принадлежит той, которая была Его спутницей. Учитель любил Марию больше всех, она имеет на это право.

Левий Матфей подошел к Симону поближе, положил руки ему на плечи и, глядя прямо в глаза, тихо, но с твердостью в голосе произнес:

- Ты так ничего и не понял? Учитель вовсе не умер! Он жив теперь Жизнью Вечной и пребывает там, - он указал пальцем вверх, - на небесах. Но Он вернется, очень скоро вернется к нам, чтобы судить каждого, и не по словам, а по делам и по вере его. Он – Высший Судья, ибо Ему дана всякая власть на небе и на земле, а вот кто ты такой, чтобы судить о Марии? Сам Иешуа счел ее достойной, Он знал ее хорошо и поэтому любил всем сердцем. Разве ты не слышал, как Он говорил нам, что сам приведет ее в царствие небесное? Ты, и точно, каменный истукан, если смеешь сомневаться в Его выборе!

Симон отвел взгляд. Левий оставил его, подтянул веревкой хитон, забросил на плечо полотняную дорожную сумку и ушел, более не оглядываясь. Он держал путь на Восток. Солнце, только что взошедшее над горами, казалось, само указывало ему дорогу. Симон долго смотрел вслед Левии. Тогда он еще не знал, что им не суждено больше встретиться. Левий Матфей ушел, словно взбравшись по солнечной тропинке прямо на небеса, к своему Учителю, ибо не только Симон, но и никто другой из смертных так никогда и ничего не узнал о его дальнейшей судьбе.

Когда Левий скрылся из глаз, Симон-Петр все еще стоял посреди дороги в растерянности, размышляя, что же теперь делать ему. Выбор, увы, был невелик. До того, как стать учеником Иешуа, Симон - сын Ионы из Вифсаиды - рыбачил вместе с братом Андреем и ни разу не покидал Галилею. В Ершалаиме он никого не знал, и поэтому ему ничего не оставалось, как вернуться в дом Марка и Мириам. Он отдал рукопись Левия Матфея Марку и остался с ним, чтобы рассказать подробнее о

жизни и служении Иешуа Га-Ноцри. Симон-Петр не считал, сколько дней и ночей он провел в доме Мириам. Праздники давно закончились, а Марк все еще старательно записывал то, что говорил Петр. Потом, много лет спустя, он составит из его слов связный рассказ. Петр же вернется к семье, в Кфар-Нахум - Капернаум, - где снова займется рыбной ловлей. Но вот однажды во сне его посетит ангел и скажет, что ему следует вновь идти в Ершалаим, чтобы стать пастырем над теми иудеями, которые приняли учение Иешуа, уверовали в Сына Божьего и Его чудесное воскрешение. Так Симон бар Йона по прозвищу Петр, призванный Иешуа Га-Ноцри в Капернауме, и станет тем апостолом Петром, о котором узнают потомки. Так сбудется сказанное ему однажды устами Учителя: «... *паци овец Моих*».

Глава 2. Quelle

Благая весть, прозвучавшая утром 28 июня 2009 года в эфире ведущих мировых теле- и радиостанций, застала Сергея Михайловича Трубецкого – известного киевского палеографа и специалиста по древним рукописям – на кухне. Он как раз допивал свой утренний кофе, когда диктор экстренного выпуска теленовостей сообщил о сенсационной находке: в Риме, под алтарем храма Сан-Пауло-фуори-ле-Мура обнаружены останки святого апостола Павла! Журналист, ведущий репортаж из Ватикана, излучал по этому поводу чрезвычайный энтузиазм, хотя сенсацией эта новость могла считаться лишь с большой натяжкой. Учитывая, что название храма переводится не иначе, как «базилика святого Павла за городскими стенами», а 29 июня 2009 года заканчивался официально объявленный католической церковью год святого Павла, в этом сообщении не было ничего удивительного. Как раз наоборот, оно было вполне ожидаемым. Проживший полжизни во времена «развитого социализма» Трубецкой воспринял эту новость с пониманием: «При коммунистах мы и не такие дела проворачивали к нужной дате», - подумал он про себя. Как раз в этот момент диктор оглашал официальное сообщение Папы Римского Бенедикта XVII о том, что в ходе исследования саркофага, обнаруженного учеными под алтарем базилики еще в 2006 году, были найдены фрагменты человеческих костей, относящихся к I-II векам нашей эры. На самом каменном саркофаге имелась надпись «Павел, апостол, мученик», на основании чего Ватикан пришел к выводу, что «единодушная и бесспорная традиция, согласно которой речь идет об останках апостола Павла» получила теперь чисто научное подтверждение. Патриархи православной церкви от комментариев по этому поводу воздержались.

Зато от комментариев не воздержалась супруга Трубецкого, ученый-историк Анна Николаевна Шувалова. Она была чрезвычайно удивлена тем, что о саркофаге сообщили только сейчас. Ведь о том, что римский храм Сан-Пауло-фуори-ле-Мура начал строиться императором Константином Великим еще в IV веке именно на месте предполагаемого захоронения апостола Павла знал каждый мало-мальски продвинутый исследователь, интересующийся библейской тематикой. Еще более

странным был перечень предметов, найденных в саркофаге, который, якобы, побоялись вскрыть и поэтому изучали через небольшое отверстие с помощью дистанционной камеры. Там, среди прочего, нашли остатки драгоценных льняных тканей пурпурного и голубого цветов, золотую пластину, ладан. «Воистину, дьявол кроется в деталях», - заметила по этому поводу Анна Николаевна. Ибо у непосвященных телезрителей могло сложиться впечатление, что почти две тысячи лет тому назад римляне, которые как раз и казнили апостола Павла, сначала похоронили его с царскими почестями, а затем на протяжении как минимум двух веков, пока римские же императоры подвергали христиан ужасным гонениям, тщательно оберегали могилу основного идеолога христианской веры и автора концепции богочеловечности Иисуса Христа от разграбления. Они будто предвидели будущий статус Рима как места расположения Святого Престола. Что же, это было бы весьма любезно с их стороны.

- Между прочим, - сообщила мужу Шувалова, - это не первая эпохальная находка такого рода. В декабре 1953 года действующие по указанию Папы Пия XII археологи нашли под Ватиканом могилу апостола Петра, в которой, правда, его мощей не оказалось. Зато всему миру стал известен тот жуткий факт, что собор Святого Петра построен не на месте цирка Нерона, как это раньше считалось, а поверх самого обыкновенного языческого кладбища, на котором имелось лишь несколько захоронений христиан. В результате десятилетних раскопок, проводившихся под собором, в том числе и во время Второй Мировой войны, там, действительно, был найден мавзолей, который, по косвенным признакам, мог бы иметь отношение к апостолу Петру. С огромной натяжкой два археолога – иезуита и еще двое светских ученых - выходцев из приближенных к Папе семей – смогли доказать, что в мавзолее среди перемешанных костных останков мужчины, женщины, юноши, лошади, курицы и других животных, есть и останки апостола. Об этом мир узнал еще в 1968 году.

- Это все очень увлекательно, - перебил ее Сергей Михайлович, - но с чего бы это вдруг ты стала интересоваться могилами и мощами христианских святых? Решила сменить квалификацию на археолога?

- Вовсе нет. Дело не в могилах, а в Q-документе, - ответила Анна. – Это от немецкого слова Quelle – источник. С недавних пор меня интересует именно он.

- В Q-документе? – переспросил Трубецкой. – Это ты о чем?

– Я имею в виду тот предполагаемый первоисточник, в котором, якобы, были собраны самые истинные, подлинные и точные изречения Иисуса, позднее положенные в основу синоптических евангелий от Марка, Луки и Матфея. Его еще называют «Логиями».

- Подожди, но я думал, что найденное в Кумране евангелие от Фомы – это тот самый первоисточник и есть? Во всяком случае, я где-то читал о такой версии, и при этом совершенно недавно. По-моему, именно оно написано в форме высказываний Иисуса и не содержит никаких отвлеченных повествований о его жизни. А какая связь между этим твоим Q-документом и могилами?

- По поводу первоисточника евангелий версий существует много и разных, - Анна пожала плечами, - однако, по единодушному мнению лучших специалистов-теологов, евангелие от Фомы, увы, не дотягивает до «Логий», не говоря уже о том, что официальная церковь вообще отказывается признавать его каноничность, то есть то, что оно реально было написано апостолом. Однако я верю, я абсолютно убеждена, что такой документ, как «Логия», существовал, как бы теперь его не называли. У меня на этот счет есть даже своя теория.

Дело в том, что в трудах многих раннехристианских историков упоминаются и евангелие от Петра, и другие документы апостолов, и, что самое интересное, евангелие от Андрея. Ведь вот как странно все выглядит: из четырех канонических евангелий Нового Завета одно написано самым юным из апостолов – Иоанном, если вообще им, что, как ты знаешь, никем не доказано, второе - врачом греческого происхождения по имени Лука, который был учеником Павла, а третье - неким Марком – учеником Петра. Лишь один документ – от Левия Матфея – бесспорно написан настоящим апостолом. Именно Евангелие от Матфея можно считать вышедшим, так сказать, из первых рук, хотя даже по этому поводу продолжают весьма горячие дискуссии. Ну да ладно, среди ближайших учеников Христа, судя по всему, не все отличались писательскими талантами, но, к примеру, Андрей Первозванный был тонким и умным философом, он был прекрасно образован, обучен самим Иоанном Крестителем, так почему же он не оставил евангелия, ведь не найдено даже апокрифического варианта – ничего! В Египте, в Наг-Хаммади, и на Мертвом море было найдено еще с десяток различных «евангелий», в том числе от Иуды, Петра, Марии Магдалины, Иакова, Фомы, Филиппа, ессеев, двенадцати апостолов... От кого угодно, только не от Андрея!

- Хорошо. Как я понимаю, ты склоняешься к мысли, что документ-первоисточник мог бы быть написан апостолом Андреем, но причем тут захоронения и мощи?

- А при том, что в те времена была такая традиция – класть в могилу к умершему что-то очень ценное и нужное ему на том свете. Для учеников Христа не было ничего важнее, чем истинное слово их Учителя – ведь ни икон, ни крестиков, ни ладанок, ни прочих ритуальных предметов церковного культа тогда еще не существовало. Вот, к примеру, из церковных преданий известно, что когда евангелист Марк хоронил в Иерусалиме апостола Варнаву, он положил на грудь покойного не что иное, как переписанное собственной рукой Евангелие от Матфея. Или другой пример: апокрифическое евангелие от Петра нашли не где-нибудь, а в могиле средневекового монаха. Рукописная копия Евангелия от Иоанна, датируемая VII веком, была обнаружена в гробу святого Кутберта в начале XII столетия в Англии. Но более всего загадок таит история с мощами Андрея Первозванного, ибо есть свидетельства, пусть и не прямые, что и в его захоронении в греческих Патрах был в свое время найден некий пергаментный манускрипт. Проблема только в том, что когда в IV веке останки апостола перевозили в Константинополь, а затем перемещали там из одной церкви в другую, и мощи, и

свиток этот неизвестно куда подевались. Если бы удалось найти останки апостола, то нельзя исключать, что там обнаружилось бы и евангелие от Андрея.

- Но откуда известно, что оно вообще существовало, это евангелие? Ты не фантазируешь?

- На этот счет имеется одно очень даже каноническое свидетельство, от самого Папы Римского. Дело в том, что между IV и VI веком римская церковь сформировала очень важный документ, ныне известный, как «Декрет Папы Геласия». В нем были просто перечислены «истинные» с точки зрения римского епископата книги Ветхого и Нового заветов, указаны Вселенские соборы, решения которых признаются церковью каноническими, поименно названы святые отцы, чьи труды следует принимать целиком, а также отмечены авторы, к чьим сочинениям нужно подходить с опаской. При этом с точки зрения самого Геласия основным критерием отбора должно было служить мнение Иеронима Блаженного. Среди «принимаемых» писаний в декрете названы акты христианских мучеников и жития святых отцов. Кроме того, рекомендованы к чтению, хотя и с некоторыми оговорками, отдельные сочинения вроде книг «Обретения креста Господня» или «Обретения головы Иоанна Крестителя». Завершает этот список весьма примечательная сентенция: «Прочие же писания, составленные или проповеданные еретиками или схизматиками, католическая и апостольская Римская церковь отнюдь и никоим образом не принимает; и те немногие из них, что на память пришли и которых католикам избегать следует, полагаем мы правильным здесь назвать». Так вот, - торжествуя закончила Анна, - одним из первых среди «запрещенных» писаний в длинном перечне отвергаемых Римской церковью документов числится евангелие от Андрея! Значит, оно существовало! Это очень важное свидетельство! Кроме того, на иконах, где изображено распятие Андрея на косом кресте, его часто изображают со свитком в руке. Что это еще может быть, как не его собственное евангелие? И потом, ты же знаешь, - иконописцы – люди не простые, раз они так видят, значит, это не случайно.

- Послушай, - Сергей Михайлович встал из-за стола, - это все безумно интересно, но мне, правда, пора в университет. Давай продолжим этот разговор позже, а то я опаздываю на заседание. С этими словами Трубецкой подхватил портфель, плащ, поцеловал жену и почти бегом выскочил из дома.

Вообще-то профессор Трубецкой старательно избегал заседаний Ученого совета всегда, когда это было возможно. Ему было жалко тратить время на обсуждение в большинстве своем банальных проектов, которыми изобиловали утвержденные и спущенные сверху планы, тогда как действительно интересные результаты встречались крайне редко. Ведь планы, как известно, нужно выполнять, потому и составляются они так, чтобы при любом исходе было чем отчитаться перед начальством. Наука тут вообще не причем.

Однако сегодняшний день был особенным. Его собственный аспирант из Грузии по имени Тариел должен был сделать промежуточный доклад по своей работе, посвященной духовным аспектам взаимодействия Византии и Руси в годы

становления Киевского государства. Эта не совсем традиционная для университета тема представляла особый интерес для Трубецкого. Все началось с того, что однажды Сергею Михайловичу попала на глаза одна редкая монография о работах византийского чиновника и хрониста Иоанна Скилицы, известного своими трудами по истории Константинополя. Трубецкой хорошо знал классический труд Скилицы «Обозрение истории», содержащий весьма добросовестную хронологию событий в жизни империи IX-XI веков. Так вот, выяснилось, что это был не единственный его труд, дошедший до нас. В начале XVIII века в королевскую библиотеку Мадрида поступила рукопись, носящая название «История византийских императоров в Константинополе с 811 по 1057 год, написанная куропалатом Иоанном Скилицей», в которой содержалась масса интереснейшей информации об этом периоде. И хотя эта рукопись являлась, скорее всего, не оригиналом, а его более поздней копией, по мнению мадридских ученых, не было оснований ей не доверять. Охваченный Скилицей период был чрезвычайно интересен с точки зрения истории Руси – ведь именно в X веке в Константинополе крестилась княгиня Ольга. Вместе с фундаментальным трудом самого императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», где было приведено немало прелюбопытнейших сведений о русских землях, и, в частности, непосредственно упоминается «крепость Киоава», труды Скилицы служили важнейшим источником информации о Византии и ее соседях.

Особой же гордостью Трубецкого и Тариела было исследование двух писем византийского императора Михаила VII Дуки к киевскому князю Всеволоду Ярославичу, написанных в 70-е годы XI века. В одном из них император, ссылаясь на имеющиеся в его библиотеке духовные книги, писал: «Наши государства оба имеют один некий источник и корень ... одно и то же спасительное слово было распространено в обоих ... одни и те же самовидцы Божественного таинства и его вестники провозгласили в них это слово». Несомненно, что автор имел в виду святого апостола Андрея, который, по преданиям, посещал как Византию, так и земли вдоль Борисфена во время своих апостольских путешествий. И хотя некоторые ученые оспаривали историчность этих писем, Трубецкой был уверен в их подлинности. Духовная трансформация языческой Руси под воздействием Константинополя, объединяющая две культуры фигура апостола Андрея Первозванного, символическое значение концепции Святой Софии в истории двух государств – все эти темы рассматривались в работе Тариела, которую Ученый совет исторического факультета заслушивал сегодня.

- Существуют вполне достоверные свидетельства, что история Византия-Константинополя-Стамбула – столицы Римской, затем Византийской, а затем – Османской империи непосредственно связана с именем Андрея Первозванного, – так начал свое выступление Тариел.

- По классическим церковным преданиям, - продолжил он, - святой апостол посещал древний Византий во время одного из своих путешествий. Тогда это было просто небольшое греческое поселение на берегах бухты Золотой Рог. Вообще-то история города насчитывает около трех тысяч лет, однако его настоящий расцвет

пришелся на эпоху императора Константина. Именно в IV веке н.э. Византий начинает приобретать очертания не просто великой столицы, но настоящего духовного центра Римской империи. По преданиям, именно в те годы Константин Великий приказал заложить величественный храм Святых Апостолов, в котором пожелал собрать останки всех двенадцати учеников Христа. Увы, он не успел увидеть результаты своих трудов. Мощи первого из них - апостола Андрея были обретыены в греческом городе Патры уже после смерти императора. Еще позднее к ним присоединились останки евангелиста Луки и еще одного святого - Тимофия, ученика Луки. Положение мощей святого апостола Андрея в Константинополе было совершено 3 мая 357 года в присутствии патриарха Македония I и императора Констанция – это, можно сказать, установленный факт.

Политика Константина имела под собой как материальные, так и духовные основания. К IV веку Римская империя стала практически неуправляема из Рима. Отсюда вполне понятно желание императора Константина Флавия перенести столицу ближе к обширным владениям империи в Малой Азии, которые нужно было контролировать, как и черноморские проливы. Что он и сделал. Но это была лишь видимая, скажем так – практическая сторона дела, а ведь нельзя упускать из виду и духовную. Примечательно, что именно в Византии, а не в Риме, христианство провозглашается государственной религией Римской империи, именно здесь строится самый большой тогда в мире христианский собор Святой Софии. Но ведь Рим – это престол Петра, вроде как самого близкого Иисусу апостола. Если с административной точки зрения перенос столицы был оправдан, то с духовной – конфликт между Константинополем и Римом становился неизбежен. Хотел бы предложить такое объяснение этим событиям. Допустим, в силу определенных соображений император Константин принимает решение объявить христианство официальной религией Римской империи. В данном случае даже не столь важно, что именно подтолкнуло его к такому шагу. Но вот что тогда получается: в Риме, якобы, захоронен апостол Павел, там же покоятся останки Петра, над которыми теперь и воздвигнут ватиканский собор Святого Петра, а в Константинополе – вновь создаваемой столице империи - что, не будет никаких святых реликвий? Этого Константин Флавий допустить не мог. Это был дальновидный политик, стремящийся сохранить и упрочить Римское государство. Он предвидел, что христианство станет в будущем мощнейшей объединяющей силой для населяющих его народов и, чтобы продемонстрировать духовное равенство новой столицы Риму, он приказывает отыскать и перевезти в Византий мощи сразу нескольких святых, включая апостола Андрея Первозванного и Луки - евангелиста. Ведь Андрей – брат Петра, а Святой Лука был, по церковным канонам, сподвижником апостола Павла. Я так думаю, что тем самым император Константин стремился придать новой столице божественную значимость, если хотите - ореол святости. Ведь Константинополь, как и Рим, построен на семи холмах, и денег не жалели, и лучших архитекторов привлекли – соперничество очевидно! Даже после того, как город уже приобрел очертания столицы, римская знать не хотела в него переезжать и Константин был вынужден построить для них дома-дворцы, с

водопроводами, банями и садами, ипподром, крытые улицы для торга и все это только для того, чтобы им было комфортно, как в Риме.

Забегая немного вперед, следует сказать, что установленная Константином традиция духовного преображения столицы империи была продолжена в VIII веке, когда в составе архитектурного ансамбля Большого дворца в Константинополе соорудили великолепный Храм Богородицы Фаросской. В этом святилище было собрано более двух десятков наиболее значимых христианских реликвий, в том числе частички Святого Креста, Тернового венца, Святого Копья и Трости, один из Гвоздей, Багряница и Погребальные пелены Спасителя, Мандий и другие святыни. Все это было разграблено в 1204 году крестоносцами. Но вернемся в IV век.

Итак, уже при императоре Констанции мощи святых апостолов были торжественно положены сначала в церкви Святых Апостолов, а затем – в VI веке – их частично переместили в собор Святой Софии и захоронили там под престолом храма. Потом, после захвата города в XV столетии, турки перестроили Софию в мечеть Айя-София и престол, как и мощи, оказались утерянными. Лишь в начале XX века Айя-София стала музеем и появилась возможность для дальнейших исследований. Однако турки сильно повредили убранство храма, изменили даже его архитектуру – построили вокруг минареты, медресе и гробницы нескольких султанов, внутри убрали алтарную преграду, амвон и патриарший престол, возвели михраб, уничтожили практически все изображения крестов, уникальную мозаику, даже фрески и древнейшие граффити на стенах замазали краской – потом отдирать пришлось. Там до сих пор идут реставрационные работы, но то, что было утеряно много веков тому назад, пока восстановить не удалось.

Кстати, имеются свидетельства, что киевская София была построена как уменьшенная копия византийской. Обращает внимание особенная, если хотите – мистическая - связь Константинополя и Киева. Мало того, что оба города построены на семи холмах, они оба были названы по именам основателей, оба стали столицами могущественных государств, оба были в свое время завоеваны иноверцами, так в обоих есть храмы Святой Софии, которые превращены в музеи.... И София в Константинополе, и София Киевская были практически до основания разграблены – сначала в XIII веке: в Константинополе – крестоносцами, в Киеве – Батыем, а потом в XV веке: там – турками, а здесь – крымскими татарами. И там, и там после этого были прекращены богослужения, Айя-София стала музеем после приказа Ататюрка в 1934 году. В том же году София Киевская была закрыта, а статус музея получила в 1935-м....

Трубецкой внимательно слушал Тариела, когда у него в кармане завибрировал телефон. Он посмотрел на засветившийся экран, подсказывающий, что им получено текстовое сообщение от супруги. Оно было кратким: «Мы летим в Стамбул. Билеты заказала. До вечера». Сергей Михайлович встал и тихонько вышел из зала заседаний. Анна ждала его звонка.

Глава 3. Савл из Тарса Киликийского

Черная южная ночь стремительно надвигалась на Ерашлаим. Утомленное изнурительной жарой солнце даже не опускалось, а буквально падало, будто в изнеможении, далеко за горы, туда, где плескалось Средиземное море. Среди множества иудеев, которые этим вечером с облегчением провожали взглядами покидающее небо светило, был и невзрачный молодой человек, стоявший на крыле Ерашалаимского храма. Невысокого роста, почти лысый, с низкими покатыми плечами и крючковатым носом, он был одет в римскую тогу и потому стоял с гордо поднятой головой. Его звали Савл, по рождению - из Тарса Киликийского. Он был единственным, поздним и долгожданным ребенком своих родителей, потому и имя ему дали такое – Савл, что означает «выпрошенный», «вымоленный». Он походил из колена Вениаминова, а его родословная восходила чуть ли не к царю Ироду. Отец Савла купил римское гражданство за золото и именно поэтому Савл имел право носить римскую тогу. Молодой человек терпеливо наблюдал, как тень, отбрасываемая двумя храмовыми башнями, сначала наползла на Масленичную гору, как бы сжимая ее в объятиях, а затем полностью растворилась в пришедшей с Запада темноте.

Савл находился в Храме не по праздному поводу, и не для молитвы, а по делу. Сразу после захода солнца его ждал сам первосвященник Каифа, призвавший молодого и очень способного ученика рава Гамалиеля для тайного разговора. Для уроженца провинциального Тарса, пусть и происходящего из хорошей семьи, это было высокой честью. Кроме того, Храм был местом Силы и, бывая в нем, Савл всегда ощущал необыкновенный подъем духа. Поэтому, готовясь к встрече с Каифой, он предусмотрительно пришел в Храм немного раньше, чем требовалось, чтобы спокойно, без всякой суеты поразмышлять о происходящих в Иудее событиях и так сосредоточиться.

Воистину, подумать было о чем. Несколько лет тому назад неожиданно-негаданно в Галилее объявился самозванный мессия по имени Иешуа Га-Ноцри или Иисус из Назарета, как по-гречески его называли последователи и ученики. Покушаясь на Закон Моисея, этот новоявленный пророк стал проповедовать в Иудее, Галилее и Самарии некий новый завет народа Израиля с Всевышним, смущая умы как иудеев, так и эллинов. При этом некоторые из его учеников имели наглость ссылаться на книгу пророка Иеремии, в которой было сказано: *«Вот наступит день, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, как Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили...»* (31:31-33). Три года продолжалось это безобразие, пока, наконец, возмутителя спокойствия не предали в руки Синедриона, а затем - и римской власти. Казнили его позорной смертью – распяли на кресте, как беглого раба или разбойника, предварительно предав публичному глумлению. Так свершилось сказанное в Писании - *«Проклят пред Богом всякий, повешенный на дереве»* (Втор. 21:23), *«Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем и мы ни во что не ставили Его»* (Ис. 53:3). Однако, невзирая на Закон и жестокую казнь, последователи этого

Иисуса стали еще громче кричать на всех углах, что Он, якобы, был Сыном Бога живого, и не умер вовсе, а был воскрешен Всевышним и взят Им на небо. Ситуация усугубилась еще и тем, что, действительно, тело казненного исчезло и, как все громче шептались в Ершалаиме, на третий день после погребения распятый «мессия» явился своим ученикам живой и невредимый, приказав им идти в мир и проповедовать Его новое учение.

Савл слыл одним из лучших учеников знаменитого рава Гамалиеля, члена Синедриона. Он был хорошо образован, твердо наставлен в Законе и в подобные басни не верил. Савл не уставал надсмехаться над горсткой последователей Иисуса, которые стращали жителей Ершалаима и окрестных поселений скорым приходом конца света и наступлением какого-то нового «царства Божьего». Все это выглядело в глазах Савла обыкновенной ересью, фарсом, пока они не добрались до Эстер.

Именно так звали девушку, в которую Савл был давно и безнадежно влюблен. Он как-то встретил Эстер на ершалаимском базаре и был моментально сражен ее красотой. Она и вправду была прекрасна – стройна, как серна, с тонкими чертами нежно-смуглого лица, шелковистой кожей и дивными темными глазами, обрамленными бархатными ресницами. Издали, с любого расстояния, Савл мог узнать ее будто выточенную из эбонитового дерева изящную фигурку, легкую, летящую походку, и он часто тайно следовал за ней, куда бы она не направлялась – на базар, к источнику или в синагогу. И вот, эти подлые отщепенцы сумели проникнуть в душу девушки, о чем Савл узнал случайно, однажды разговорившись в Храме с уважаемым Хаимом - отцом Эстер. Хаим жаловался, что ничего не может с ней поделать – дочь все чаще проводила время со своими новыми друзьями, отказываясь прислушаться к голосу разума и следовать традициям Закона.

Это был страшный удар. Что только Савл не предпринимал, чтобы добиться ее расположения – Эстер даже смотреть в его сторону отказывалась. Да, Савл не был писанным красавцем, но он походил из хорошей семьи, был образован, имел римское гражданство, и в глазах отца Эстер был вполне подходящей парой для дочери. Но, увы, не в глазах самой Эстер. Так презрение, которое Савл испытывал к христианам, превратилось в ненависть.

Эстер, Эстер! Какую ошибку ты совершила, сама того не зная – не ведая!

Савл очнулся от неприятных размышлений. Он почувствовал, как в его крови снова закипает лютая злость. Он еще покажет этим вероотступникам! О, как горько они пожалеют о содеянном! «Солнце уже село», – заметил он про себя. Пора было идти к первосвященнику.

Надо сказать, это была не первая их встреча. Савл и сейчас помнил, как пришел к Каифе, когда выяснил, что же случилось с телом самозванного «мошиаха» после казни. Став невольным свидетелем ночного разговора Левия Матфея с Симоном, он тогда сразу смекнул, что первосвященнику, от которого только и зависело, когда же назначить его равви, будет небезразлично узнать, что теперь замышляют последователи распятого «мессии». Савл три дня и три ночи не спускал

с них глаз и покинул свой пост вблизи дома Мириам лишь когда узнал все, что ему было необходимо, – и где было спрятано тело этого Иешуа, и где теперь свили гнездо его ученики. Убедившись, что он остался незамеченным, Савл неслышно выбрался из сада и вскоре, благополучно миновав все посты, предстал перед Каифой.

- Какую весть ты принес мне, Савл? – спросил его тогда Каифа.

Тот поклонился в знак приветствия и начал доклад.

- Похоже, что тело казненного самозванца так и не было предано земле, как думает римский префект и как утверждает Афраний. Оно было снято с креста и захоронено в погребальной пещере хорошо вам известного Иосифа из Аримафеи, в саду неподалеку от Енномской долины, а затем исчезло. Очевидно, что все это дело рук Левия Матфея – в прошлом мытаря, а ныне бродяги, который неотступно ходил за Назаретянином и числился среди первых его учеников. Он же сочинил некий манускрипт с проповедями этого так называемого «равви». Его последователи – среди них особенно активны Симон бар Йона из Вифсаиды и Марк из Гефсимании, отпрыск Пандиры Стада и некой Мириам, намереваются использовать эти записи для того, чтобы продолжать смущать умы иудеев. Писано будет также по-гречески, ибо они хотят распространить свою проповедь по всей империи.

- По-гречески? – переспросил первосвященник задумчиво. – Это хорошо. Тем раньше они навлекут на себя гнев Рима, который сам с ними и расправится. А вот рукопись Левия – это весьма, весьма любопытно... Ее следует изъять, - вдруг решительно сказал Каифа. - Ты мне ее раздобудь, слышишь? Она нам пригодится, ибо думаю я, что немало еще будет написано об этом бродяге Иешуа Га-Ноцри и лучше, если мы будем точно знать, насколько далеко эти вероотступники отойдут от истины. Где, ты говоришь, они свили себе гнездо?

- Левий Матфей благоразумно покинул Ершалаим, он опасается людей префекта, а вот Симон все еще здесь, он скрывается сейчас в одном из домов давитьщиков масла, что за Масленичной горой.

Каифа на несколько мгновений задумался, а затем произнес:

- Ты проникнешь в этот дом, выкрадешь пергамент и принесешь его мне. Безразлично, как ты это сделаешь. К примеру, можешь сказать им, что тоже веришь в бредни бродячего философа...

- Хорошо, я сделаю, как вы хотите, - смиренно произнес Савл, склоняясь в поклоне, - это несложно. Но могу ли я просить еще о нескольких мгновениях вашего драгоценного времени? – с неожиданным подобострастием в голосе спросил он.

- Чего ты хочешь? Говори, я слушаю, - той ночью Каифа был милостив. Этот Савл принес важные вести.

- Я хотел бы понять, чем же был столь опасен Назаретянин для народа иудейского? Ведь мы знали немало лжепророков и горе-проповедников, почему же именно этот оборванец вызвал такой гнев Синедриона?

Каифа внимательно, с недоверием взглянул на Савла. Такие вопросы мог бы задать простак; первосвященнику было крайне странно услышать их из уст ученика

рава Гамалиеля. «Либо он глуп, что вряд ли, - подумал про себя Каифа, - либо хитер. Надо быть с ним поосторожнее».

- Странно, что ты спрашиваешь о таких простых вещах, - медленно, процеживая, как бы тщательно подбирая слова, произнес он. - Впрочем, ты молод и, очевидно, все еще недостаточно крепок разумом, чтобы понять все это, хотя рав Гамалиель и высоко тебя ценит. Скажу тебе так: тот, кто грезит о наступлении царства истины и всеобщей справедливости, опаснее тысяч разбойников и страшнее десятка вражеских армий. Это покушение на существующий порядок вещей, на действующую власть, на Закон. Тот, кто говорит, что любая власть есть насилие над людьми и настанет время, когда всякая власть исчезнет, может, и, скорее всего, будет поддержан чернью. Толпа всегда ненавидит порядок и власть, и легко идет на поводу у тех, кто говорит на понятном для нее языке разрушения. Любовь, о которой вещал Га-Ноцри – это, прежде всего, свобода духа, а всякая свобода – это конец порядка, это - хаос, разрушение, смерть. В безумии он призывал разрушить Храм, средоточение веры иудейской, дом самого Господа! Мы не могли этого допустить. Народ иудейский жив и переживет всех своих врагов только потому, что сурово следует Закону и пророкам. Помни это! – Каифа раздраженно махнул рукой: - Иди, и сделай то, что я тебе велел.

Савл еще раз склонился в поклоне и, пятясь назад, вышел. Однако ответы первосвященника совершенно не удовлетворили его. Он стремился глубоко понять суть происходящих событий, будто предвидя свою будущую судьбу и то, что ему еще предстояло свершить. Савл вовсе не был глуп, как показалось Каифе. Невзирая на презрение, которое он испытывал к последователям Га-Ноцри, он понимал, что *философа и пророка, принесшего в мир новое, отличное от Закона учение, а этого факта не отрицали даже книжники и фарисеи, нельзя победить смертью, даже такой позорной, как через распятие*. Если сомнения возникают у него, знатока Закона, то, что же тогда говорить о простолюдинах? Разве любовь и свобода несут хаос и смерть? Разве царство всеобщей справедливости противоречит сущности и стремлениям человека? Во всем этом следовало разобраться. Поэтому, еще перед тем, как выполнить поручение Каифы, он посетил своего учителя – уважаемого рава Гамалиеля, члена Синедриона. Тот внимательно выслушал сомнения Савла и сказал ему вот что:

- Ты знаешь, что уже много веков народ иудейский ждет царя-освободителя, мошиаха, который прогонит врагов, дарует свободу и откроет ему врата счастья. Поначалу Иешуа Га-Ноцри был воспринят многими в Иудее и Галилее именно как тот самый мессия из рода Давидова, которого мы ждали. Однако Назаретянин говорил совсем не о том, что от него ожидали услышать. Его проповедь была обращена одинаково ко всем народам, как поработенным, так и к поработителям. Но разве могут палач и жертва быть одинаково «добрыми людьми»? Разве может властелин и раб вместе мирно жить в «царстве истины и справедливости»? Разве можно любить своего врага, как своего брата и подставлять вторую щеку, когда тебя ударили по первой? Это лжеучение, противное народу Моисея. И разве мог Синедрион смириться с распространением таких еретических мыслей?

- Впрочем, - добавил Гамалиель доверительно, - я был против его казни. *Предав Иешуа Га-Ноцри распятию, мы сами, своими руками создали Бога из Человека.* И мы еще не раз об этом пожалеем, чует мое сердце.

Прошло несколько дней. К ярости Каифы, по Ершалаиму продолжали расползаться слухи о чудесах, которые, как перешептывались в городе, произошли с телом одного из казненных Пилатом преступников. Говорили, что он воскрес из мертвых, является во плоти своим ученикам и последователям, и продолжает проповедовать, совершая чудеса. Каифа предпринял, было, попытку заручиться согласием римского префекта, чтобы искоренить вредные слухи вместе с теми, кто их распространяет (как любил говаривать первосвященник: есть человек – есть проблема, нет человека – нет и проблемы), однако на этот раз получил решительный отказ.

- Я ведь просил тебя помиловать Его? Я трижды спрашивал тебя, кого должен освободить римский префект в канун великого праздника Пасхи. И ты трижды сказал – Варраву! Ты свой выбор сделал, Каифа. Теперь они, - Понтий Пилат сделал характерный жест, указав перстом в сторону улицы за стенами дворца, - обожествляют философа и рассказывают о нем всякие небылицы, благо теперь можно выдумывать все, что угодно. Ныне же, я так вижу, ты решил сделать римскую власть своим послушным орудием. Этому не бывать! – гневно воскликнул Пилат.

- Но распространение ереси вредит и Риму... - первосвященник все же попытался его уговорить.

- Ты говорил, что Его проповеди бунтуют народ, а, между тем, Его казнь не привела ни к каким волнениям, - возразил префект.

- Его последователи устраивают в городе собрания и нам известно где...

- Говорю еще раз: ты свой выбор сделал, Каифа, а я делаю свой. Теперь разбирайся сам, - твердо сказал ему Понтий Пилат.

Тем временем дом Мириам стал местом настоящего паломничества. Слово о чудесном воскрешении Иешуа Га-Ноцри ветром разнеслось по Земле Ханаанской. Со всей Иудеи и Галилеи сюда начали приходить желающие послушать рассказы Симона и Марка. Однажды, ближе к вечеру, в их дом вошел и Савл. Он незаметно присоединился к группе слушающих Симона паломников и стал терпеливо дожидаться своего часа. Савл пробыл в доме Мириам три дня и три ночи и только тогда решился украсть рукопись...

Он принес ее Каифе очень гордый, что ему удалось выполнить столь ответственное поручение. Савл был уверен, что первосвященник тут же уничтожит пергамент. Однако тот, к его удивлению, вместо того, чтобы сжечь еретические записи, внимательнейшим образом просмотрел свиток, а затем тщательно запер его в шкафу, где хранились самые ценные свитки Торы. Лишь со временем Савл понял, почему первосвященник так поступил.

Минуло еще несколько дней и, когда Каифе в очередной раз донесли о собрании еретиков в доме Мириам, он пришел в бешенство. Первосвященник приказал храмовой страже под покровом ночи уничтожить это гнездо скверны, но подстроить все так, будто на дом напали разбойники. Однажды ночью дом подожгли и ночующие там пришлые люди едва избежали страшной смерти в огне. Как выяснилось позже, Мириам с Марком спаслись, а вот написанные Левию Матфеем рукописи сгорели. Впрочем, усилия первосвященника все равно оказались напрасными, ибо Марк Стада, сын Мириам и ученик Симона, поклялся вновь записать благую весть миру от Иешуа Га-Ноцри. Пройдет совсем немного времени, и он выполнит свое обещание.

Глава 4. Николас

Осенним утром 1968 года монументальный, как памятник императору Священной Римской империи Рудольфу II монсеньер Торрес стоял у окна своей ватиканской резиденции и наслаждался великолепным видом на площадь Святого Петра. В золотистых лучах прохладного восходящего солнца и обелиск в центре площади, и колоннада, ее опоясывающая и, в особенности, скульптуры, венчающие портик, выглядели волнующе торжественно. Настроение у монсеньера Торреса было под стать чудесному дню – приподнятым и вдохновенным. Раздался стук в дверь - это секретарь принес ему утреннюю почту. Пока молодой человек ожидал, Торрес присел за стол и бегло просмотрел бумаги. В который раз он отметил про себя безукоризненную обработку входящих писем, а также документов, которые кардиналу предстояло подписать.

Николас – секретарь монсеньера Торреса - был настоящей находкой. Выходец из Неаполя, ему не было и двадцати пяти, когда после окончания семинарии его по рекомендации ректора перевели в Ватикан. С тех пор многие здесь убедились, что Ник не просто отличный секретарь, но еще и способный ученик. Он быстро освоил стиль работы своего патрона и научился готовить документы, совершенные не только по форме, но и по содержанию. У молодого священника просматривалось большое будущее.

- Спасибо, Николас, - сказал Торрес, удобно устраивая в просторном кресле свое изможденное воздержанием и постами грузное тело. – Но я что-то не вижу... – он еще раз бегло пересмотрел поданные ему документы. - Вы принесли мне проект выступления, о котором мы говорили вчера?

Против обыкновения, когда Ник отвечал: «Да, монсеньер», в этот раз возникла пауза. Торрес оторвал глаза от бумаг, поднял голову и вопросительно взглянул на своего незаменимого секретаря. Тот явно был в замешательстве.

- Что случилось, сын мой? – спросил кардинал, удивленно приподняв брови. На его округлом во всех отношениях лице, которое при других обстоятельствах могло бы служить образцом благолепия, было написано недоумение. – Вам что-то помешало выполнить мое поручение?

Пауза несколько затянулась. Наконец, Николас решился и заговорил.

- И да, и нет, ваше преосвященство, - сказал он. – Мне было бы легко и приятно подготовить выступление по такому великолепному поводу...

- Почему же вы этого не сделали?

- Я не могу писать подобные вещи, не будучи уверен, что это - правда, – прозвучало, как взрыв бомбы.

Торрес почувствовал, как кровь приливает к лицу. Снова дал себя знать нервный тик уголка глаза, который мучил кардинала уже несколько лет.

- Вы хотите сказать, что я заставляю вас писать неправду? – прошипел он. Его и без того маленькие глазки сузились и приобрели форму змеиных. Утро было безнадежно испорчено, а ведь так хорошо все начиналось!

Дело же было вот в чем. Несколько дней тому назад монсеньер Торрес получил долгожданный отчет об окончании археологических раскопок, которые в течение многих лет проводились по заданию Ватикана под собором Святого Петра, а также результаты экспертизы различных останков, найденных на месте предполагаемого захоронения основателя римского епископата апостола Петра. Тщательно сформированная Ватиканом группа авторитетных ученых приложила громадные усилия, чтобы подтвердить – и, по возможности, с максимальной степенью достоверности – тот известный каждому истинному католику факт, что место упокоения одного из первоверховных апостолов Иисуса Христа Симона-Петра, которому Господь доверил ключи от рая и саму Церковь, находится в точности под алтарем собора. Это оказалось совсем непростой задачей, ибо пришлось преодолевать серьезные проблемы, такие, например, как фактическое отсутствие останков святого в его предполагаемой могиле, однако, в конце концов, все обошлось. Необходимые реликвии были найдены, надлежащим образом оприходованы, и, наконец, настало время объявить миру о результатах проведенных работ. По указанию самого Папы кардинал Торрес должен был подготовить текст торжественного выступления понтифика, проект которого он поручил написать Николасу. И вот, отлично смазанный и доселе безупречно работающий механизм дал сбой.

- Прошу прощения, монсеньер, - Николас заговорил уже смелее, – но я не мог и помыслить обвинить вас во лжи. Я просто хотел сказать, что провел анализ материалов отчета и нашел, что сделанные в нем выводы не являются, на мой взгляд, полностью обоснованными. Мне кажется, это важно.

- С каких это пор вы являетесь экспертом по археологии, и что дает вам право подвергать сомнению выводы, сделанные первоклассными специалистами с одобрения самого Папы?

- Во время учебы в семинарии я проходил специальный курс библейской археологии и сам принимал участие в нескольких экспедициях на Святой Земле. Одной из них руководил известный ученый-археолог отец Багатти. Именно тогда на территории францисканского монастыря «Dominus Flevit», который находится на Масличной горе, мы обнаружили древнее захоронение, состоящее из более чем ста оссуариев – костехранилищ. На одном из них, относящемся к первому веку, было написано «Симон бар Йона» и имелось изображение креста. С нами был специалист

по древнеиудейским письменам, и он заявил, что эта надпись сделана до разрушения Иерусалима Титом в 70 году.

- Ну и что это значит? – Торрес повысил голос. Он еще не кричал, но уже говорил очень напряженно. – В Иерусалиме уже находили подобные оссуарии, и не раз. Там были костехранилища с надписями и «Марфа», и «Лазарь», и «Мария», и даже «Иисус Христос – Господь, Искупитель». Там где не копни – чьи-нибудь кости да найдешь, - и что из этого следует? Что Господь не воскрес и не вознесся на небеса, а был похоронен на кладбище, как простой иудей, и его останки, как любого другого иудея, были со временем выкопаны из могилы и перезахоронены в оссуарии, чтобы освободить место следующему покойнику? Так?

- Мне нелегко спорить с вами, монсеньер, но я сам говорил и с монахами-францисканцами, и с местными священниками, в том числе с теми, которые занимаются археологией. Они убеждены, что мы нашли именно останки Святого Петра. Один из них даже утверждал... - Николас замялся.

- Ну что же ты, продолжай! – Торрес уже себя не контролировал. Он был просто в ярости.

- Утверждал, что он лично посещал Его Святейшество по этому поводу и тот признал найденные нами доказательства весьма серьезными. Его Святейшество даже сказал, что Ватикану придется кое-что пересмотреть в церковном каноне, а до того просил хранить наши открытия в тайне...

Вчера я до глубокой ночи думал, что же мне делать, и пришел к выводу, что мне лучше хранить по этому поводу молчание, даже, если речь идет лишь о проекте выступления Его Святейшества. Простите меня, монсеньер, но я не могу лгать, прежде всего, самому себе. Это грех.

- Лгать?! – прошипел Торрес. – Грех? Так ты смеешь утверждать, что кардинал Римской курии – лжец? По-твоему, сам Папа готов солгать миру? Негодяй! Вон отсюда! Вон! Чтобы ноги твоей больше не было в Ватикане! Можешь считать, что ты лишен сана священника за оскорбление Его Святейшества!

Респектабельность окончательно слетела с кардинала. Он едва сдерживался, чтобы лично не вытолкать этого наглеца в зашей. Неуклюжий Торрес вскочил с кресла и, потрясая кулаками, вскричал, срываясь на фальцет:

- Негодный мальчишка! Сопляк! Да как ты посмел?!

Николас никогда еще не видел своего патрона в таком гневе. По правде говоря, происходящее напоминало дурной сон. Он просто не верил своим глазам, его душу пронизывала обида и боль. Николас ретировался из кабинета, не проронив больше ни слова. Остаток дня он провел в своей комнате, стараясь осознать произошедшее. Ник еще раз перечитал материалы отчета папских археологов и вновь убедился в обоснованности своих сомнений. Он твердо решил сделать следующим утром еще одну попытку поговорить с кардиналом, однако не успел – утренние выпуски новостей по всему миру транслировали необыкновенные новости из Ватикана: под алтарем главного собора Римской католической церкви найдены останки Святого Петра! Ожидалось огромное количество паломников к могиле апостола, который, согласно преданию, сотворил немало чудес, в том числе исцелял

больных и воскрешал умерших. Николасу хватило менее получаса, чтобы собрать в сумку свои нехитрые пожитки и покинуть резиденцию. Он был чрезвычайно подавлен и принял решение, которое первым пришло в голову. Ник взял такси и отправился в аэропорт, а там купил билет на ближайший рейс. Самолет направлялся в Венецию.

«Ложь, ложь, вокруг одна сплошная ложь», - эта навязчивая мысль отдавала мучительным, гулким эхом в голове Николаса, и комком сдавливала горло. Он уже несколько часов бесцельно бродил по городу, не различая ни улиц, ни зданий, ни лиц людей. Венеция мало кого может оставить равнодушным, столь великолепно это творение рук человеческих, однако Николас ничего не замечал. Его мир в одночасье рухнул. Он был в отчаянии.

Дело заключалось еще и в том, что Николас был очень чувствителен ко лжи. Однажды, еще в юности, с ним приключилась такая история. У Ника был друг – Пепе, с которым они учились в одном классе. Мальчишки часто бывали друг у друга в гостях, и вот как-то Пепе показал Нику старинные отцовские часы – такие, какие раньше носили на цепочке в кармашке сюртука. Николас обожал всякие часы, а эти были настоящим произведением искусства, и поэтому он несколько раз брал их в руки, но всегда возвращал на место.

И вот как-то вечером в квартиру Ника постучали. Отец открыл. На пороге был отец Пепе с сыном. Отец Пепе сообщил отцу Ника, что его редкие старинные часы пропали, и что их украл Ник. Это была самая гнусная и безжалостная ложь. Ник кинулся к Пепе – ну как же так, ты же знаешь, что я не мог их взять, но тот лишь отвел глаза и молчал. Когда они ушли, отец потребовал от Ника объяснений. Николас ответил, что не брал этих часов. Тогда отец взял Ника за руку и повел в участок. По дороге он сказал, что сдаст Ника в полицию, если тот не сознается. Страх оказаться за решеткой был непреодолим, и Ник солгал – он сказал, что взял часы, но потерял. Они вернулись домой, однако на этом мучения для Ника не закончились. Отец достал деньги и велел, чтобы Ник сходил к Пепе, отдал деньги его отцу и извинился. Это было колоссальное унижение, но пришлось идти до конца. С тех пор Ник больше никогда не разговаривал с Пепе, а урок про две лжи он запомнил на всю жизнь – *дважды обманув, одну правду не сказать*. Ник давно простил своего отца, но обида от того случая все равно осталась.

Небритый, с взъерошенными волнистыми волосами, в распахнутом, длинном до пят черном пальто и с небрежно повязанным на шее шарфом Николас производил впечатление подгулявшего плейбоя, если бы не его полный боли взгляд. Свою строгую сутану священника он оставил в гостинице – прежде, чем снова ее надеть, ему следовало решить неожиданно возникшую проблему.

Его принуждали солгать, причем принуждали те, кто несет на себе благословение первоверховных апостолов Христа. Он отказался. Правильно ли он поступил?

Размышляя, Николас свернул на какую-то боковую улочку, на удивление безлюдную, увидел небольшой бар, вошел в него и присел за свободный столик.

Собственно, в заведении все столики были свободные, и Николас предпочел тот, что у окна. На улице заморосил дождь. Николас заказал двойную порцию виски.

Измученный обидой и бесцельным шатанием по улицам, он сделал большой глоток «Шивас» со льдом, прикрыл глаза и на какое-то мгновение забылся. Виски приятно обожгло горло и горячей волной опустилось в живот. Николас почувствовал, что слегка пьянеет. Он сделал еще один глоток горьковатой жидкости, открыл глаза и вздрогнул. За его столиком прямо напротив него сидел человек и, откинувшись на стуле, не отрываясь смотрел на Ника. Это был мужчина лет сорока пяти, с шапкой кудрявых коричневых волос, слегка небритый, одетый в мягкий, потертый вельветовый костюм, светлую клетчатую рубашку и вязанный джемпер. Николас не слышал, когда тот появился и уж точно – он никого не приглашал за свой столик.

- Прекрасный город – Венеция, не правда ли? – произнес незнакомец таким дружественным тоном, будто они знакомы сотню лет. – Трудно себе представить, что правитель именно этого города – лукавый дож по имени Энрико Дандоло - стал подстрекателем позорного разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 году. И ведь не постеснялся, подлец, квадригу с тамошнего ипподрома утащить и поставить на фронтоне собора Сан-Марко. Она и сейчас там. Да что квадригу! Мощи святые из церкви Святых Апостолов – и те не пощадили, все подчистили.... Не удивительно, что вскоре после этого безобразия он скоропостижно скончался.

- Простите? – Николас был чрезвычайно удивлен такому комментарию. – Я не совсем понял, к чему вы все это мне рассказываете. Я неплохо знаю историю, но мне нет никакого дела до Энрико Дандоло. Честно говоря, я сейчас вообще не в настроении и хотел бы побыть один. Тут масса свободных мест, - Николас показал рукой на пустой бар. – Вы не могли бы найти себе другой столик?

- Я-то могу найти себе другой столик, а вот вы, как я вижу, никак места себе не найдете, - произнес в ответ незнакомец. – Между прочим, о Дандоло я вспомнил исключительно потому, что именно с тех событий начался отсчет новой эпохи в истории Западной Европы. Ведь крестоносцы вывезли из Константинополя не только мощи святых и другие предметы христианского культа, но и мозаики, произведения искусства, древние рукописи, восходящие к временам апостолов...

Николас ощутил прилив раздражения.

- Кто вы такой? Почему вы решили, что мне есть дело до того, кто, что и куда вывез восемь веков тому назад? – грубо спросил он. – И что вам от меня нужно? Оставьте меня в покое!

- Зовите меня...ну, к примеру, Жан, - сказал на это незнакомец. Он был совершенно невозмутим. – А дело мне до вас такое, что вы, судя по всему, честный человек и к тому же - со светлой душой. – Жан слегка подался вперед, опершись на столик. - Кроме того, вы действительно верите в Бога. Такие в наше время редкость. Особенно среди священников.

Наступила пауза. Смысл сказанных Жаном слов доходил до Николаса с трудом. Он постарался взять себя в руки и внимательно посмотрел на сидящего напротив человека. Их взгляды встретились. Ник только сейчас заметил, что у Жана

были большие, как для мужчины, зеленые глаза нереального изумрудного оттенка, которые тот по-прежнему не сводил с Николаса.

- А почему, собственно... - начал, было, Ник, но договорить ему не дали.

- У меня нет времени на церемонии, - произнес Жан. – Тем более что мне нужно сказать вам кое-что важное.

Жан сделал секундную паузу, затем чуть подался вперед и спросил:

- Вы ведь закончили семинарию, не так ли? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: - А вы когда-нибудь обращали внимание, что среди тех заповедей, которые упомянуты в Новом Завете и приписываются Иисусу Христу, заповеди «не лги» нет?

Николас ошарашено на него посмотрел. От собеседника в венецианском баре он ожидал чего угодно, но только не вопроса об Иисусе Христе.

- Это не так. Одной из основных заповедей Господа является «не лжесвидетельствуй против ближнего своего», - медленно произнес он.

- А, ну да, конечно, - в голосе незнакомца прозвучал сарказм. - Но это совершенно другое. Вот в буддизме, например, тоже имеется десять заповедей, и тоже, представьте себе, встречаются и «не убий», и «не кради», «не прелюбодействуй», и даже «люби ближнего своего»... Однако среди них есть и прямая заповедь: «не лги». А в Новом Завете она сформулирована так, будто речь идет исключительно о судебных слушаниях. Почему? Или вот другой вопрос: вы, конечно, помните, что апостол Павел в своих посланиях к церквям детально перечисляет, какими качествами должен обладать епископ, то есть пастырь христианской общины. Там есть все, что угодно – и «непорочен», и «одной жены муж», и «трезв», и даже «хорошо управляющий домом своим». Нет только одного требования – чтобы епископ был истинно и крепко в вере Христовой наставлен! Случайность? Павел вообще был необыкновенной и неоднозначной личностью... – загадочно произнес Жан. - Прелюбопытнейший был человек... Впрочем, я думаю, вы немало о нем знаете, хотя посоветовал бы поинтересоваться им еще. В общем, - закончил он свою речь решительным жестом, слегка стукнув ладонью правой руки о стол, - если вы сумеете ответить на эти вопросы, в вашем мире многое изменится, причем это касается как прошлого, так и будущего.

- Прошлого? Вы считаете, что можно изменить прошлое?

- Конечно. Ведь прошлое состоит из двух составляющих – факта свершившегося события и вашего отношения к нему. Если само событие, увы, отменить невозможно, то, уж во всяком случае, можно изменить то, как к нему относиться. Ну, что-то вроде «если невеста уходит к другому, то неизвестно кому повезло». В физическом мире не подлежит отмене и является абсолютно объективным только одно событие: смерть.

- Пусть так. Но почему вы решили, что я смогу ответить на эти ваши вопросы?

- Попробую вам объяснить... Видите ли, Николас, - Жан вдруг назвал его по имени, хотя Ник ему не представлялся, - Всевышний создал этот мир совершенным и прекрасным. Он также дал человеку ум – универсальный инструмент познания. И

рано или поздно – в этом нет никакого сомнения - человек разгадает все таинства и загадки природы, кроме двух: тайны рождения и смерти. Только Всевышний знает, когда в колонию быстро размножающихся клеток вселяется душа, и только Он решает, что с ней происходит после физической смерти тела. Ум – это продукт материального мира и он не в состоянии проникнуть за завесу, отделяющую живое и неживое, божественное и мирское. Единственным способом сделать это является погружение в духовную составляющую бытия, которую у вас принято называть религией или верой. Без нее никак. А вера идет от сердца. Ваша вера сильна и чиста, поэтому вы – сможете.

Николас, теперь совершенно протрезвевший, отвел взгляд в сторону и на несколько мгновений задумался. Их разговор был настолько странным, что ему даже не пришло в голову спросить, каким это образом Жан догадался, что Ник имеет отношение к церкви. Он взглянул в окно, забрызганное каплями дождя, и уже готовился что-то возразить собеседнику, как тот ... исчез. То есть, когда Ник снова перевел взгляд от окна на то место, где только что был Жан, он увидел лишь пустой стул. После небольшого замешательства Николас кинулся к выходу из бара, едва не опрокинув столик, но на улице никого не было. Незнакомец будто испарился, хотя до ближайшего поворота было метров двести, и он никак не мог успеть их пройти.

- Эй, а платить-то кто будет? – хозяин заведения пулей вылетел вслед за Николасом.

- Да-да, - задумчиво проговорил тот, достал купюру подходящего достоинства и рассеянно сунул ее хозяину. – Сдачи не нужно. Кстати, а вы, случайно, не заметили – тот человек, который сидел за моим столиком – откуда он взялся и куда исчез?

Хозяин кафе ошарашено посмотрел на Ника.

- Сеньор, с вами все в порядке?

- Да, а почему вы спрашиваете?

- Потому, что вы пили ваш виски в одиночестве, - пробурчал хозяин, развернулся и направился обратно в кафе.

Николас был в растерянности. Он не знал, что и думать. То ли померещился ему этот Жан, то ли его посетило привидение, но все было так явно... Постояв с минуту в нерешительности, он пожал плечами и побрел прочь. Дандоло, Константинополь, апостол Павел, «не лги», тайны рождения и смерти... Если бы все это не крутилось вокруг него в каком-то странном хороводе, Ник бы решил, что разговора с Жаном вовсе не было. И тут ему снова пришла в голову мысль, что окружающий его мир построен на обмане и предательстве. Ну, в самом деле, если внимательно посмотреть вокруг – ведь все же лгут всем. Люди живут, непрерывно меняя маски в зависимости от ситуаций и обстоятельств, и крайне редко, если вообще когда-нибудь, раскрывают свою истинную сущность. Все боятся сказать правду и улыбаются, когда хотят плюнуть в лицо, восхищаются мерзостью и поносят прекрасное лишь потому, что так принято, или в угоду другим. А если кто-то вдруг начинает говорить то, что думает, его сразу определяют в изгой, ведь такой

человек нарушает кажущееся незыблемым правило – все всем должны лгать, и делать это непрерывно, и как можно более искренне. Как же можно жить в таком мире? И где выход?

От этих мыслей его начало подташнивать, как бывает при соприкосновении с токсичным продуктом, и Ник вдруг почувствовал просто непреодолимое желание исповедаться. Он остановился и оглянулся по сторонам. Он стоял перед входом в какой-то на вид очень древний собор, каких немало в Венеции. Двери храма, построенного в готическом стиле, были открыты. «Это судьба», - подумал Николас и зашел внутрь. Был уже вечер и собор пустовал. В храме было тихо, там лишь убирал церковный служка. Николас прошел к алтарю, преклонил колени и прочитал короткую молитву. Затем он подошел к служке и спросил, может ли он увидеть настоятеля. Служка стал отнекиваться, но Николас настаивал. В конце концов, тот смутился, а потом произнес, шепотом и неохотно: «Нету его. Арестован вчера. Говорят, по обвинению в растлении мальчиков, которые поют в нашем в церковном хоре...»

Глава 5. Вере сей не быть!

- Мне донесли, что горстка оборванцев, именуемая себя учениками Иешуа Га-Ноцри, нашла благодатную почву для своих проповедей среди эллинистов, - первосвященник говорил медленно, отчетливо выговаривая каждое слово. Высокий, с длинной черной, тщательно расчесанной и завитой бородой, богато разодетый в шелка и в мудреном головном уборе Иосиф бар Каифа не сводил глаз с Савла, который внимательно и подобострастно его слушал. – Выходит так, что эти выросшие на чужбине иудеи, которые даже языка нашего не удосужились как следует выучить, ныне охотно отказываются от веры Моисеевой и переходят жить в коммуны, раздавая свое имущество беднякам и деля его поровну между всеми. Управляет этими коммунами некто Стефан, а он, в свою очередь, как-то связан с учениками Га-Ноцри. Он же проповедует в Ершалаиме, смущая народ лживыми рассказами о грядущем царствии распятого мессии, утверждая, что тот воскрес и ныне восседает на небесах. Несмотря на молодой возраст, у него отлично подвешен язык и мало кто может сравниться с ним в публичной дискуссии, – Каифа сделал многозначительную паузу. - Это сделаешь ты. Да, именно ты бросишь ему вызов. И сделаешь это публично. Я хочу, наконец, убедиться, что ты так хорош, как о тебе рассказывают.

Первосвященник внимательно посмотрел на Савла. Он был подозрителен и в искренность молодого фарисея, к тому же римского гражданина, верил не до конца. По опыту он знал, что демонстративная преданность в таких случаях вполне может быть обратной стороной хитрых и предательских намерений.

- Может, просто предать его смерти? – Савл сделал характерное движение рукой, будто ударял кого-то ножом.

- Одного мученика они уже пытаются сделать Богом, - раздраженно ответил первосвященник. - Этого Стефана нужно, прежде всего, уничтожить морально... -

он снова сделал паузу, как бы подчеркивая важность сказанного, - а там видно будет. Каифа жестом дал понять, что разговор окончен.

Савл все понял. Он послушно кивнул головой, поклонился и, пятясь задом к двери, вышел из покоев Каифы. Был уже поздний вечер. Стефаном ему предстояло заняться завтра. Сегодня же, прежде чем отправиться домой, он решил заглянуть к Хаиму – а вдруг повезет увидеться с Эстер?

Возле дома, где жил Хаим с домочадцами и слугами, было тихо и безлюдно. Савл бывал здесь много раз; кроме того, он был мастер бесшумно перемещаться и проникать в нужные места незаметно. Вот и сегодня он решил зайти в дом Хаима не через парадный вход, а через сад, который примыкал к дому с тыльной стороны. Он знал, что там, в глухой каменной ограде есть небольшой лаз, куда можно протиснуться без труда. Находясь в саду, несложно подсмотреть и подслушать, что происходит в доме, а там принять решение – заходить или нет.

Через несколько минут Савл уже стоял в тени садовых деревьев, буквально в десятке шагов от дома Эстер. Он замер, когда услышал какой-то необычный шум. В саду был кто-то еще.

- Эстер, любовь моя, - вдруг прозвучал красивый мужской голос совсем рядом с Савлом, - я так мечтаю о том дне, когда мы навсегда сможем быть вместе...

- Ты же знаешь, - в бархатном голосе Эстер сквозила грусть, - отец не даст нам своего согласия. Он презирает христиан.

- Я уговорю его, я буду на коленях просить Хаима согласиться на наш брак. Наша вера прекрасна, он не сможет отказать, он любит тебя.

Из дома послышался голос Хаима, который звал дочь.

- Отец! – испуганно воскликнула Эстер. - Иди, Стефан, прошу тебя, если он нас застанет – беды не миновать!

Судя по всему, она была очень взволнована.

Савл весь похолодел внутри. Он вцепился двумя руками в ствол дерева, чтобы не упасть. Стефан! Так вот кто его соперник!

Послышались приглушенные травой поспешные шаги, и мимо него проскользнул молодой человек в простом хитоне. Савл успел разглядеть в пробивающемся сквозь листву лунном свете, что тот был худощав, высокого роста и с длинными курчавыми волосами. Он видел его только мельком, со спины и в тени деревьев, однако постарался запомнить каждую деталь. Стефан покинул сад, легко перемахнув через забор, а Эстер вернулась в дом. Еще несколько минут оттуда был слышен грозный голос Хаима, который бранился на нее, а затем все стихло. Савл был слишком возбужден и решил не заходить в дом. Этой ночью он понял, что действовать нужно без промедления. Тот это был Стефан, о котором говорил первосвященник, или нет – значения уже не имело. Этот долговязый влюбленный был обречен.

На следующий день Савл вышел на охоту. Именно таково было внутреннее ощущение этого маленького и невзрачного на вид человека. Ноздри его

крючковатого носа раздувались от предчувствия крови. Вопрос был только за жертвой. И она не заставила себя ждать.

На Ершалаимском базаре всегда толпился народ, ибо здесь не только торговали. Именно это место облюбовали для своих проповедей всякого рода маги и провидцы, и ни для кого не было секретом, что среди них в последние годы преобладали именно последователи распятого мессии, именовавшие себя христианами. Вот и сегодня толпа зевак собралась вокруг возвышения, на котором стоял довольно молодой человек, высокого роста, с копной длинных вьющихся волос. Савл внимательно его разглядел. Это был, без сомнения, тот самый Стефан, которого он видел в саду. Он был красив, и, что следовало признать, весьма красноречив.

- Покайтесь, - говорил этот человек, - ибо близко царствие небесное, новый мир, в котором все люди будут жить по законам любви и братства! В грядущем царствии Божьем не будет богатых и бедных, ибо богатые сами отдадут все, что имеют, нуждающимся! Так учил Иисус – Сын Бога живого, что легче канат продернуть через угольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное. Истинная Вера в единого Бога – Творца всего сущего даст нам свободу и спасение, а Сын Его, победивший смерть воскресением Своим, даровал нам прощение грехов перед Всевышним и надежду на вечную жизнь! Ибо души наши бессмертны, и над ними никто не властен, кроме Творца, а тела – это лишь временные пристанища для душ. Очистите ваши души от скверны, ибо телесные муки – ничто по сравнению с вечными муками, которые уготованы нераскаявшимся грешникам! Но Бог милостив, Он любит вас, Он с вами во все дни, и вы любите Его, любите всем сердцем, ибо все в Его воле!

Разумеется, что подобные слова не могли не привлечь внимание черни, и толпа слушателей увеличивалась прямо на глазах.

- Что за проку молиться в рукотворном Храме, если Закон и пророки не исполняются? Ибо написано: «Всевышний не в рукотворных храмах живет»! Вера – в сердцах наших! Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, которого предателями и убийцами сделали нынче вы, вы, принявшие Закон у Синайской горы и не сохранившие его!

- Ложь! - вдруг раздался громкий голос позади толпы. Стефан от неожиданности вздрогнул и замолчал. Многие обернулись, чтобы посмотреть, кто это крикнул. А это Савл бросил вызов возмутителю спокойствия. Теперь он повиновался не только приказу первосвященника, но и собственной злобе. – Это все ложь! Это не народ иудейский, но Иешуа Назаретянин, которого вы величаете мессией, вознамерился нарушить Закон Моисея, - гремел голос Савла. - Не сам ли он учил, что пришел разлучить мать с дочерью, а отца с сыном? Не он ли говорил, что разрушит Храм – престол Всевышнего, место и источник Его предвечной святости, средоточение веры отцов наших? Пришествие мессии свершится, как и предсказано пророками, и это будет великий царь, который освободит наш народ и восстановит древнее царство Давида и Соломона во всем его величии! Но признать мессией оборванца из Назарета Галилейского, распятого вместе с разбойниками на

дереве? Это безумие и кощунство, позор! Ибо написано: проклят всяк, висящий на дереве! И народ Израиля, верный единому Богу, Богу Авраама, и Богу Исаака, и Богу Иакова, народ избранный Им самим, возлюбленный Им, справедливо и по закону предал смерти самозванца и вероотступника, объявившего себя Царем Иудейским! Смерть ждет и тебя! Смерть богохульнику! – вдруг закричал Савл во всю глотку, указывая перстом на Стефана. – Смерть ему!

«Смерть! Смерть!» - подхватила толпа. Стефан спрыгнул с возвышения и кинулся бежать. Это только раззадорило толпу. Народ устремился за ним. Толпа настигла Стефана в одном из тупиковых переулков, что выходили к крепостной стене. Кто-то первый, а вот кто – было не разглядеть, швырнул в беглеца камень, и вот уже град камней обрушился на молодого человека. Стефан упал, прикрывая голову руками. Камни продолжали сыпаться, пока жертва не перестала шевелиться. Только тогда толпа замерла. Многие тяжело дышали от азарта, все еще сжимая в руках камни, и с трудом осознавая, что стали невольными соучастниками позорнейшего убийства. Савл стоял позади толпы и с удовлетворением взирал на плоды своего труда. Он даже не удосужился посмотреть, чем там все закончится, а просто развернулся и ушел. Вере сей не быть, ибо он, Савл отныне лично об этом позаботится! И именно сегодня он посетит дом Эстер и вырвет у ее отца согласие на их брак!

Вечером того же дня, лишь только село солнце, торжествующий Савл вошел в дом Хаима через главные ворота. Ему теперь некого было опасаться. Хозяин вышел на встречу, приветливо обнял гостя и пригласил в беседку во дворе выпить чаю.

- Я слышал, сегодня в городе были беспорядки? – Хаим лично налил и подал пиалу Савлу.

- Да, я тоже слышал что-то в этом роде, - по возможности равнодушно, с трудом скрывая распиравшую его радость, ответил гость. – Опять эти вероотступники волновали народ, нет от них покоя...

Они помолчали, затем сделали по глотку.

- Но я, достопочтенный Хаим, - Савл поставил пиалу и решил перейти прямо к делу, - сегодня пришел к вам не просто так. Вы же знаете, что мое предложение взять в жены Эстер все еще остается в силе. Но я не могу бесконечно ждать. Мужчине в моем возрасте и при моем положении невозможно более оставаться без жены. Учеба закончена, скоро мне и самому придет черед назваться равви. Мне нужна семья.

Хаим выслушал его, согласно кивая головой.

- Я очень хочу вашего брака, но Эстер... Она... – он с досадой покачал головой. - Лучше будет, если я позову ее, и вы сами с ней поговорите.

Хаим, покряхтывая, встал с подушек и направился в дом. Он вернулся через несколько минут в отчаянии.

- Она рыдает, и не говорит почему, просто вся изошла слезами. Возможно, будет лучше, если вы сами пройдете к ней?

Савл встал и вошел в дом вслед за Хаимом.

- Эстер, у нас гость, - громко вскричал Хаим. – Прошу тебя, выйди! Это Савл, твой будущий муж!

Занавес, отделявший женскую часть дома, вдруг распахнулся, и появилась Эстер. Ее глаза были красными от слез.

- Кто? – вскричала она. – Савл?

Слезы на ее лице мгновенно высохли. Теперь Эстер излучала ярость.

- Как посмел ты, подлый храмовый прислужник, римский ублюдок, ступить в этот дом? – прошептала она с ненавистью в голосе. Ее руки сжались в кулачки.

Хаим на мгновение потерял дар речи.

- Дочь моя, что ты говоришь? Как смеешь ты так обращаться к почетному гостю?

- Убийца! - вскричала Эстер, не обращая на слова отца никакого внимания. – Убийца!

Эстер кинулась на него с кулаками, кошкой проскользнула мимо отца и впилась ногтями Савлу в лицо. Пока Хаим неловко пытался помешать ей, Савл, защищаясь, схватил хрупкую девушку за руки и, после нескольких мгновений борьбы, сильно оттолкнул от себя прочь. Эстер не удержалась на ногах и упала. Падая назад, она ударилась затылком о стоящую тут же массивную тумбу из железного дерева, негромко вскрикнула, потеряла сознание и затихла. Все произошло в считанные секунды.

- Эстер! – вскричал Хаим и кинулся к ней. Девушка была неподвижна. Возле ее головы образовался небольшой ручеек алой крови.

- Эстер, дочь моя! – рыдал над телом девушки безутешный отец. Он попытался ее приподнять, но лишь обагрил кровью дочери свои руки.

А Савл ... Савл стоял, недвижим, как соляной столб, и тяжело дышал. Затем он очнулся, медленно вытер тыльной стороной ладони кровь, выступившую из царапин на щеке, посмотрел невидящим взглядом на свою окровавленную руку, затем взглянул на плачущего Хаима и затихшую навсегда Эстер, медленно развернулся и, не говоря ни слова, вышел вон. Он покинул дом Хаима, не оглядываясь, чтобы уже никогда больше сюда не возвращаться. Что же, Господь сам нашел лучший выход. Савл слишком любил Эстер, чтобы жить с мыслью, что она досталась кому-то другому. Но отныне он и для себя не видел другого выхода – смерть Эстер означала для него безбрачие. И не просто безбрачие: его отвергли, и поэтому женщинам в его жизни больше не было места. Что же, есть в этом мире вещи и поважнее женщин.

Глава 6. Святая София

- Понимаешь, - в телефоне зазвучал взволнованный голос Анны. Она даже забыла произнести дежурное «привет», - я только что узнала нечто совершенно потрясающее. Помнишь наш утренний разговор? Так вот, оказывается, совсем недавно под собором Святой Софии в Стамбуле были обнаружены обширные

пустоты и галереи рукотворного происхождения, уходящие вглубь холма, на котором стоит храм. Причем все это пространство оказалось полностью заполненным водой. Буквально на днях туда спустились водолазы, и нашли древние захоронения, какие-то странные замурованные комнаты и коридоры...

- Прошу тебя, успокойся, - перебил ее Сергей Михайлович, - и Расскажи мне все по порядку. – Трубецкой постарался сосредоточиться. Он присел на подоконник в коридоре недалеко от зала заседаний Ученого совета и приготовился слушать, зажав телефон между плечом и ухом. – Какие еще замурованные комнаты и коридоры?

- Хорошо, вот тебе все по порядку. Как ты знаешь, строительство храма Святой Софии было завершено в VI веке. На протяжении почти восьми столетий он оставался самым грандиозным сооружением в христианском мире, пока в XV веке Константинополь не захватили турки. Они превратили храм в мечеть и с тех пор археологи практически не имели к нему доступа. Однако за последние семьдесят лет ученые навестили упущенное. Теперь совершенно точно установлено, что в скале под храмом Святой Софии расположена целая система пустот, галерей, комнат и резервуаров, которая простирается далеко за периметр здания. Причем большинство этих сооружений относится именно к византийскому периоду. Некоторые подземные ходы тянутся довольно далеко - и до бывшего султанского дворца Топкапы, и до цистерн Еребатан и даже до построенного еще в XII веке дворца византийских императоров Текфур. Все это огромное пространство по непонятным причинам заполнено водой. Его будто нарочно затопили.

Попасть в эти подземелья можно, лишь вскрыв определенные плиты в каменном полу собора Айя-Софии. Выяснилось, что в 1945 году одну из плит уже поднимали. Была даже сделана попытка откачать воду из части затопленных галерей, но из этой затеи ничего не вышло: сколько ни качали, вода не убывала, так что даже насос сгорел. Ныне плиту, прикрывающую вход в эти галереи, снова вскрыли. Под ней оказался узкий вертикальный коридор, или, точнее, колодец глубиной в двенадцать метров. Туда спустились водолазы. И что ты думаешь? На дне обширного пространства, которым оканчивался этот коридор, были обнаружены фрагменты строительных инструментов, в частности, лопат, металлические каски и фляги, относящиеся к обмундированию солдат британской армии времен Первой мировой войны, а также человеческие останки. Все это было задокументировано, даже снято на видеокамеру, однако поднять наверх хотя бы один из артефактов дайверам не разрешили турецкие власти.

Затем вскрыли еще одну плиту посередине храма. Ее обнаружили в результате предварительно проведенных сейсмических исследований, которые показали, что и в этом месте имеются обширные пустоты. Так вот, под этой плитой действительно оказался вход в заполненную водой просторную подземную галерею. В ней были найдены обломки стекла, части светильников, цепи, которыми обычно приковывали узников, и снова - человеческие останки. С помощью специальной переносной техники дайверы определили, что в стенах этой галереи есть обширные помещения, вроде комнат, доступ к которым со стороны Айя-Софии отсутствует.

Все эти пустоты под храмом оказались связаны разветвленной сетью подземных туннелей и проходов различной высоты общей длиной около трехсот метров. Своды основных галерей и коридоров укреплены колоннами и каменными арками. Один из коридоров ведет в сторону дворца Текфур и был, предположительно, предназначен для тайных перемещений императора между храмом и дворцом. Другой проход вывел исследователей во двор дворца Топкапы, где расположена церковь Святой Ирины начала IV века. В конце еще одного туннеля были обнаружены две комнаты высотой около двух метров и площадью около пяти, в которых находилось множество человеческих останков. Турки считают, что в них был захоронен святой Антинегос – первый святой, похороненный в храме в XIII веке, и патриарх Атанасиос, умерший в начале XV века. Там же было найдено захоронение детей – судя по всему очень древнее. Кроме того, в архивах Стамбула обнаружены документы, свидетельствующие о наявности под храмом еще нескольких захоронений, восходящих к дате строительства собора, но их найти пока не удалось. Удивительно, что разрешение на проведение работ было выдано только на один день, и поэтому ничего больше осмотреть, как следует, водолазы не успели. Более того, местные власти запрещают продолжать работы, а ведь именно там может быть спрятан архив византийских императоров, а в нем...

Сергей Михайлович не дал супруге договорить. Во-первых, у него почти разрядилась батарея телефона, о чем аппарат сообщал жалобным писком. А во-вторых, он и так с полуслова понял, о чем идет речь: «Логия». Анна могла говорить только об этом документе – поиск первоисточника синоптических евангелий в последнее время захватил ее целиком и полностью.

- Ну, у тебя все мысли только о «Логии», - произнес он со скепсисом в голосе. – С чего это вдруг ты решила, что все эти пустоты, галереи и захоронения служат цели спрятать какой-то манускрипт?

- Ты не совсем правильно меня понял. Очевидно, все эти подземные помещения имели какое-то свое, особое предназначение, однако нельзя исключать, что там не только держали узников и хоронили патриархов. Я бы вовсе не удивилась, если бы в подземельях Софии обнаружили и хранилища реликвий или документов, возможно, даже - библиотека. Так было принято в те времена – в храмах, которые были сосредоточением учености, хранили и книги с рукописями. Вспомни, в подземельях нашей Софии, в Киеве, ведь тоже искали библиотеку Ярослава Мудрого... И еще надо учесть, что именно собор Святой Софии был, предположительно, тем местом, куда перенесли мощи Андрея Первозванного из церкви Святых Апостолов, когда ее в очередной раз перестраивали. По преданиям, они были захоронены под престолом этого храма. Если евангелие от Андрея существовало, оно вполне могло бы оказаться в Святой Софии. Это просто логично: святыня – к святыням. И потом, если говорить о Стамбуле, - добавила Анна после паузы, - вспомни о приключениях британских близняшек.

Анна имела в виду одну весьма странную историю, которая приключилась в Стамбуле в конце XIX века с двумя учеными дамами – сестрами-близнецами из Британии. Дело было так. Трубецкого как-то привлекли к изучению некоего

уникального документа, написанного на иврите и датированного X веком - так называемого Киевского письма. Такое название возникло потому, что именно в нем впервые документально зафиксировано название города Киев. Сам манускрипт представлял собой рекомендательное послание, выданное человеку по имени Иаков бен Ханукка иудейской общиной Киева для предъявления в других еврейских общинах. Он был найден двумя британками – Агатой Смит и Маргарет Данлоп - в конце XIX века в каирской генизе – месте хранения пришедших в негодность свитков Торы и других священных текстов, уничтожение которых запрещено еврейскими религиозными нормами. Дамы эти не только обе владели древнееврейским, арабским, греческим и сирийским языками, но также были блестяще образованы в вопросах библейской археологии. Частые гости в Александрии и в монастыре Святой Кaterины, именно они в 1891 году обнаружили на Синае один из удивительных документов – древнейшее сирийское Евангелие, известное ныне как «Сирус Синатикус». Агата и Маргарет оставили после себя ряд настоящих открытий, а также детальное описание своих путешествий. Именно в дневниках Агаты Смит упоминалось о том, что кроме ставшего теперь знаменитым Киевского письма там же, в египетской генизе, ими было найдено еще несколько древних рукописей, которые, однако, до Европы не доехали – их мистическим образом выкрали из багажа двух дам, когда они останавливались в Стамбуле перед посадкой на Восточный экспресс. В путевых заметках Агаты содержалась восторженная запись об одной из найденных ими рукописей. Это был манускрипт на арамейском, который содержал обширный список высказываний Иисуса и, судя по описанию, чрезвычайно напоминал то, что современные исследователи Библии назвали Q–документом. Тогда-то у Шуваловой и возникла собственная версия – что этот документ был выкраден не где-нибудь, а именно в Стамбуле, и поэтому именно там следует искать его следы. Обнаруженные ныне подземелья Айя-Софии вполне могли служить местом для хранения для различных ценностей, в том числе - документов. Последние открытия дайверов косвенно подтверждали такую версию - иначе откуда бы там взялись каски и фляги британских солдат, которые оккупировали Стамбул в конце Первой мировой войны? Что искали они в ныне затопленных подземных галереях древнего храма, вооруженные лопатами, как они туда попали и почему некоторые из них нашли там свою смерть?

- Хорошо, - сказал после короткого раздумья Трубецкой, - пусть будет по-твоему. Настал, значит, час оспорить пословицу, что «все дороги ведут в Рим». Я, конечно, не совсем понимаю, что и где мы будем там искать, но попытаться, кажется, стоит в любом случае. Решено, летим в Стамбул, - он вздохнул, примиряясь с неизбежным. - Пойду оформлять творческий отпуск.

Глава 7. Савл по прозвищу Павел

Слухи о жестокой смерти Стефана разошлись по Ершалаиму и далеко за его пределами как волны от брошенного в воду камня. Многие ученики и последователи казненного философа в страхе покидали город, опасаясь

преследований Савла. Из уст в уста передавались рассказы о беснующейся толпе, не пощадившей молодого проповедника, и о всевластии людей первосвященника, которым теперь даже римская власть была нипочем. Когда слово об этом достигло ушей префекта, Гай Понтий Пилат разгневался. Снова эти храмовые крысы ставят себя выше наместника Рима! Он приказал найти и немедленно доставить в свою резиденцию зачинщика убийства – Савла из Тарса. Каково же было его удивление, когда он воочию увидел грозного гонителя заблудших в ереси иудейских душ.

- Мне сказали, что тебя зовут Савл, - с насмешкой произнес Пилат, рассматривая невзрачного арестанта, - но я вижу, что тебе больше подходит имя Павел – «маленький» - так будет соразмернее, - Пилат расхохотался, довольный собственной шуткой.

- Я – римский гражданин, - гордо произнес на это глумление Павел-Савл. – И прошу тебя, префект, объяснить мне причину моего задержания.

Пилат недоверчиво вскинул брови, но подшучивать над арестантом перестал. Арест и преследование римских граждан жестоко карались императором. Зачем Пилату лишние проблемы?

- Вот как? Изволь. Ты стал зачинщиком беспорядков в Ершалаиме, - произнес он холодно. – Было совершено убийство, фактически – казнь через побитие камнями, а это разрешено только с согласия римской власти. Я такого согласия не давал. Если ты римский гражданин, то должен следовать законам Рима.

- Это была не казнь, и не убийство, но справедливое возмездие, – Савл говорил смело, глядя прямо в глаза Пилату. - Ибо тебя обманули, префект. Тело распятого Иешуа Га-Ноцри вовсе не было захоронено вместе с двумя разбойниками. Его в тот же день похитил и спрятал некто Левий Матфей, - при упоминании этого имени Пилат невольно передернул плечами, будто хотел сбросить какой-то обременительный груз, - а потом оно вообще исчезло. Теперь по всей Иудее, Галилее и Самарии, от Александрии до самого Дамаска эти так называемые ученики Иешуа Га-Ноцри рассказывают о том, что убиенный воскрес и тем самым стал равным Всевышнему Богу. Надо ли говорить тебе, какую угрозу Риму несут эти речи? Знаешь ли ты, что истинный мессия - мошиах, предсказанный иудейскими пророками, должен принести народу Моисея долгожданное освобождение от иноземного ига и восстановление великого царства Давида и Соломона? Ты хочешь, чтобы иудеи поверили в то, что распятый тобою Иешуа Га-Ноцри и был Мессия – Христос, и восстали?

Павел-Савл задал свои вопросы с напряжением в голосе, и Пилат задумался. Что-то в словах этого недоросля было очень важным. Нет, это не было упоминание о восстании – против силы всегда найдется сила. «Дамаск! Он упомянул о Дамаске!» - мелькнула мысль.

- Ты что-то говорил о Дамаске, - Понтий Пилат старался придать своему голосу как можно более равнодушный оттенок. Однако Савл мгновенно понял, о чем идет речь.

- Да, префект, и я готов повторить снова, что ядовитые речи этих богоотступников достигли Сирии, и слышны даже в резиденции римского проконсула. Если волнения начнутся и там – тебе не сдобровать!

Пилат встал с кресла и нервно прошелся по залу. Этот крючконосый иудей был прав. Грузное тело префекта, обличенное в белую с пурпурной каймой тогу, покрылось мелким холодным потом, когда он представил, что может последовать за жалобой проконсула Виттелию императору. Тиберий непредсказуем в своем гневе, и он наверняка не простит, что культ обожествления какого-то иудейского пророка, пусть всего лишь и софиста с хорошо подвешенным языком, беспрепятственно и стремительно распространяется по территории римских провинций... Однако префект плохо разбирался в хитросплетениях местных религиозных течений и не был готов оппонировать заумному арестанту. А вдруг тот прав? Тут уж не до буквального следования законам.

Пилат принял решение. Он позвал солдат и приказал развязать Савлу руки. Затем сделал знак секретарю, который все это время находился в зале и был готов записывать ход допроса.

- Ты отправишься в Дамаск, - произнес префект деловым тоном, обращаясь к Савлу. - Я дам тебе рекомендательное письмо к Виттелию с просьбой содействовать твоей деятельности. Но об этом письме никто не должен знать, кроме проконсула, даже первосвященник... Впрочем, ты пойдешь и к нему тоже, и выпросишь рекомендации Синедриона к тамошним синагогам помочь тебе в поисках этих возмутителей спокойствия. Всех, кого сможешь, веди в Ершалаим, мы казним их здесь, чтобы другим неповадно было, а со всеми прочими делай, что хочешь, прямо на месте. Но если ты римский гражданин, я еще раз это повторяю, то и послужить должен в первую очередь Риму.

Пилат надиктовал текст письма секретарю, затем взял в руки написанный им пергамент, прочитал и тут же подписал его. Савл принял письмо из рук Пилата и спрятал его в складках хитона.

- Кесарю и его префекту – радоваться! – провозгласил Савл-Павел, вскинув правую руку в традиционном римском приветствии. Он неплохо отделался и был готов бежать к первосвященнику немедленно. Он знал, что там его ждет совершенно другой прием.

В отличие от представителей римской власти, первосвященник отлично понимал, что происходит в Ершалаиме. Он, конечно же, был в деталях осведомлен о расправе над Стефаном и прекрасно осознавал все последствия этого события. Вот только одного он не предусмотрел – что римляне окажутся проворнее его людей. Он ждал прихода Савла, пребывая в полной уверенности, что префекту и его окружению нет особого дела до религиозных споров между несколькими группами иудеев, и поэтому чувствовал себя полным хозяином положения.

Савл вошел в Зал из тесаных камней Ершалаимского Храма уверенной походкой победителя. Он очень гордился собой, особенно тем, что превзошел соперника не только физически, но и в дискуссии. Трагическая гибель Эстер

оставила, конечно же, свою зарубку на его сердце, однако сейчас ему было не до женщин – он оказался в самом центре действительно важных событий и не собирался упустить свой шанс.

В Синедрионе Савла приняли, как равного из равных, как одного из них – самых мудрых и уважаемых представителей иудейского народа. Там он произнес пылкую речь, свидетельствующую о насущной необходимости выдать ему полномочия отправиться в Дамаск по следам бежавших в Сирию последователей Иешуа. Начатое дело следовало завершить, ибо Стефан был только одним из проповедников так называемых христиан, в то время, как реальное число этих отщепенцев еще следовало установить. Речь Савла вызвала редкое воодушевление в собрании. Лишь несколько членов Синедриона высказались против преследований, в том числе, к немалому удивлению Савла, его учитель рав Гамалиель. Но это уже значения не имело. Савл, имеющий теперь тайные полномочия от римлян и явные – от Синедриона, был готов отправиться в путь немедленно. Оставалось только уладить еще одно небольшое дело.

Савл долго размышлял над тем, как лучше поступить: попробовать все же уговорить Каифу отдать ему вожделенный пергамент или ... попросту выкрасть его? Речь шла о том самом документе, который Савл в свое время раздобыл в доме Марка и Мириам, и где были записаны логики Иешуа Га-Ноцри. Перед отъездом с такой важной миссией в Дамаск ему следовало тщательно подготовиться к возможным публичным дискуссиям с учениками распятого философа. С другой стороны, обладание оригинальным документом, написанным учеником Иешуа Левием Матфеем, должно произвести впечатление на тамошних христиан, если вдруг возникнет необходимость налаживать отношения и с ними. Без первоисточника в таком деле в любом случае было не обойтись.

Однако Каифа придерживался другого мнения, и Савл знал об этом. Он как-то раз уже просил разрешения первосвященника взглянуть на пергамент, однако тот отказал. Ныне настал момент, когда следовало принять решение, и Савл его принял. Пользуясь тем, что он был частым гостем в Храме, Савл без труда проник в покои Каифы. Ему даже удалось открыть шкаф, где хранились наиболее важные свитки Торы – именно туда первосвященник положил пергамент, Савл сам это видел. Однако документа в шкафу не оказалось. Савл еще и еще раз нервно перебирал хранящиеся в шкафу свитки. Ничего. И тут он услышал шум приближающихся шагов и мужские голоса. Савл стал лихорадочно оглядываться по сторонам, пока не заметил нишу за стоящей в глубине комнаты массивной каменной тумбой, где было удобно спрятаться. Вот когда его маленький рост оказался кстати! Он заскочил в нишу, присел и замер. В зал, судя по шагам, вошли двое.

- Мы не можем допустить, чтобы какой-то мальчишка, еще даже не учивший и не получивший звание равви, стал нашим представителем в Дамаске, - это был голос Каифы. Он говорил спокойно, взвешенно, но очень настойчиво. – Поэтому, уважаемый Гамалиель, я попрошу вас предпринять соответствующие меры. Нашим синагогам в Сирии следует понимать, с кем они имеют дело. Богоотступники из числа учеников Иешуа для нас не так опасны, как будущий равви – римский

гражданин, о котором в Ершалаиме уже и так ходят немыслимые слухи... Его популярность растет... В благодарность за вашу помощь, я так думаю, у Синедриона не будет лучшей кандидатуры на должность главы собрания - *наси*, кроме уважаемого рава Гамалиеля, известного своей ученостью и подготовившего так много талантливых учеников.

Слова про учеников были сказаны с небольшой долей сарказма.

«Гамалиель!» - мелькнуло в голове у Савла. У него внутри все похолодело.

- Хорошо, - ответил второй голос, принадлежавший, без всякого сомнения, его уважаемому учителю. – Пусть будет так. Кстати, я принес вам то, о чем вы просили.

Раздался шуршащий звук, будто разворачивали пергамент.

- Превосходно! – после паузы произнес Каифа. Он, очевидно, был чем-то очень доволен. – Просто замечательно. Я положу этот ценный документ туда, где ему самое место. Наступит день, и он нам очень понадобится.

Послышался легкий скрип – первосвященник, очевидно, открыл и закрыл створки шкафа.

- Ну, что же, дело сделано, - произнес он приветливо, - я приглашаю вас, уважаемый *наси*, отужинать со мной. – Прошу вас.

Они вышли.

Зал снова опустел. Еще несколько секунд Савл продолжал сидеть, прислонившись спиной к холодному камню. Его била дрожь.

«Предательство! Кругом все ложь и обман, даже в Храме нет правды!» - стонал он про себя. Его, столь преданно служившего первосвященнику и так уважавшему своего учителя, именно эти двое и собирались предать на посмешище, если не на что похуже! Ну, нет! Он им еще покажет!

Савл выбрался из своего убежища, бросился к шкафу и открыл его. Теперь прямо на виду, сверху лежал только что положенный туда пергамент. Савл развернул его и торопливо пробежал глазами. От волнения его сердце едва не выпрыгнуло из груди. На первый взгляд это был тот самый документ, который он искал. Видимо, он был у Гамалиеля, и теперь просто возвращен на место. После подслушанного разговора у Савла уже не было никаких сомнений – он взял пергамент, спрятал его в потайном кармане под хитоном и беспрепятственно вышел из Храма. Ему нужно было спешить: что ж, если первосвященник с Гамалиелем решили ему навредить – тем хуже для них, ибо кроме свитка из шкафа Каифы в его багаже было и рекомендательное письмо Пилата к проконсулу Виттелию. Это предопределяло свободу его действий. Что могло быть ценнее этих двух документов, попавших в правильные руки?

Савл отправился в Дамаск с караваном на следующий день. Однако он так никогда и не узнал, что свиток, который Гамалиель передал первосвященнику, и который теперь покоился в складках его хитона, был вовсе не оригиналом, похищенным в свое время Савлом в доме Марка и Мириам, а лишь его великолепной подделкой, тщательно выполненной по форме и правильно обработанной по содержанию лучшими храмовыми писарями. Именно с этого

документа и начинается запутанная история фальсификаций слова Божьего, которая и по сей день не дает покоя искателям истины.

Глава 8. Лучше быть послушным

Когда Николас, совершенно подавленный услышанным от церковного служки, вышел из собора, на город уже опустилась ночь. Тяжесть, давящая на грудь, никуда не делась. Было холодно и безлунно, и площадь, лежавшая перед ним, выглядела неприветливо. Теперь она вовсе не была похожа на уголок божественной Венеции. Темные, неопрятные, покрытые плесенью дома вокруг нее и слабый желтоватый свет от нескольких фонарей на боковой улочке смотрелись весьма жалко по сравнению с дневным величием города. Большая часть площади была погружена во мрак и очевидно, поэтому Николас не заметил стоявший в тени храма черный автомобиль «бмв-2000» с зашторенными стеклами. Собственно, он не успел сделать и нескольких шагов по площади, как двое дюжих ребят, появившихся, будто из-под земли, ловко подхватили его под руки и в считанные секунды затолкали на переднее сидение этого самого «бмв».

- Пожалуйста, не оборачивайтесь и не делайте резких движений, - прозвучал с заднего сидения незнакомый голос. – Мы не хотим причинить вам вреда. Во всяком случае, пока.

Ник решил, что лучше сделать так, как его просили.

- Что вам от меня нужно? – спросил он, по возможности, спокойно.

- Зачем вы заходили в этот храм? – невидимка ответил вопросом на вопрос. – Исповедаться?

- Это мое личное дело, и я... - начал было Николас, но его прервали.

- Я бы предложил вам сэкономить на всем этом дерьме, - в голосе сзади прозвучали жесткие нотки. – У нас есть занятия значительно более важные, чем отслеживать ваши перемещения по Италии. Неужели вы так и не поняли, что с того самого момента, как кто-либо пересекает порог внутреннего круга Ватикана, он перестает принадлежать только себе и никаких сугубо личных дел более иметь не может?

- Я, собственно, не напрашивался, чтобы мои, как вы говорите, перемещения по Италии, привлекали столь много внимания, - Николас старался не терять самообладания.

- Мы тратим время впустую, – сказал человек на заднем сидении. - Советую вам внимательно меня выслушать.

История знала немало искателей истины, как и правдолюбцев, и обычно эти ребята плохо кончали. Вам стоит определиться, кто вам ближе – Галилео Галилей или Джордано Бруно. Только вот ходить на исповедь в таком возбужденном состоянии не нужно. В то, что тайна исповеди существует, уже не верят даже грудные дети. Будет совершенно излишним, если ваши сомнения в истинности утверждений археологов о том, что именно было найдено под собором Святого

Петра, станут достоянием клира. Мой вам совет – возьмите себя в руки и держите язык за зубами.

У Николаса по коже пробежал холодок. «Так вот откуда эти ребята», - подумал он про себя.

- Вы хотите сказать, что и в наше время каждого, кто станет отстаивать истину или засомневается в непогрешимости папского слова, ждет костер? – спросил он.

- Ну, зачем же сразу костер? Вопрос не в костре, а в том, что есть истина? – спокойно, но уже с нотками раздражения в голосе произнес человек на заднем сиденье. – Однако у меня нет ни малейшего желания вступать с вами в абстрактные дискуссии, сейчас для этого не время и не место. Я лишь настоятельно рекомендую вам помалкивать – как в мирской жизни, так и в полной лишений и опасностей жизни святого отца, - теперь в его голосе прозвучал сарказм. - А то ведь как бывает? Идет человек по улице, а ему вдруг кирпич на голову упадет, или чересчур агрессивный водитель пронесется на спортивном автомобиле. Несчастный случай - и все, конец, даже в газетах не напечатают. Вы же не дурак. Прощайте, надеюсь, вы меня поняли.

Двое ребят, которые дежурили снаружи, как по команде открыли дверцу «бмв» и вытащили Николаса на улицу. Затем они вскочили в машину и она с визгом унеслась прочь. Номера, разумеется, были тщательно заляпаны грязью, которой в Венеции отродясь не водилось, и Николасу теперь точно нечего было сказать полиции, даже, если бы он захотел это сделать. Ник остался на площади один.

Он вовсе не был напуган, просто озадачен. Николай машинально оглянулся по сторонам – теперь площадь действительно была пуста. И тут в его памяти, как по мановению волшебной палочки, всплыло имя и номер телефона. У них в семинарии был один совершенно изумительный преподаватель истории профессор Руджери – светский человек, в прошлом звезда какого-то университета, родом из Венеции. Когда Николай – отличник и умница – с ним прощался после выпуска, Руджери сказал ему, что скоро уходит на пенсию и переезжает жить в родной город. Как же он об этом сразу не подумал?!

Ник бросился на поиски телефонного аппарата и нашел его в ближайшем кафе. Он прочитал короткую молитву перед тем, как набрать номер: «Только бы Руджери был дома!» - повторял он про себя. Профессор откликнулся, пусть и не сразу.

- Ник, я рад вас слышать, - сказал Руджери. – Простите, что я сразу не взял трубку – мне было далеко бежать к аппарату, а я уже не мальчик. Как вы поживаете? Я слышал, вы теперь служите в Ватикане?

Николаас не стал утруждать профессора подробностями своей ситуации по телефону. Он просто сказал:

- Простите, профессор, но я только на одну ночь в Венеции, и оказался почти совсем без средств....

Руджери сразу все понял.

- Приезжайте ко мне немедленно, у меня тут целый дом, а я живу один. Возьмите такси.

Он дал адрес и уже через полчаса Николас пил великолепное «бардолино», удобно расположившись в мягком старомодном кресле в гостиной дома профессора Руджери. Тот с юмором относился к своему новому жизненному статусу.

- Пенсия, дорогой Николас, - это, по правде говоря, большое свинство. К тому, что о вас забыли женщины и дети, прибавляется то, что о вас забыли ученики. Потому я очень рад вас видеть. Но какими ветрами вас занесло в Венецию? Судя по вашему костюму, вы – или в отпуске, или вас отлучили от церкви, - сказал он беззлобно, хлопоча у подноса с сыром, фруктами и орехами. Он даже сделал для Николаса несколько бутербродов.

- Ни то, ни другое, - ответил Ник как можно более беззаботно. – Будем считать, что я выполняю некое специальное задание.

- Вот как? - Руджери оценил его ответ. – Ну что же, бывает и такое. Если судить по сложности тех задач, которые иногда ставит перед собой церковь, многие разведки мира должны были бы снять перед Ватиканом шляпу.

- Ну, не все так драматично, дорогой профессор, - Николас стал серьезен, - хотя признаюсь: мне нужна ваша помощь.

- Прошу, располагайте мной, - Руджери развел руками, - я рад быть кому-то полезным, пока мой мозг не покрылся мхом и грибами.

Он устроился в кресле напротив Ника, всем своим видом изображая готовность выслушать гостя и помочь ему.

- Я хотел бы поговорить с вами об апостолах, учениках Иисуса. В частности, об апостоле Павле, - осторожно произнес Николас. – Но не о том первоверховном святом, который возведен на недостижимый пьедестал католической церковью. Мне бы хотелось узнать подробнее каким он был на самом деле. Ведь существуют же неканонические свидетельства о его жизни. Я уже понял, что этому в семинарии не учат.

Руджери внимательно посмотрел на Николаса поверх очков.

- Вы задаете непростые вопросы, молодой человек, - сказал он. – Даже небезопасные... Кто ж вам ее скажет, правду-то.... Впрочем, ладно, я уже стар бояться. Так вот, о Павле, - Руджери сделал небольшую паузу. - Он был очень сложный человек, необычный. Мистик. Вы знаете, что у него была эпилепсия? Вспомните, он сам об этом говорит: *«И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»* (2 Кор. 12:7-9), – процитировал Новый Завет Руджери. - В те времена эта болезнь считалась священной, насылаемой богами на человека, ведущего несправедную жизнь. Любопытно, что первый приступ с Павлом случился, когда он направлялся в Дамаск...

Вы, очевидно, знаете, что Павлом-то он стал не сразу. Его имя от рождения - Савл, и был он из иудеев, выходец из семьи фарисеев, принадлежавшей к высшим

слоям общества и даже имевших римское гражданство. Павлом его прозвали римляне за маленький рост. Савл был слаб физически и внешне неказист, однако умен и красноречив, а также горд и резок в суждениях. Город Тарс, откуда он родом, в те годы был весьма просвещенным местом. К примеру, в свое время именно в нем Антоний и Клеопатра провели свой медовый месяц, хотя, я думаю, у них был выбор, где предаться упоению любви... Савл получил отличное образование, изучил, среди прочего, и греческий язык, на котором впоследствии написал свои послания. В то же время, будучи учеником рава Гамалиила, он не обладал ни терпимостью этого учителя, ни его мудростью. Несмотря на молодость, его старания в преследовании христиан не знали границ. Даже Лука в Деяниях апостолов вынужден был признать: *«А Савл терзал церковь, входя в дома, и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницу»* (Деян. 8:3).

Но вот однажды, по дороге в Дамаск, с ним произошло некое чудо, таинство преобразования, ему, якобы, явился сам Христос, призвал на апостольство и вскоре Павел занял главенствующее положение среди проповедников-первохристиан. О чуде этом все узнали лишь со слов самого Павла, так что было оно на самом деле или нет – это вопрос не науки, а веры. Он написал свои послания до того, как были завершены Евангелия и, хотя Павел не участвовал лично в их составлении, канонические тексты трех Евангелий из четырех, кроме Иоанна, в подавляющем большинстве отмечены его вмешательством. Вам следует также знать, что в научном мире существует весьма хорошо обоснованная гипотеза о написании синоптических Евангелий по общим первоисточникам, неким «логиям», которые, впрочем, найти до сих пор не удалось. Однако есть основания полагать, и теперь я могу говорить об этом совершенно свободно, что в Писании имеются значительные отклонения от того, чему учил Христос. Посудите сами - из ста пятидесяти страниц Нового Завета сто были написаны Павлом, который сам никогда Христа не видел и Его учеником не был! Однако его след в христианстве так велик, что ныне трудно отделить, что есть истинное учение Иисуса, а что – привнесенное Павлом или теми, кто впоследствии правил и кроил Евангелия и послания апостолов по своему усмотрению.

Он сделал паузу.

- Я не слишком сильно покушаюсь на ваши представления о Новом Завете и об апостоле Павле? - осторожно поинтересовался Руджери.

- Читайте, что вы видите перед собой чистый свиток пергамента, который нуждается в свежем слове учителя, - ответил Ник. - Прошу вас, продолжайте.

- Хорошо, тогда держитесь. Возьмем его апостольские послания. Это же просто уму непостижимо! В них, вместо полных смысла и глубины слов Спасителя, изложенных в Евангелиях, мы находим какие-то служебные инструкции, со странными и неправомочными указаниями церквям христовым. Неприкрытое женоненавистничество: *«Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и*

любви и в святости с целомудрием». (1-е Тим. 2:11-15). Это же чистый Ветхий Завет! При чем тут Иисус? – воскликнул Руджери, и продолжил: - «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем». (Эфес. 5:22-24). «Жены ваши в церквях да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви». (1-е Коринф. 14:34-35). А ведь никаких церквей тогда еще не было! – снова воскликнул профессор. – А как вам призыв к рабам любить собственных рабовладельцев? «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Эфес. 6:5). «Рабов увещевай повиноваться своим господам, угрождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога». (Тит. 2:9-10). «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение». (1-е Тимоф. 6:1). «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым». (1-е Соб. 2:18).

И при этом ссылки на учение Спасителя, на самого Господа! Но ведь это же неправда! Вы, Николас, отлично знаете - ничего этого нет у Иисуса Христа, никогда и нигде не говорил он презрительно о женщинах, никогда и нигде не увещевал рабов в страхе повиноваться властям! Ведь спасение человека не может совершиться без раскрытия его внутренней свободы. Да, Христос проповедовал всеобщую любовь и ненасилие, но он не опускался до прямых инструкций женщинам, рабам и рабовладельцам. Так мог написать только женоненавистник, который, к тому же, действовал в интересах Рима, ибо именно они – римляне – и были властителями Иудеи в те времена и крупнейшими рабовладельцами. Именно они и были заинтересованы в смирении рабов!

Впрочем, справедливости ради следует признать, что среди канонических посланий Павла имеются как безусловно подлинные документы, так и подложные или, как минимум, весьма сомнительного происхождения. Именно к последней категории и относятся оба послания Павла к Тимофею и послание к Титу, а также послания к Колоссянам, Эфесянам и записка к Филимону. Например, название «к Эфесянам» вообще отсутствует в древнейших списках Библии, относящихся к IV веку, что ставит под сомнение не только адресата, но и автора. Или возьмем послания к Тимофею и Титу. В них Павел, искренне верящий в скорый конец света и наступление царства Божьего, вдруг начинает читать наставления о будущем устройстве церквей, то есть по вопросу, никакого отношения к адресатам не имеющему.

А вот еще одна загадка. Перечитайте послание апостола Павла к римлянам. Оно признано подлинным и написано примерно в те же годы, когда, по утверждению ряда историков, святой Петр был епископом в Риме. Павел приветствует там множество братьев во Христе, но среди них нет Петра! В то же

время, скажу вам по секрету: я вообще не обнаружил никаких доказательств, что Петр был в Риме епископом, кроме церковных преданий. Ведь Павел и Петр договорились, и сам Господь утвердил эту договоренность, что Павел пойдет к язычникам, а Петр будет проповедовать среди обрезанных, то есть - иудеев. Но римляне-то были язычниками! Вот и думайте, что хотите.

Обратите внимание: Павел не только никогда не встречался с Иисусом, не был Его учеником, он даже не присутствовал, когда на апостолов на Пятидесятницу снизошел Святой Дух. Божественные Логии, притчи, он знает лишь с чужих слов. Христос, делающий ему одному откровения – скорее всего, плод его фантазии. Но при этом он фанатично предан новому учению, которому в силу своего ума и образованности придал характер законченной и самостоятельной религии. Это Павел является автором концепции богочеловечности Иисуса Христа и отделения христианства от иудаизма. Он без устали служил идее грядущего царства Божьего и наставлял в понятной ему одному истине своих учеников. Часть его жизни покрыта непроницаемым мраком, но то, что мы о нем знаем, уже определяет его значительное место в истории. Вот только по моему глубокому убеждению *источник истинного христианства – это все же Евангелия, нагорная проповедь Иисуса Христа, а не послания Павла*, пусть даже такие значительные, как послание к римлянам. Впрочем, я на своем мнении не настаиваю.

Ник был совершенно обескуражен. Столько лет отдать изучению этих самых посланий и евангелий, и не видеть таких простых вещей! Вот что значит правильная промывка мозгов! А он удивился намерениям кардинала обнародовать не совсем проверенную информацию о какой-то могиле и мощах!

- Профессор, - сказал он, - я весьма признателен вам за этот рассказ. Я теперь многое увидел в ином свете. Не знаю только, как же мне теперь быть с клятвой и саном священника, если дух мой – в смятении, а вера не так крепка, как того требует совесть?

Руджери задумался, а затем сказал:

- Возьму на себя смелость нарушить одно из своих правил, которым следую много лет: я дам вам совет. Да-да, когда-то давно я зарекся советовать кому-либо что-либо, так как после одного такого совета пострадал мой близкий человек, который меня же и обвинил во всех бедах. Ну, теперь уже, наверное, можно, я тот грех отмолил. Так вот, поезжайте на Святую Землю, выберите себе удаленный и как можно менее обитаемый монастырь, и проведите там достаточно времени, чтобы очистить свой дух и укрепить веру. Вам нужно освободиться от навязанных вам – с умыслом или без – догматов. Познать истину может лишь свободный духом человек, иначе она ни за что не откроется. Лично я остановил бы свой выбор на монастыре Испытания в Иудейской пустыне - там, где сорок дней и ночей провел сам Иисус, искушаемый дьяволом. Я там бывал, и не раз, – просто отличное место! Если сам Спаситель выбрал его для себя, нам ли сомневаться в правильности Его выбора?

Глава 9. Путешествие в Дамаск

Солнце палило нещадно. Каждый, кто когда-либо пересекал Сирийскую пустыню, знаком с этим дурманящим, обжигающим, испепеляющим ближневосточным солнцем. Савл размеренно покачивался в седле, закутав, на арабский манер, голову и лицо платком. Он восседал на меланхолично шагающем верблюде, одном из десятка верблюдов каравана, направляющегося в Дамаск. Вначале дорога то и дело петляла между бесконечных гор и холмов Галилеи, пока на второй день пути они не миновали гору Хермон с ее вечно заснеженной вершиной. Казалось, что вот, еще немного, и забрезжит вдалеке цель их путешествия - зеленая долина, окаймленная цепью Ливанских гор. Вокруг царил покой, нарушаемый лишь криками погонщиков да скрипом красновато-желтого песка под ногами кораблей пустыни. Однако на душе у Савла было далеко не спокойно. Его голова горела не только от жары, но и от нескольких тревожных мыслей, которые мельничными жерновами ворочались в ней, перемалывая в труху все более мелкие и несущественные мыслишки. Предательство со стороны первосвященника и рава Гамалиеля было одной из них. Только благодаря подслушанному разговору Савл вдруг понял, почему Каифа так долго отказывал ему в звании равви, и чем объяснялась сдержанность рава Гамалиеля, когда все остальные члены Синедриона весело приветствовали его после гибели Стефана. «Даже в Храме все - предательство и ложь! Ложь и предательство! - стучало у него в висках барабанным боем. – Они называли меня мальчишкой! Продажные души, они думают только о власти, и никому никакого дела нет до судьбы народа!». Все, чему он до сих пор служил и во что верил, казалось растоптанным.

Не менее болезненной была и другая мысль, сильно беспокоящая Савла. Он ведь не поленился и еще до отъезда внимательнейшим образом прочитал выкраденный из Храма пергамент. Написанное в нем потрясло молодого человека. Сформулированные с необыкновенной простотой, логики Иешуа Га-Ноцри состояли из множества удивительных откровений, частично созвучных, а местами противоречащих его собственным мыслям. Например: «Иешуа сказал: Пусть женщины уйдут от нас, ибо они не достойны жизни». Или: «Я пришел разделить отца с сыном, мать с дочерью», «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч», «Я пришел бросить на землю огонь разделения, меч, войну». А как вам: «И враги человеку ближние его» или «Всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет». Впрочем, в манускрипте были и бесконечные в своей мудрости послания, среди которых с особенной силой звучал призыв ко всеобщей любви: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга», «Люби брата твоего, как душу твою». Читать эти слова - слова о любви - ему было особенно больно, ведь перед глазами сразу же вставала Эстер, лежащая в луже крови. Чтобы отогнать мучительное видение, Савл горестно вздыхал, но после снова возвращался к чтению удивительного пергамента. Он припоминал и рассказы христиан о жизни распятого мессии, и его собственную дискуссию со Стефаном. *«Иисус сказал: тот, кто напился из Моих уст, станет, как Я. Я также, Я стану им, и тайное откроется ему»...*

Ближе к полудню жара стала невыносимой, а долина все еще не показывалась. Савл в изнеможении прикрыл глаза – он никогда не отличался крепостью тела, а сейчас и вовсе держался из последних сил. Вдруг – это произошло буквально в одно неуловимое мгновение – дикая боль молнией пронзила голову, от этого оцепенела левая часть тела, яркая вспышка ослепила глаза... Савл камнем свалился на каменистый песок, даже не успев осознать произошедшего.

Когда ощущения стали вновь возвращаться к нему, сквозь молочную пелену затуманенного сознания, где-то из небесной дали до него донеслись голоса, которые что-то ему говорили: «Савл, Савл, ну что же ты.... Очнись... не гони меня... положите его здесь .... осторожнее .... дайте воды .... Тень ... Дамаск .... Дайте же воды ... прямо здесь .... мы должны ехать .... нельзя останавливаться.... улица Прямая...» Голосов было много, мужских и женских, они говорили все сразу, на разных языках, перебивая друг друга и сливаясь в один неразборчивый гул. Савл попытался открыть глаза, привстать, но не смог пошевелить даже веками, и окончательно погрузился в небытие.

Неизвестно, сколько прошло времени, пока он пришел в себя. Савл приоткрыл веки, пошевелил рукой, ногой – все вроде бы было на месте. Только сильно болела голова, и безумно хотелось пить. Он слегка приподнялся и огляделся. Все вокруг было будто в густом тумане. По острому запаху овечьего сыра Савл догадался, что он в гостях у пастухов. Он попытался встать и невольно застонал. В этот момент послышались легкие шаги, будто в комнату вошел человек.

- Нет-нет, - послышался мужской голос; кто-то присел на ложе рядом с Савлом, - тебе нельзя вставать. Лежи, я дам тебе воды.

Голос был низкий, но очень приветливый. Незнакомец говорил по-арамейски. Он принес кувшин, наполнил чашу, затем помог Савлу приподняться. Тот жадно сделал несколько глотков.

- Где я? Что со мной? – спросил Савл, снова откидываясь на ложе.

- Мы недалеко от Дамаска, в деревне Куакабы, у моих друзей-пастухов. У тебя был удар. Видимо, от жары. Как ты себя чувствуешь?

- Я плохо вижу, и болит голова, - Савл провел рукой по глазам, потер виски.

- Не бойся, я вылечу тебя, - сказал незнакомец. – Просто нужно еще немного времени.

Он взял кусок ткани, смочил в миске с водой, отжал и положил на лоб Савла. Вода была прохладной. Савлу стало чуточку легче.

- Кто ты? – спросил он.

- Меня зовут Лукас, я лекарь. А теперь закрой глаза и спи. Тебе нужно беречь силы.

Савл послушно сомкнул веки и провалился в сон.

Так прошло два дня. Все это время Лукас лечил Савла настойками, травами и компрессами. А к исходу третьих суток было Савлу видение, будто он - поводырь бесконечной вереницы слепцов, которые бредут один за другим, положив правую руку на плечо впередиидущего, прямо на восходящий перед ними сверкающий и

слепающий диск оранжевого солнца. Свет был настолько ярок, что глазам стало нестерпимо больно, и Савл был вынужден крепко их зажмурить. «Если слепец ведет слепого, оба упадут в яму, - зазвучал в его голове голос, от которого кровь застыла в жилах. – Отныне ты должен выбрать Свет и сам стать его проводником, чтобы указать слепцам путь к спасению». И в тот момент на душе у Савла стало удивительно легко...

Когда он очнулся и открыл глаза, все вокруг было наполнено ярким солнечным сиянием. Савл даже не сразу понял, что снова хорошо видит, пелена спала с его глаз, – так это было похоже на сон. Ему казалось, что он в каком-то неземном мире, где все вокруг излучает свет и царит безмерный покой... Савл огляделся. По убранству лачуги было ясно, что ее хозяева не принадлежат к касте богачей, но и не бедствуют. Он лежал на чистой постели, укрытый видавшим виды, но выстиранным покрывалом. Рядом с ним на низкой подушке и опершись о кровать сидел незнакомый средних лет человек, по виду – грек. Его волосы были собраны сзади в пучок, открывая широкий и высокий лоб – несомненный признак ума и склонности к наукам. Незнакомец читал какой-то пергамент. Когда Савл зашевелился, человек отложил манускрипт в сторону и поднял на него глаза.

- Ну, слава Богу, теперь ты совершенно здоров, - сказал он, оглядев Савла.

- Ты Лукас? Как мне благодарить тебя? – с теплом в голосе произнес Савл. – Это настоящее чудо! Ты искусный лекарь, спасибо тебе.

- Нет-нет, не говори так, это я твой должник, - вдруг произнес Лукас. - То, что открылось мне благодаря нашей встрече - это самый ценный дар, на который я мог бы рассчитывать.

Лукас жестом указал Савлу на лежащий рядом с ложем манускрипт.

- Я прочитал «Логии», - просто сказал он. – И я рад нашей встрече, Павел.

Савл слегка вздрогнул. Павел! Да, именно так нарек его этот римлянин... Да, тысячу раз, да! Пусть будет так, как хотел префект! Отныне он возьмет себе это имя, ибо нет уже прежнего Савла – гонителя христиан! Но откуда это имя знает Лукас? Павел обеспокоенно взглянул в глаза лекаря. Тот ничуть не смутился, достал из лежащей тут же сумки какой-то свиток и, молча, протянул его Савлу. Тот взял манускрипт, развернул и пробежал глазами. Это было письмо Пилата Виттелию.

«Благородному Виттелию, проконсулу Римской империи в Дамаске – радоваться,

Направляю сего достойного мужа и гражданина, Савла из Тарса Киликийского, прозываемого по праву римского гражданства Павел, в Дамаск дабы способствовать искоренению вредного учения возмутителя спокойствия и лжепророка иудейского прозываемого Иешуа Га-Ноцри. Прошу для него твоего содействия и покровительства на благо Рима.

Да хранят тебя всемогущие боги,

Гай Понтий Пилат,

Всадник, префект Иудеи и Самарии»

Павел-Савл тяжело вздохнул и вернул свиток Лукасу.

- Ты сожги его, добрый человек. Нет уже Савла, он остался там, в пустыне, сраженный гневом Всевышнего... Я пребывал во тьме и грешил страшно против истины, но теперь все изменилось...

И он рассказал Лукасу о своем видении.

- Я тоже рад, Лукас, что встретил тебя. Все это не случайно: и моя болезнь, и наша встреча, и чудесное выздоровление. Знаешь, этой ночью во сне ко мне приходил Иешуа, и Он призвал меня на служение... Теперь я знаю, что впереди у нас много важных дел, - сказал он. – Мне говорили, что здесь, в Сирии, живут многие из тех, кто видел и слышал Учителя, уверовали в Его воскресение и почитают Его за Сына Божьего. Мы должны найти их. Но совсем не для того, чтобы преследовать, а, наоборот, чтобы помочь и поддержать их словом и делом.

Прошло еще несколько дней. А когда Павел-Савл окончательно окреп, они с Лукасом собрали нехитрые пожитки, поблагодарили пастухов, которым Павел отдал все имеющиеся у него деньги, и отправились в Дамаск. Они вошли в город через ворота Солнца. Прямая улица – Виа Ректа - стрелой пересекала весь город с востока на запад. Вдоль нее располагались самые важные здания, в том числе и резиденция проконсула Виттеля. Однако Павел с Лукасом без малейших колебаний прошли мимо резиденции. Они направились к самой большой городской синагоге, где по случаю приближающейся субботы собралось множество народу на послеобеденную молитву. Затем их пути разделились. Лукас отправился на поиски дамасских христиан, а Павел вошел в храм.

Поначалу на него никто не обратил внимания. Равви читал Тору, Книгу Царств. Затем какой-то разодетый в шелка оратор обратился к общине с нравоучительной речью. Павел вначале присоединился к слушающим и молящимся, но затем, даже не дождавшись окончания чтения псалмов, вышел перед народом, встал на возвышении, называемом «бима», и начал говорить.

Он говорил им о том, что вековые чаяния народа иудейского свершились, и что распятый в Ершалаиме Иисус из Назарета и есть Христос – Мошиах из рода Давидова, который принес народу долгожданное избавление и свободу, но не через насилие, а через проповедь Нового Завета человека с Богом, искупление грехов, спасение и покаяние. Он говорил о том, что в Ершалаимском Храме воцарилось предательство и сговор, и что иудеи отошли от дарованного Всевышним Закона, который не нарушить, но исполнить пришел Иисус Христос, искупивший грехи человечества крестными муками, воскресший после смерти и тем даровавший всем смертным надежду на вечную жизнь. «Покайтесь! - восклицал он. - Ибо близко царство небесное, и придет час, и он уже скоро, когда Сын Божий сойдет с небес во славе ангельской и судить будет каждого по вере и делам его! Откройте свое сердце Святому Духу, истинной свободе и любви!».

Тем временем Лукас отправился на местный базар, а оттуда, после осторожных расспросов, к воротам Сатурна. Он нашел учеников Иешуа, бежавших от гонений из Ершалаима, в неприметном доме на одной из кривых боковых улочек, что взбиралась на небольшую возвышенность вблизи городских стен. Лукаса в городе хорошо знали и поэтому люди говорили с ним, не таясь. Ученики

Иешуа называли себя христианами – по прозвищу распятого пророка – Христа, и были очень приветливы. Лукас рассказал им о чудесном проповеднике – Павле, которого сам Господь отметил ужасной болезнью и скорым выздоровлением, и у которого есть манускрипт с логиями самого Иисуса. Они договорились увидеться вновь, в тот же день, ближе к вечеру.

Лукас был очень воодушевлен встречей с христианами, однако его радостное настроение сменилось тревогой еще по пути к синагоге, где оставался Павел. Громкий шум и крики были слышны со стороны храма. В какой-то момент его двери распахнулись, и оттуда вырвалась толпа выкрикивающих проклятия иудеев, которые окружили Павла и, сжимая в руках кто палки, а кто книги и камни, стремились ударить его. Павел, прикрывая голову и лицо руками, пытался вырваться из этого моря гнева. Лукасу ничего не оставалось, как кинуться ему на помощь. Вместе им удалось отбиться от толпы и даже оторваться от погони, свернув в ближайший переулок. Там они спрятались в полуразрушенном доме и затаились. Преследователи в облаке пыли проскочили мимо. Стая бродячих собак с лаем сопровождала погоню. Лукас и Павел тяжело дышали. Они опустили на землю, чтобы передохнуть.

- Думаю, нам следует переждать здесь, пока все затихнет, - в полголоса произнес Лукас, отдышавшись. – А затем пойдем к нашим братьям. Я нашел их, они живут недалеко от ворот Сатурна. Савл кивнул.

- Что там произошло, в храме? – спросил Лукас.

Савл не стал рассказывать, только покачал головой.

- Я лишь сейчас начинаю понимать, сколько нам еще предстоит претерпеть за веру, - произнес он. – Но сила Божьего слова велика, на нее и следует уповать...

Наконец, на улице все стихло. К тому же, начало смеркаться.

Лукас и Павел осторожно выбрались из своего убежища и без приключений добрались до ворот Сатурна. Там они свернули на кривую боковую улочку, петляющую вдоль городской стены. Лукас остановился возле одного из домов, подошел к двери и постучал. Изнутри осторожно открыли, и Павел с Лукасом прошли в дом. В небольшой комнате собралось человек десять. Их лица были едва различимы в свете тусклых масляных светильников.

- Мы слышали, в городе объявлен розыск какого-то проповедника, - взволнованно сказал хозяин дома после приветствий. - Это не того ли человека ищут, о котором ты нам рассказывал?

- Того, - коротко ответил Лукас. – Вот он, - и указал на Павла, который стоял сзади. Тот сбросил капюшон, прикрывавший его голову, и вышел на свет.

Раздались крики ужаса, все пришло в движение.

- Да это же Савл, храмовый прислужник из Ершалаима и убийца! Мы его знаем! Кого ты к нам привел?

- Нет, - Лукас пробовал защищаться, - этого не может быть! У него есть манускрипт со словами Учителя, он в надежном месте, я вам покажу его! И это он сегодня проповедовал Иисуса Христа в синагоге, когда толпа будто взбесилась и чуть не убила его! Я сам тому свидетель!

- Нет, это Савл! - продолжал настаивать кто-то. – Злобный гонитель христиан!
И тут раздался громкий голос:
- Пустите меня к нему!

Присутствующие замолчали и расступились. Откуда-то из глубины дома показался старик с длинной седой бородой, опирающийся на посох. «Анания» - слышался шепот. Старик медленной, шаркающей походкой подошел к Павлу очень близко, затем взял в свободную левую руку масляный светильник и поднес к лицу гостя. Выцветшими белесыми глазами он долго рассматривал лицо Павла, будто пытаясь разглядеть в нем нечто такое, что ранее было недоступно увидеть простым смертным.

- Этот человек говорит правду, - наконец произнес он неожиданно сильным голосом, как бы обращаясь ко всем присутствующим. – На нем печать Господа, он отмечен Его благодатью.

Затем старик наклонился к уху Павла и сказал очень тихо, только для него:

- Но ты столько зла совершил против Его воли, что не год, и не два, но не менее трех лет понадобится, чтобы искупить твою вину и имя очистить... Ступай в Аравию и ранее того срока сюда не возвращайся! Там, в долине между гор ас-Сафа и аль-Марва, где бьет источник, дарованный Агари ангелом, ты познаешь Истину, но не от человека, а от самого Господа... Будь прохожим, когда Он тебе встретится...

Анания повернулся к людям, собравшимся в доме.

- Помогите ему! Он должен покинуть город немедленно, живым и невредимым.

После этих слов старик медленно удалился в глубину дома. Воцарилась тишина.

- Но как же мы сделаем это? – слышался один голос. – Ведь все ворота уже закрыты, там римский караул... Нас всех схватят!

- Я, кажется, знаю, что можно предпринять, - произнес кто-то из присутствующих. Все повернулись к нему. Это был мужчина лет сорока пяти, с шапкой кудрявых коричневых волос и большими выразительными глазами странного изумрудного оттенка, одетый в видавший виды хитон. Никто из присутствующих его не знал, но сейчас было не до церемоний. Человек указал на огромную корзину для камней, которая стояла у дверей. – Мы спустим его со стены в этой корзине, она достаточно прочная, чтобы выдержать вес человека. Веревку я раздобуду.

Так они и поступили. Павел покинул Дамаск в корзине для камней и отправился в Аравию, где пробыл три года, как и сказал Анания. Лукас же остался в городе. Перед тем как расстаться с ним, Павел взял с Лукаса слово, что тот сохранит в целостности бесценный манускрипт с логиями Иисуса Христа, доставшийся Павлу, очевидно, по воле небес. Следует сказать, что они снова встретятся через много лет, и Лукас выполнит данное им обещание.

Глава 10. Храм Божьей Премудрости

Стамбул встретил Сергея Михайловича и Анну необыкновенной духотой, смогом, заунывным пением муэдзинов и пронзительными криками торговцев турецкими баранками. В этом, не имеющем ни конца, ни начала городе бескрайнее полотно разноцветных жилых кварталов прерывается лишь там, где царят Бог – на мечетях с их минаретами, и злодей-искуситель – на небоскребах делового центра с их вертолетными площадками. Броуновское движение машин, среди которых желтым цветом выделяются удивительно наглые такси, непостижимым образом все же позволяет добраться до места назначения. Древняя столица трех империй, этот плавильный котел народов и цивилизаций на протяжении тысячелетий соединяет Европу с Азией. Именно здесь, где восточный символизм крепко замешан на западном прагматизме, начинаешь понимать, что между двумя континентами нет никакой принципиальной разницы: муэдзины на обоих берегах Босфора поют совершенно одинаково. Впрочем, одна забавная выдумка турков все же наводит на размышления – из Азии в Европу вы можете проехать совершенно бесплатно, а вот для того, чтобы вернуться назад – придется раскошелиться.

Призывы к молитве, звучащие пять раз в день, не оставляют сомнений – вы в мусульманском, хотя и секулярном государстве. А разыскивать христианские реликвии в стране, где исповедуют ислам – занятие специфическое. Это Анна Николаевна Шувалова понимала очень хорошо, поскольку однажды работала в проекте по изучению связей между исламом и христианством, Кораном и Новым Заветом. Далеко не все знают, что между ними много общего. Ведь, согласно Корану, Иисус (по-арабски - Иса) признается одним из величайших пророков Израиля, получившим от Бога «Инджил» (Евангелие), «...в котором – руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных» (Коран, 5:46). Однако мусульмане считают, что иудеи не убили и не распяли Ису, ибо Аллах вознес его к себе до того, как они попытались это сделать (Коран, 3:55, 4:157), и Он еще вернется в День воскресения. Мусульмане убеждены, что Иисус не является Богом, Он не Сын Бога, и не часть Святой Троицы. «Воистину, Аллах является Единственным Богом. Он пречист и далек от того, чтобы у Него был сын. Ему принадлежит то, что на небесах, и то, что на земле. Довольно того, что Аллах является Попечителем и Хранителем» (Коран 4:171). В Коране также упоминается, что у Исы были верные ему сподвижники-апостолы, хотя имена их не называются (Коран, 5:111).

В контексте взаимосвязи ислама и христианства для мусульманских теологов крайне важным является то, что Иса предсказал пророчество Мухаммада (Ахмада): «И вот сказал Иса, сын Марьям: «О, сыны Израиля! Я посланник Аллаха к вам, подтверждающий истинность того, что ниспослано до меня в Торе, и благовествующий о посланнике, который придет после меня, имя которому Ахмад (Мухаммад)» (Коран, 61:6). При этом они ссылаются также на слова самого Иисуса в Евангелии от Иоанна (14:16): «И я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек». Таинственное обещание «прислать Утешителя»

повторяется неоднократно: *«Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать обо Мне»* (Ин. 15:26) и расценивается мусульманскими исследователями Библии именно как предсказание о приходе последнего пророка ко всему человечеству – Мухаммада. Тем не менее, Коран не признает учение Иисуса вселенским. Считается, что превращение христианства в мировую религию связано с деятельностью поздних проповедников, причем особую роль в этом сыграл Павел, усилиями которого ветхозаветная иудейская традиция «Закона и пророков» была весьма своеобразно интерпретирована и пересмотрена. Имеется даже некий текст, обнаруженный в XVIII веке и известный как «евангелие от Варнавы», в котором повествуется о жизни и учении Христа с мусульманских позиций, а «заблуждения Павла» подвергаются жесткой критике. Не далее, как в 1965 году профессор Иерусалимского университета Шломо Пинес нашел – и именно в Стамбуле! - арабский манускрипт, один из фрагментов которого представляет собой древнейший текст, переведенный с арамейского языка. Авторы текста – члены общины назореев в Иерусалиме - подчеркивали, что они всегда оставались верными закону Моисея и почитали Иисуса, но не как Бога, а как иудейского пророка. Они клеймили апостола Павла, как фальсификатора учения Иисуса и ренегата, перешедшего на сторону римлян.

Позиция назореев, пусть и сформулированная в древнем арабском манускрипте, разумеется, не может служить основанием для сомнений в истинности доктрины христианства. В то же время, каждое документальное свидетельство о различных аспектах трансформации христианства в мировую религию является весьма ценным. В этой связи вовсе не праздным оказывается вопрос о происхождении канонических евангелий, ведь самые ранние из имеющихся списков относятся к IV-V векам. Ныне существует обоснованная версия, что все они имели некий общий источник или источники, один из которых условно назвали Q-документом. Он, предположительно, представлял собой не столько интерпретации евангелистов и жизнеописание Сына Божьего, сколько учение самого Иисуса, цитаты из его проповедей. Одно время таковым считали найденное в Кумране апокрифическое евангелие от Фомы, однако официальная церковь решительно отказалась признавать его. В качестве второго первоисточника принято рассматривать евангелие от Марка, которое, очевидно, написано раньше других, и было хорошо знакомо Матфею и Луке. Основанием для такого предположения является тот факт, что в трех документах имеется много общего; кроме того, словарный запас Марка и грамматика греческого языка, на котором написан наидревнейший из найденных вариантов этого евангелия, - самые «бедные» из трех евангелистов. В связи с этим и было выдвинуто предположение, что это Матфей с Лукой «обогащали» первоисточник, а не Марк «обеднял» более лингвистически совершенные тексты. Впрочем, имеется и другая версия – Марк мог быть просто менее образован, чем сборщик податей Левий Матфей или врач Лука, поэтому его словарный запас и оказался более скудным. Так вот, если евангелие от Марка до нас дошло, хотя бы и в варианте IV-V веков, то Q-документ,

если он существовал, ныне безвозвратно утерян, причем произошло это, очевидно, на самом раннем этапе развития христианства.

Все это Анна Николаевна начала подробно рассказывать Трубецкому еще в самолете, а потом по дороге, пока они в жуткой пробке добирались от аэропорта до цели своего путешествия - собора Святой Софии. Этот величественный храм – шедевр гениальных греческих архитекторов, начали строить в IV, а закончили в VI веке. Ныне он напоминает мечеть, окруженную четырьмя минаретами, зданиями медресе и гробниц. Он служит наглядным свидетельством специфического отношения мусульман к христианским святыням: еще в недавнем прошлом их попросту сносили или, в лучшем случае, перестраивали в мечети. Глядя на современный облик Айя-Софии, в голову невольно приходит мысль, что *каждый последующий пророк неминуемо проходит по стопам предыдущего*.

Этот храм сохранил свое величие даже несмотря на более поздние «усовершенствования». Он смущает воображение современников уже четырнадцать веков, поражая не только архитектурой. В нем воплощено само Время. Собор Святой Софии возвышается над городом, как корабль, плывущий сквозь волны небес. Ныне в здание ведет единственный вход – с западной стороны, а ведь когда-то перед центральными воротами, которыми императоры пользовались только по большим праздникам, располагался великолепный, обнесенный колоннадой двор – атрий с восхитительным садом и фонтаном.... Теперь там все застроено похожими на серые грибы зданиями медресе.

Оценить все величие храма, со строительством которого связано много легенд, можно только войдя вовнутрь. Рассказывают, что известь для него разводили на особой ячменной воде, в цемент добавляли масло, а для верхней доски патриаршего престола был создан материал, которого до того не существовало на свете, да и теперь, пожалуй, нет: в расплавленное золото бросали драгоценные камни - рубины, сапфиры, аметисты, жемчуга, топазы, ониксы. Говорят, секреты специального раствора, использованного в строительстве, так и не удалось разгадать, а точность расчетов древних мастеров до сих пор поражает современных архитекторов. Со всей империи свозили мрамор для облицовки стен, лучшие художники выкладывали мозаику.

Следует заметить, что в обычные дни государь попадал в собор по специальному переходу прямо из дворца. Этот переход ведет в Софию с юга, где расположен сводчатый коридор, который называется Вестибюлем воинов: здесь император оставлял меч, здесь же оставалась его охрана. На темном своде вестибюля и ныне видны следы золотой мозаики времен Юстиниана, а над дверью, ведущей дальше в нартекс, имеется хорошо сохранившаяся мозаика X века - Богоматерь с двумя императорами, Константином и Юстинианом: Константин держит модель основанного им города, а Юстиниан - модель Софии.

Из нартекса девять огромных дверей ведут направо, в сам храм. Центральные Императорские двери сделаны, по преданию, из остатков Ноева ковчега; мозаика над ними изображает императора Льва VI Мудрого, на коленях кающегося перед Христом. Пользоваться этими дверями мог только император, соседними - высшие

сановники. По обе стороны дверей имеются глубокие вмятины, протоптанные в мраморных плитах пола ногами стражников, в течение сотен лет стоявших у Императорских дверей.

Мраморные панели стен также в основном остались со времен Юстиниана. Своды же ранее были сплошь покрыты золотой мозаикой, а купол украшен синим крестом на золотом фоне; теперь там начертаны изречения из Корана. Чудесная Богоматерь с Младенцем в полукуполе центральной апсиды относится к IX веку, а шестикрылые серафимы в восточных парусах под куполом - к VI-му. Серафимов турки почему-то пощадили и замазывать штукатуркой, в отличие от всех прочих мозаик, не стали - ограничились тем, что прикрыли им лица медными масками. Лишь недавно лицо одного из серафимов было открыто публике.

С трех сторон подкупольное пространство Софии окружают хоры - галереи, открывающиеся в центр храма арками. Вход наверх - в северном торце нартекса; туда ведет не лестница, а пологий пандус. По этому пандусу императрица могла подниматься в своем паланкине, не испытывая ни малейших неудобств. Государыню сопровождали принцессы и фрейлины: во времена Юстиниана хоры предназначались исключительно для женской половины двора. На самом почетном месте - в центре западной галереи, прямо напротив алтаря стоял трон императрицы. Когда-то хоры сплошь были покрыты мозаиками на золотом фоне, но теперь сохранилось всего несколько изображений. В северной галерее это портрет императора Александра, а в южной - части великолепного мозаичного убранства XI-XII веков. На одном из них, сделанном около 1044 года, склоняются перед престолом Христа императрица Зоя и ее супруг Константин Мономах. В руках августейшая чета держит символы благотворительности: кошель с деньгами и дарственную грамоту. Верхняя часть фигур хорошо сохранилась, хотя безжалостное время и на них оставило свой след.

Еще один императорский портрет, похожий по композиции, изображает Богоматерь с императором Иоанном Комнином, его женой Ириной и сыном Алексеем. Но самая красивая мозаика и вообще одно из самых главных произведений византийского искусства - великолепный деисус: изображение Христа в центре с Богоматерью и Иоанном Крестителем справа и слева от него. Нижняя часть мозаики разрушена, по преданию - крестоносцами, во время захвата Константинополя в 1204 году, но и то, что дошло до наших дней, кажется, превзойти невозможно.

В самом конце галереи открывается вид на купол абсциссы, где мозаичное изображение Богоматери с младенцем Иисусом соседствует с архангелами Михаилом и Гавриилом. Собор богато украшен мраморными колоннами. Это о них Осип Мандельштам написал

*И всем векам - пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила Эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.*

Следы турецкого владычества в интерьере Софии – это, прежде всего, огромные круглые щиты из верблюжьей кожи, подвешенные под куполом. Надписи на них - изречения из Корана, имена первых халифов - как считается, самые крупные образцы арабской каллиграфии. Последняя литургия в Святой Софии началась вечером 28 мая 1453 года и продолжалась всю ночь. Когда на следующий день в храм, выломав двери, ворвались янычары, священник с чашей и дарами в руках чудесным образом скрылся в колонне в северо-западном углу здания... Турки убили всех, кто был в храме, кроме него.

Затаив дыхание, Трубецкой и Анна осматривали галереи второго этажа собора. Ныне трудно даже вообразить, каким шедевром была Айя-София в годы расцвета Византии, если собор и сейчас поражает своим великолепием. Впрочем, просто так любоваться архитектурными композициями было некогда. Предстояло определить, с чего же начать поиски. Надежда была на то, что если древние христианские реликвии хранились в этом соборе, то они не могли исчезнуть просто так: каждый из сохранившихся элементов оформления интерьера мог содержать подсказку об их дальнейшей судьбе. Трубецкой и Шувалова решили тщательно осмотреть остатки мозаик и некогда богатейшей росписи собора, резные капителии колонн с витиеватыми символами на них. Однако все было безрезультатно, пока внимание Сергея Михайловича, как палеографа, не привлекли древние граффити на мраморных балюстрадах верхних галерей. Это были выцарапанные чем-то острым короткие послания, написанные, преимущественно, руническим письмом. В путеводителе по собору по этому поводу было сказано, что их, очевидно, оставили наемники-варяги, которых император привлекал для своей личной охраны. Трубецкой внимательнейшим образом осмотрел эти надписи, среди которых он, действительно, смог разобрать несколько варяжских и греческих имен – мужских и женских, а также множество ничего не значащих слов. От так увлекся, что не обратил внимания на одетого во все черное турка, который, не отрывая взгляда, следил за ним. Наконец, одна из надписей показалась Сергею Михайловичу многообещающей. Она была сделана по-гречески, однако стилизована под руны. Неразличимые для обыденного наблюдателя нюансы начертания букв были очевидными для профессионала. Трубецкой с торжествующим видом подозвал Анну. Турок, который до этого соблюдал дистанцию, подошел к ним на два шага ближе.

- Смотри, - тихо сказал супруге Сергей Михайлович, – видишь эти закорючки? Вот эти, и, правда, руны, а вот тут написано нечто совершенно другое, к тому же по-гречески.

- Не томи, - сердитым шепотом ответила Шувалова, - что там такого важного написано?

- Всего три слова: «Дандоло взял все».

- Это не тот ли Дандоло, могильный камень которого находится тут, на галерее? Она указал рукой в сторону одной из боковых ниш, где в полу была

вмонтирована каменная плита с надписью «дож Венеции Энрико Дандоло» и указаны годы его жизни.

- Я так думаю, тот. Тут и цифры есть. 1204 – это год разграбления Константинополя крестоносцами. И год смерти Дандоло, между прочим.

- Это уже кое-что, - сказала Анна. – Вовсе не исключено, что именно Дандоло был причастен к разграблению реликвий, хранящихся в соборе. Но давай, пойдём дальше.

- Сейчас, только сфотографирую на всякий случай, - Трубецкой стал доставать фотоаппарат. Именно в этот момент рядом с ними вырос турок в черном. Он стал быстро и сердито что-то тараторить по-турецки, указывая то на парапет, то на фотоаппарат. Анна попробовала с ним объясниться, но без особого успеха. Им пришлось спрятать фотоаппарат в сумку, а самим спуститься на первый этаж. Сердитый турок последовал за ними.

Еще с галереи они заметили, что несколько каменных плит на полу храма чуть-чуть отличались от других. Внизу стало ясно, что они недавно были замазаны по краям свежим цементным раствором.

- Я думаю именно здесь и спускались водолазы, - предположила Анна. – Я видела это место на фотографиях в интернете.

- И что ты предлагаешь? Найти способ последовать за ними? – В голосе Трубецкого сквозил сарказм. – Так этот бдительный товарищ, - он слегка кивнул головой в сторону их непрошеного сопровождающего, который не сводил с них глаз, - нас быстро оттуда выловит.

- Нет! Но мы с тобой здесь не на экскурсии. Давай думать вместе. Вот смотри, какая странная штука выходит: София стоит на высоком холме, а ее подземелья оказываются заполненными водой. Недалеко, через дорогу от храма есть древнее подземное водохранилище – цистерны Еребатан. Так уровень воды в них значительно ниже, чем уровень пола здесь, это было отмечено в том отчете, который я тебе цитировала. Кстати, эти цистерны открыты для туристов – надо будет туда сходить.

- Ты хочешь сказать, что вода здесь, под нами – это не случайность и не естественный источник?

- Именно.

- Тогда, - решительно сказал Трубецкой, - ответ на вопрос, откуда, почему и как она туда попала, следует искать не внутри, а снаружи храма. Сейчас мне это стало совершенно очевидным.

Посещение цистерн Еребатан прошло без турецкого сопровождающего – он так же незаметно исчез, как и появился, - и напоминало путешествие во времени. Короткий спуск по влажным ступеням вел от шумной, с грохотом трамвая стамбульской улочки, жары, торговцев и бесконечного потока туристов к тишине, полумраку, прохладе, и слепым рыбам, плавающим в немыслимом количестве в очень мелкой воде.

Трубецкому хватило ровно семи минут, чтобы пройти вдоль и поперек подземного зала, сводчатый потолок которого поддерживался многочисленными колоннами. Затем он тщательно осмотрел стену, где теоретически мог бы быть проход, ведущий в подземелья Айя-Софии. Действительно, в той части стены, которая находилась справа от входа, выделялись две подозрительные арки. В прошлом они вполне могли бы служить частью подземных галерей, но теперь были намертво замурованы. Он оглянулся, чтобы посмотреть, где это застряла Анна Николаевна. Она была рядом, в сувенирной лавке.

- Представляешь, - шепнула Анна Трубецкому, - раньше тут было столько воды, что можно было напоить весь Константинополь!

Она держала в руках маленькую местную брошюрку на ужасном русском языке, где было написано, что это только одна из шести подобных цистерн, построенных византийскими императорами в разные годы для обеспечения потребностей города. Они наполнялись по сложной системе акведуков и водопроводов общей протяженностью в два десятка километров из лесов, расположенных на север от Константинополя. «Интересно, но бесполезно», - так прокомментировал эту информацию Сергей Михайлович.

Они поднялись наверх. По плану Шуваловой, следующим объектом, заслуживающим их внимания, был дворец Топкапы и расположенная в его внешнем дворе церковь Святой Ирины - древнейший из сохранившихся христианских храмов Константинополя. Когда-то она служила резиденцией патриарха, здесь состоялся Второй вселенский собор. Церковь Святой Ирины много раз горела и восстанавливалась, была складом и музеем. В наше время здесь иногда проводят концерты. И еще – в нее ни за что не пускают посетителей.

Это было очень странно. Турки умеют делать деньги из воздуха, однако среди всех привлекательных для туристов христианских объектов Стамбула именно эта церковь на протяжении десятилетий остается закрытой. Все попытки Трубецкого с Анной попасть внутрь были решительно пресечены местным охранником, который, как водится в этой стране, не владел никакими другими языками, кроме турецкого. Он даже деньги взять отказался! При этом он преспокойно пропустил внутрь нескольких турков, но категорически отказался сделать исключение для Трубецкого и Шуваловой. Что-то здесь было не так.

Сергей Михайлович и Анна решили оставить охранника в покое и придумать какой-нибудь план, чтобы все-таки попасть внутрь. Они присели на лавочке неподалеку и стали наблюдать за входом в храм.

- Обрати внимание, - Анна указала Трубецкому на здание церкви, - вокруг нее будто ров выкопан. Я думаю, это потому, что нынешний уровень парка значительно выше ее фундамента при постройке. Ты заметил там внизу несколько дверей? – Сергей Михайлович кивнул головой. - Кроме того, с той стороны, которая обращена к Святой Софии, явно видны какие-то не то развалины, не то раскопки, но туда не подойдешь - забор...

Тем временем очередная группа европейского вида туристов попытались проникнуть в церковь. Им тоже дали от ворот поворот, в то время как еще несколько

одетых в рабочие комбинезоны турков спокойно скрылись за дверями церкви. Но вот наступило время обеда, а это дело святое даже в Турции. Появился сменщик и отпустил уже знакомого Трубецкому с Анной охранника поесть. Это был шанс.

Анна Николаевна сняла заколку, стягивающую ее роскошные каштановые волосы, поправила макияж, расстегнула еще одну пуговичку блузки и, весьма сексуально покачивая бедрами, направилась прямо к будке охраны. Тем временем Сергей Михайлович пошел в обход. Он прокрался вдоль расположенной рядом с церковью казармы жандармов ко входу в храм и замер, ожидая, пока Анна отвлечет сменщика. Выждав пару минут и убедившись, что у них там завязался какой-то разговор, в ходе которого стороны обменивались преимущественно жестами, он тихонько проскользнул в приоткрытые двери церкви.

Перед ним был наклонный пандус без ступеней, который вел вниз, ниже уровня земли. Спустившись по нему, Трубецкой оказался ... в огромном концертном зале. Когда-то стены церкви были, видимо, украшены росписями и мозаиками, но теперь остатки былой роскоши проступали лишь в нескольких местах, а вся остальная поверхность была ободрана до кирпичной кладки. Трубецкой обратил внимание, что в конхе церкви вместо традиционного изображения Богородицы или Спасителя красуется огромный и весьма безвкусный мозаичный крест. Вдруг послышался шум и говор по-турецки. Трубецкой спрятался за колонну. Откуда-то сбоку вышли два турка, одетых в рабочую одежду, и что-то оживленно обсуждая, направились к выходу. Как только они скрылись, Трубецкой кинулся туда, откуда они появились. Он затаил дыхание, когда увидел справа от входа нечто вроде деревянной лестницы, ведущей вглубь основания церкви. Там, внизу, горел свет, и слышалось какое-то движение. Сергей Михайлович осторожно подкрался к тому месту, откуда можно было бы спуститься, как почувствовал чье-то прикосновение. На его правом плече лежала рука, и эта рука была весьма тяжелая. Трубецкой повернулся. Перед ним стояли офицер жандармерии, Анна и охранник.

- Идти со мной, - коротко сказал офицер на ломаном русском, убрав руку с плеча Трубецкого.

Сергей Михайлович повиновался. Анна смотрела на него с виноватым видом и молчала.

Вопреки ожиданиям, с ними обошлись весьма корректно. Сергея Михайловича и Шувалову провели в кабинет местного начальника, предложили присесть и выпить чаю. Вошел еще один офицер, невысокого роста, лысый, упитанный, и весьма домашнего вида. Однако все остальные в его присутствии вытянулись по стойке «мирно».

«Стало быть, это и есть их начальник», - подумал Трубецкой. Тот сел, снял фуражку и внимательно посмотрел сначала на Анну – долгим оценивающим взглядом, потом – на Трубецкого, весьма коротко и равнодушно.

- Сейчас я попробую рассказать вам вашу историю, - сказал он, теперь через переводчика. – Вы из России, историки или археологи, вдохновились видом Айя-Софии и решили продолжить ваши исследования уже здесь. Так?

Анна кивнула головой прежде, чем Трубецкой успел среагировать.

- Вы прекрасно осведомлены, – сказала она. – А как вы догадались, откуда мы?

- О, здесь все очень просто, никакой магии. Во-первых, такие красивые женщины, как вы, приезжают преимущественно из России, а во-вторых, в церковь Святой Ирины без разрешения пытаются проникнуть только русские туристы. Всем остальным скажешь, что нельзя – и все, а вот русским этого недостаточно. Нам даже пришлось завести специальную охрану и переводчика.

- Это и не удивительно, - вступил в разговор Трубецкой. - Почему же вы просто не откроете для публики этот древнейший христианский храм?

- Это здание IV века. Оно находится в руках археологов, там идут раскопки и пока они не завершатся, здесь будут проводить только отдельные мероприятия, концерты, например.

- Хорошо, - произнесла Анна миролюбиво, - мы понимаем. Но, в таком случае, что же нам делать? У нас с мужем – она кивнула на Сергея Михайловича, - проект по изучению Айя-Софии, а там нашли подземные галереи, которые ведут куда-то в этом направлении, да они еще и водой заполнены. Как же мы можем вернуться домой без ответа на вопрос – что это за галереи, откуда там вода и куда ведут подземные ходы?

Жандарм пожал плечами и вздохнул.

- Я так и думал, - сказал он. – Это все публикации в газетах и телевидение. Журналисты любят сенсации. Так вот, могу вам сказать совершенно точно: под Айя-Софией никаких значительных пустот нет. То, что нашли – это несколько мест захоронения средневековых настоятелей собора, соединенные галереями, а вода там - дождевая. Просто после серии землетрясений в фундаменте Айя-Софии образовались трещины, вот вода за многие годы и накопилась. Вы лучше сходите в храм еще раз, посмотрите – на галерее особенно хорошо видно, что стены Айя-Софии сильно смещены, их даже пришлось укреплять.

- Но ведь были открыты тоннели, которые ведут в Топкапы?

- Топкапы – прекрасный музей, - жандарм говорил сухо, без эмоций, - очень советую вам его посетить. Но, увы, что касается подземелий, то с этим во дворце не сложилось. У султанов не было необходимости иметь подземелья в тех местах, где они жили. Единственное из известных мне подземных устройств – это специальные каналы, по которым тела неугодных наложниц спускали прямо из гарема в Босфор.

Он плотоядно щелкнул языком.

- Спасибо, - решительно сказала Анна и встала. – Это нам не понадобится. Мы можем идти?

- Разумеется, - офицер закурил и откинулся в кресле. – Но больше не попадайтесь.

Глава 11. Мощи Андрея Первозванного

Ночь выдалась душной и темной. Собственно, тем летом жаркие ночи были не в редкость, а тут еще и луна куда-то подевалась. Регул вошел в церковь, осторожно

прикрыл за собой двери и лишь тогда зажег масляную лампу: никто не должен был его видеть. Он прислушался к тишине ночи. Кажется, все спокойно. Внутри церкви было прохладнее, чем снаружи – это замечательное свойство ракушечника сделало его незаменимым строительным материалом в тех местах. Регул прошел за алтарь, стал на колени и нащупал правой рукой потайной камень под престолом, нажатие на который открывало скрытый вход в подземный склеп. Он был устроен прямо в скале, на которой стояла церковь. Регул спустился по ступеням вниз. Там он достал ключи, отпер железную решетку, затем – тяжелую деревянную дверь, прошел в склеп и прикрыл дверь изнутри. Лампу, чтобы освободить руки, пришлось повесить на встроенный в стену крюк.

Со вчерашнего дня, после прибытия отряда Артемия из Константинополя с приказом императора Констанция II перенести мощи апостола Андрея в новую столицу империи, Регул не находил себе места. В течение много лет он один был приобщен к тайне мощей и свято оберегал покой праха Андрея Первозванного, погибшего здесь, в Патрах, почти три века тому назад. Отдать мощи великого святого по прихоти Византийского монарха, да еще еретика-арианца?! Это было выше его сил.

Регул опустил на колени у саркофага и сложил руки на груди. Все, о чем он молил своего покровителя – о прощении. Ему предстояло согрешить, причем не просто потревожить прах умершего, но осуществить нечто, граничащее со святотатством. Впрочем, выбора у него не было. Укрепившись духом, Регул уперся руками и, собрав все имеющиеся силы, немного сдвинул набок крышку каменного гроба. Затем он достал из принесенной с собой сумки и сложил на пол человеческий череп, части костей правой руки и ступней ног, а также несколько ребер, принадлежавших одному из давно умерших горожан, при жизни весьма достойному человеку. Саркофаг был довольно глубок. Едва дотягиваясь до останков святого, эти же части скелета он изъясил из саркофага и сложил в сумку, а принесенные с собой мощи поместил в саркофаг на место изъятых. Регул делал все очень тщательно: ведь Артемий не пощадит ни его, ни церковь, если подмена будет обнаружена. Язычники, лишь недавно обращенные в христианство – вовсе не истинные христиане... Закончив с мощами, Регул поправил сохранившиеся от тлена останки убранства святого апостола, затем снял с крюка лампу, чтобы подсветить и напоследок убедиться в отсутствии следов подмены. Именно тогда, в тусклом, слегка мерцающем свете лампы он разглядел лежащую рядом с останками под дальней стенкой саркофага полуистлевшую полотняную сумку, из которой выглядывал – может ли это быть? – потемневший от времени манускрипт. Впрочем, Регул не был в этом уверен – лампа подрагивала в его высоко поднятой руке, создавая множество лишних теней. Он попробовал было отодвинуть крышку чуть дальше, но не смог. Огромный каменный гроб стоял вдоль стены склепа, крышка уперлась в камень, а протиснуться в узкую щель с другой стороны тоже не было никакой возможности. Пока Регул суетился вокруг саркофага, снаружи послышался громкий скрежет. Холодный пот, вмиг покрывший все тело монаха, заставил его тут же забыть о находке. Скрежет, будто кто-то царапал о камень огромным когтем,

повторился. Вернуть крышку саркофага на место заняло несколько минут. Будучи в страхе, он несколько раз замирал и прислушивался, но скрежет больше не был слышен. Тем не менее, Регул решил, что ему следует поторопиться. Он выскользнул из склепа и прикрыл за собой двери и решетку, которые завтра утром вскроют солдаты Артемия. Чтобы найти саркофаг, они взломают, если нужно, не только все эти двери, но и каменный пол... Но Регул этого не допустит – он сам покажет им место захоронения: пусть хоть храм останется нетронутым.

Он вернулся в свою келью, обустроенную неподалеку от церкви. Посланник Рима ждал его там.

- Удалось ли тебе осуществить задуманное? – спросил он.

- Да, - ответил Регул, указывая на сумку с мощами и все еще дрожа, - но ведь это грех и святотатство....

- Грех мы тебе отмолим, - деловито сообщил римлянин. – На то есть благословение самого епископа.

- Что мне делать дальше? – смиренно спросил его Регул.

- Часть мощей я возьму с собой, а все остальное следует схоронить как можно дальше от Константинополя. Сложи все в реликварий, поезжай на западную границу империи – там есть острова, населенные племенами пиктов и скоттов. Стань частью тех народов, сохрани реликвии и веру, а со временем, как только все образуется, святые мощи с Божьей помощью воссоединятся в Риме. Когда настанет час, мы дадим тебе знать. Да поможет тебе Бог!

Увы, неизвестно, принял ли Господь молитву римского епископа за отпущение грехов монаху Регулу, но корабль, на котором он отправился к северным морям, попал у Британских островов в страшный шторм. Из нескольких человек, которые спаслись и сумели добраться до неприветливого каменистого берега, пикты убили всех, кроме Регула. Человек с длинными волосами и бородой, в странной черной одежде до пят и с горящими глазами удивил их тем, что ни в море, ни на суше не выпускал из рук стеклянный, обрамленный железом ларец, в котором лежали человеческие останки. Они сочли его колдуном и оставили в живых, хотя в деревню жить не пустили.

* * *

- Ольга! - пробежал по толпе восторженный шум.

- Княгиня русов! Сама! - вторили первым рядам голоса в людском море, заполнившим в солнечный осенний день 9 сентября 957 года от Рождества Христова площадь перед собором Святой Софии.

Царьград встречал посольство великой и далекой страны, которую, как уже всем было известно в Византии, населяли мужественные и бесстрашные воины. Слава о сыне Ольги – Святославе гремела по Великой Степи. Не раз подходил он и к воротам столицы империи, угрожая ее спокойствию. Еще со времен Олега греки научились уважать северного соседа. Не было более смелых и сильных воинов во всей Скифии.

Ольга – наследница викингов и мудрая правительница Руси была желанной гостьей в Царьграде. Высокая, статная, русоволосая, в белом вышитом платье и в синем с золотом княжеском плаще она вышла из ворот храма Святой Софии исполненная достоинства и опираясь на руку самого императора Константина Багрянородного. Ее запястья украшали изумительной красоты золотые браслеты с красным янтарем, голову венчала корона-стемма, а на груди приковывал взоры массивный золотой с драгоценными камнями крест – подарок самого патриарха Полиевкта по случаю принятия Ольгой веры Христовой. При дворе императора главным вопросом дворцовых сплетен теперь было: а не приведет ли этот духовный союз к прямому родству трона Македонского с Киевом?

Впрочем, при всем оказанном Ольге почете не стоило забывать, что в ту пору Русь только складывалась, как государство. Разрозненные племена объединялись вокруг Киева - где через родство княжеских домов, где через мирные соглашения, а временами - и через прямой захват земель и войны. Викинги, принесшие славянским народам само слово – русь, а с ним и культ воина, дух дружинного братства и военное искусство, постепенно стали их частью. Ныне сильная центральная власть, хорошо обученное войско, выгодные транспортные пути и богатые земли составляли основу государственности и могущества Киевской Руси.

Константин хорошо понимал значение крепнущего северного соседа и потому принимал Ольгу как равную. Он твердо решил положить конец вражде с Русью. В памяти Византии еще были свежи походы киевского князя Олега, которые доставляли империи немало хлопот и тревог. Таких воинов лучше иметь в союзниках, чем во врагах. Константин также надеялся, что христианская Русь станет рядом с Византией в ее вечном противостоянии с басурманами. Да и Ольга была хороша, в самом расцвете женской красоты... Государственные дела и похоть часто идут рука об руку и императоры вовсе не были исключением из этого правила. Вот и Багрянородному пришла в голову мысль сделать ее одной из своих жен. В честь княгини и ее посольства в знаменитой палате Магнавре был созван пир, на котором Ольгу усадили на почетное место рядом с членами семьи василевса.

- Давай породним два наших государства, будь мне женой и спутницей, - сказал он ей во время праздничного пира. И подумать не мог император, что его слову может быть отказ.

- Родство с Византией - честь для Руси, - ответила Ольга. - Но ведь не далее, как сегодня утром ты стал мне крещеным отцом, а каноны христианской церкви не позволяют тогда союз мирской. Так что мы будем родственны, как ты и хочешь, но в вере нашей!

Константин был безмерно удивлен хитрости Ольги. А ведь и правда, сразу по прибытию в Византию она сама попросила василевса стать ее крестным отцом! Теперь он оценил мудрость гостьи. Не знал император, что еще за год до того, как самой прибыть в Константинополь, не один и не два княжеских посланника тайно посещали столицу Византии, выведывая и выпрашивая о местных обычаях и церковных правилах.

- Быстра ты умом и хитра, но так тому и быть, - отвечал император с улыбкой.
- А за веру и дружбу твою хочу сделать тебе подарок. Пойдем со мной.

Они удалились из залы для пиршеств в личные покои императора, а там – в потайную комнату, вход в которую знал только сам василевс.

- Мало кто слышал у вас на Руси, что слово Христово принес на берега Борисфена один из учеников Господа по имени Андрей, по прозвищу Первозванный, - сказал Константин. - Великий подвиг совершил сей святой апостол, путешествуя по свету с проповедью Евангелия, пока не нашел в Патрах, что на Пелопонессе, свою погибель от рук язычников. Так вот, одной из святынь, что хранит Византия, есть древняя рукопись, найденная в саркофаге, где покоились его останки. Говорят, что рукопись эта – не что иное, как Святое Евангелие, записанное рукой Андрея со слов самого Спасителя. В ней также имеются свидетельства о деяниях святого апостола и упоминается, что он был на горах киевских задолго до того, как на них стал Киев. Великое будущее предсказал апостол Андрей твоей земле. Так что неразрывно судьба Руси связана с его именем. Поэтому, в знак дружбы и братства по вере, дарую тебе копию этой рукописи, переписанную по-гречески святыми старцами с горы Афон.

Константин хлопнул в ладоши и в комнату вошел монах в черной до пят сутане. В руках он держал ковчег из чистого золота.

- Возьми этот ковчег, он хранит рукопись. Она – основа истинной веры Христовой, ключ к духовному могуществу Руси Киевской и знак нашего братства.

- Благодарю тебя, василевс, за бесценный подарок! Обещаю тебе, что Андрея Русь будет чтить вечно! – отвечала Ольга, принимая ковчег в свои руки.

- Это не все, - продолжал Константин. – Святой Андрей принял смерть мученическую в городе Патры. Но его останки, а они обладают чудодейственной силой, уже шесть веков хранятся здесь, в Константинополе. Так вот, возьми с собой в Киев этот ларец с частичками его мощей – они нетленны и чудодейственны. И пусть Дух Святой, что витает над этими мощами, оберегает Русь от недругов.

И снова Константин хлопнул в ладоши и тот же монах внес небольшой прозрачный ларец - реликварий, в котором, убранные в сверкающее серебро, лежали части мощей святого апостола.

Ольга приняла ларец, поклонилась ему и сказала:

- Дары твои поистине великие, как от отца - дочери. Но чем же я могу отблагодарить тебя?

- Видишь ли, - ответил на это Константин, понизив голос, - уже более шести сотен лет от правителя к правителю Византии передается пророческий сон основателя этого города императора Константина Флавия, тайный смысл которого мы разгадать не можем и поныне. Однажды было ему видение, как в пустыне при свете двух лун бьются змей и орел. Сначала орел схватил когтями змея и поднял в воздух, но тот обвил орла своим телом, поборол и они упали на землю. Долго бились орел и змей, пока орел не одолел противника. Но когда сам захотел взлететь, то у него оказались поломаны крылья... А затем земля под ними раскололась надвое и поглотила всех.

Лучшие книжники и мудрецы пытались толковать этот сон, предвещающий – каждый на свой лад – то славу, то горе Константинополю. Но вот однажды ко мне привели одного святого человека – александрийского монаха, он был очень стар. Он выслушал меня и сказал, что сон этот предсказывает будущий раскол веры Христовой, беды и падение Византии. И еще он сказал, что сила империи – в укреплении и распространении веры, утверждения ее далеко за нашими пределами. С тех пор, если где-то в честь Господа воздвигается храм, мы посылаем частичку святых мощей, чтобы апостол Андрей, покровитель наш и защитник, распространил свою благодать и на те земли. Обещай мне – в знак дружбы и уважения, духовного родства Византии с Русью, что и в Киеве будет построен храм Святой Софии!

- Так тому и быть, - отвечала Ольга, и она сдержала свое слово. По возвращению в Киев велела княгиня пригласить в столицу греческих мастеров и построить храм Святой Софии, где положила святые мощи и поместила ковчег с рукописью слова Божьего. А для того, чтобы вера Христова прижилась на Руси, призвала она лучших людей и велела учиться греческой грамоте...

Глава 12. Встреча в Ершалаиме

Маленький человек, однажды днем вошедший в Ершалаим через Мусорные ворота, ничем особенным из толпы прохожих не выделялся. Запыленный, подпоясанный веревкой хитон, сбитые сандалии, обветренное загорелое лицо с неухоженной бородой, жилистые руки и твердая походка выдавали в нем человека, привыкшего к лишениям и пешим переходам. Он выглядел значительно старше своих тридцати лет, однако складывалось впечатление, что ему это было совершенно безразлично. У него был недобрый, колючий взгляд, а несколько шрамов на руках и голове свидетельствовали о частых столкновениях с действительностью. Миновав городские стены, человек направился к базарной площади, где нашел подходящее место, чтобы выпить воды и передохнуть. Порывшись на дне котомки, он отыскал несколько мелких монет, которых вполне хватило и на воду, и на кусок пресной лепешки. Так, тщательно пережевывая хлеб и попивая маленькими глотками воду, он просидел несколько часов, не спуская пристального взгляда с торговых рядов.

Если бы за маленьким человеком кто-нибудь наблюдал, он бы заметил, как тот напрягся, когда на базаре появилась группа из нескольких опрятно одетых мужчин и женщин, которые сообща закупили какую-то снедь, постепенно загружая ее в стоящую неподалеку повозку. Эти люди чем-то неуловимо отличались от всех остальных. Было ясно, что они не родственники, хотя с видимым удовольствием помогали друг другу и были необыкновенно приветливы. Павел – а это был он – легко выделил этих людей из толпы. Три года в аравийской пустыне, проведенные в постижении духовных истин, не прошли зря. Именно там, где жил праотец Авраам, а Моисей получил скрижали Завета, в уединении, медленно, с Божьей помощью он день за днем вспоминал события своей прежней жизни и постигал мудрость нового учения, которому отныне призван был служить. Именно там к

нему пришло осознание, что он был наказан за совершенные проступки вполне справедливо. Однако в глубинах его души раскаяние о тех, кого предал он, легко уживалось с ожесточением по отношению к тем, кто предал его. Прежде всего, презрения были достойны женщины и иудейские ревнители Закона. Открыто ненавидеть римлян он все же побаивался.

Вся эта гремучая смесь воспоминаний и надежд была щедро замешана на христианском мировоззрении, почерпнутом им из устных рассказов сирийских христиан и выкраденного у первосвященника пергамента, каждое слово которого буквально отпечаталось в его сознании. Пусть он никогда не видел и не слышал Христа, но отличное образование, искренность убеждений и сила его веры не подлежали сомнению. Три года Павел потратил на то, чтобы сотворить из всего узанного собственное учение – ну не зря же Гамалиель числил его среди лучших учеников, и теперь настало время для вселенской проповеди этого учения.

Группа людей, с которых Павел не сводил глаз, разделилась. Трое – двое мужчин и женщина – вместе с повозкой, запряженной осликом, отправились в направлении городских ворот, а еще один мужчина, смешавшись с толпой, покинул базарную площадь и свернул на одну из ничем не приметных улочек. Павел последовал за ним. Он вовсе не забыл свои навыки бесшумного наблюдателя, наоборот: с его нынешней внешностью шанс быть узанным или задержанным римским патрулем был крайне невелик, что упрощало задачу.

Так они дошли до одного из неприметных домов неподалеку от площади перед Храмом. Человек постучал, двери приоткрылись, и он прошел внутрь. Павел спрятался за поворотом дороги на безопасном расстоянии; однако на всякий случай он заметил и путь от базара, и дом, в который вошел этот человек. Вдруг послышался шум, крики, дверь дома распахнулась и человек, только что вошедший внутрь, выскочил на улицу и кинулся бежать. За ним из дому выбежали римские солдаты. Человек бежал по улице в направлении Павла. Нужно было действовать. Когда человек поравнялся с Павлом, тот крикнул: «Сюда!», и через мгновение они уже вместе мчались по боковой улочке, которая петляла среди глухих стен глиняных ершалаимских домов. Вдруг Павел заметил в одной из стен едва прикрытый камнями лаз. «Сюда!» – снова крикнул он, помог протиснуться в лаз сначала незнакомцу, а затем нырнул туда сам. Страх сделал их тела необыкновенно ловкими, и все произошло в считанные секунды. Они спрятались в тени растущих за стеной деревьев. Павел оглянулся на дом в глубине сада. Место показалось ему знакомым. «Не может быть!» – подумал он. Это был тот самый сад и тот самый дом. Дом Эстер. Только теперь он был заброшен. Очевидно, в нем давно никто не жил.

Тем временем погоня проскочила мимо. Они хорошо слышали, как громко ругались солдаты и звенели их мечи и доспехи. Со щитом и копьем не очень-то побегаешь по ершалаимскому зною. Затем все стихло.

- Кто ты, добрый человек? – спросил незнакомец Павла, когда напряжение чуть-чуть спало. – Спасибо тебе. Ты спас мне жизнь.

- Меня зовут Павел, - ответил тот, - и тебе не за что меня благодарить. Мы - братья во Христе, и помочь тебе – радость для меня.

- Хвала Спасителю, - произнес мужчина и обнял Павла за плечи. – Меня зовут Варнава. Откуда ты?

- Я из Дамаска, ходил там с благой вестью среди язычников и принес привет от наших братьев в Антиохии.

- Рад слышать, что братья в Сирии здравствуют.... Но пойдем, нам лучше выбраться из города, пока не закрыли ворота – иногда римляне устраивают облавы, и тогда нам не сдобровать.

Они выбрались на улицу и, стараясь не привлекать внимания, беспрепятственно покинули город через Дамасские ворота. За крепостными стенами было спокойнее и безопаснее. По дороге Варнава рассказал, что в том доме, где его чуть не схватили, жила семья христиан, недавно обращенных из иудеев. Его попросили прийти, чтобы помочь молитвой якобы умирающему главе семейства. Однако тот оказался жив и вполне прекрасно себя чувствовал, а вот в доме Варнаву ждали римские солдаты. Это было обыкновенное предательство, ловушка. Лишь чудом ему удалось выскочить на улицу и так спастись.

Павел слушал его рассказ и усмехался про себя, ибо очень хорошо знал этого человека. Раньше его звали Иосия, и был он иудей из левитов, родом с Кипра, из очень богатой семьи. Очевидно, Варнавой – «сыном утешения» - он стал, когда принял христианство. Когда еще Павел был Савлом, они несколько раз встречались и в Храме, и у рава Гамалиеля, но потом их дороги разошлись. И вот, такая встреча! Варнава его не узнал, и это было замечательно.

Вскоре они миновали долину Цурим, обогнули с западной стороны гору Скопус и вышли к небольшому селению, в котором было всего несколько построек. Неподалеку отсюда, за Масленичной горой, когда-то давно Савл выслеживал Левия Матвея и Симона-Петра. С тех пор прошли не годы – вечность.

- Мы пришли, - сказал Варнава.

Они зашли в самый большой из домов. Там вкусно пахло свежим хлебом. Приветливая женщина налила им молока и дала по большому куску пресной лепешки - питы со свежим козьим сыром. Павел поблагодарил ее за угощение, и, перекусив, они с Варнавой прошли дальше, в большую комнату, где на циновках по кругу расположилось несколько мужчин. Поначалу на вошедших никто не обратил внимания, поскольку спор был в самом разгаре.

- Но ведь ты сам вспомни, Петр, - говорил один из них, - когда мы спросили Иешуа, полезно ли обрезание или нет, что Он ответил? Что если бы Творцу было угодно обрезание, Он бы нас такими и создал! Ибо обрезание, как знак завета между Богом и человеком, полезно не телесное, но духовное!

- Я не могу с тобой согласиться, Иаков, - отвечал ему крепко сбитый, с копной жестких курчавых волос и мозолистыми руками Петр. – Сын Человеческий в Его земной жизни был одним из нас, и был обрезан по Закону Моисееву на восьмой день, и Он сам говорил, что пришел не нарушить Закон и пророков, но исполнить. Как же можем мы принять другое установление для язычников?

Тут кто-то из сидящих обратил внимание на вошедших Варнаву и Павла.

- Слава Создателю, брат Варнава, ты вернулся!

Варнава коротко рассказал присутствующим о произошедших с ним событиях.

- Это Павел, - представил он своего спасителя, - наш брат из Дамаска. Он спас мне жизнь. Я едва не попал в засаду, устроенную в доме Мирана. Старик жив и здоров, проданся римлянам, наверное.

- Добро пожаловать, - приветливо произнес тот, которого присутствующие называли Иаковом. Он встал и подошел к Павлу. – Прошу тебя, - Иаков жестом пригласил вновь прибывшего пройти в дом, - присядь и расскажи нам, как живут наши братья в Антиохии.

Павел, конечно, мог рассказать им и об этом, но прежде всего ему было важно рассказать о себе. Вот только всю ли правду говорить – это была серьезная моральная проблема. Однако об этом он успел подумать заранее. Конечно, преступить заповедь «не лги», которую проповедовал Христос, было непросто, но ради благого дела... «Достаточно будет рассказать им лишь то, что им следует знать, и не лжесвидетельствовать о других, - решил он про себя, - а там посмотрим. На все воля Господа...».

История о скромном иудее из Тарса, который прибыл в Дамаск, чтобы учиться в синагогах, но был поражен неведомой болезнью, ослеп, а затем чудесным образом, лишь по воле Творца, исцелен, произвела сильное впечатление на присутствующих. Павел помянул и имя Анании, который его признал, и дом на кривой улочке близ дамасских ворот Сатурна, где он встречался с местной общиной. Но им незачем было знать, во всяком случае, до поры до времени, что он - нынешний Павел - и грозный гонитель христиан Савл в прошлом - одно и то же лицо. «Ныне чист я от крови всех, - думал про себя Павел-Савл, - аравийская пустыня смыла ее».

- А еще братья, - он решил использовать свой шанс до конца, - хочу сказать вам, что встретил я в своих скитаниях человека, который – в теле ли - не знаю, вне тела ли – не знаю - был восхищен Господом до третьего неба и слышал там слова Творца неизреченные, но мне через Духа Святого переданные, так их и человеку-то сказать нельзя, а только службой своей во имя Христа исполненными быть... Было это в Аравийской пустыне. Через того человека я и принял крещение – не от епископа, но от Духа Святого.

Неспешный разговор продолжался за полночь, и Павел остался ночевать в доме Петра. На следующее утро, после молитвы и нехитрой еды, Петр предложил Павлу вместе сходить за хворостом. Там и состоялся их разговор с глазу-на-глаз.

- Сразу видно, - сказал ему Петр, - что ты – человек образованный и в вере крепко наставлен. Но у нас тут, в Ершалаиме, мы с Иаковом Праведным – братом Господним - вполне с делами справляемся. Думаю, тебе стоит вернуться в Сирию и там, среди язычников и прозелитов, продолжить проповедь во имя Иисуса Христа. Так поступили и Левий Матфей, и Марк Стада, сын Мириам, и многие из тех, кто знал Учителя лично....

- Да, пребывая в Дамаске, - добавил он осторожно, пристально взглянув на Павла, - будь осмотрителен. Там, насколько нам известно, такой себе Савл обретался, из фарисеев, к тому же – римский угодник. Не слыхал ли ты о нем?

На лице Павла не дрогнул ни один мускул. Он отрицательно покачал головой.

- Ну, и слава Богу, - вздохнул Петр. – Знаменит был тот Савл гонениями на братьев и сестер наших во Христе. Множество народу погубил, лихоимец. Тут как-то гостил у нас один торговец, из обращенных, так он говорил, будто сам Понтий Пилат – да не будет этому извергу нигде и никогда покоя, ни в этом мире, ни в том – направил этого Савла к проконсулу Виттелию в Дамаск... Рассказывал, что сам был в том караване, с которым Савл в Сирию отправился, и был свидетелем, как того среди бела дня будто молния сразила – упал с верблюда, недвижим стал, как каменный, пена изо рта шла... Все решили, что он умер, и оставили на попечение пастухам. С тех пор мы про Савла ничего не слыхали, и жив ли он или нет – точно не знаем.

Павел был не возмутим. Письмо Пилата Виттелию Лукас должен был сжечь, а без него никто ничего доказать не сможет. Да и доказывать-то было нечего – свои прежние грехи Павел-Савл искупил.

- Нет, мне об этом ничего не известно, - произнес Павел нарочито спокойно. - А что Понтий Пилат? - спросил он, чтобы сменить тему.

- Пилат, точно, уже почил навеки, - ответил Петр. – Его Тиберий призвал в Рим, где он бесславно и скончался.

Павел понимающе кивнул головой.

- Спасибо тебе за предупреждение, - сказал он. – Я буду осторожен и осмотрителен. Для меня великая честь быть братом вашим меньшим и служить там, где Господу будет угодно. Я отправлюсь в Дамаск и Антиохию, как ты хочешь. Буду нести слово новой истины, блажую весть об Иисусе Христе тамошним народам пока сил моих хватит.

Они набрали достаточно хвороста и принесли его в селение. Женщины снабдили Павла свежими лепешками и бурдюком с водой на дорогу. Петр и Иаков вышли его проводить.

- Да пребудет с тобой сила Господня и его воля! – сказал ему на прощание Петр.

- Ты всегда желанный гость в Ершалаиме, - произнес Иаков, - пусть дорога твоя будет легкой, и да укрепит тебя Спаситель на служение!

Павел же молча поклонился им и ушел себе. Варнава вызвался его немного проводить и вскоре они пропали из виду за холмом. Петр и Иаков вернулись в дом.

- Не думаешь ли ты, брат Иаков, что мы совершаем ошибку, доверяя служение людям, о твердости учения которых мы ничего не знаем? – спросил его Петр, утоляя жажду после утренних трудов.

- Ты прав, Петр... Нам, и правда, нужно научиться определять, кто истинно в Господнем учении крепок, а кто так, подвизается по недомыслию или, еще чего хуже, со злобными намерениями. И тот единственный пергамент, который у нас

есть, переписанный Марком от Левия Матфея – слабое подспорье... А как там дела у Андрея? Его работа движется? Сходил бы ты к нему.

- Он сейчас в Капернауме. Ты прав, пойду к нему, узнаю, как дела обстоят, что-то давно мы не виделись, - решил Петр. – Да и семью навестить пора.

Сборы были недолгими, ведь дорога домой, а Петр был родом из Вифсаиды, что в Галилее, всегда легка. Знал бы Петр, что видит брата Господнего в последний раз – никогда бы не пошел. Ибо всего через несколько дней по приказу царя Ирода Агриппы Иаков Праведный был схвачен, спешно осужден и казнен - сброшен с храмовой башни. Варнава похоронил его, оплакивая, и с удвоенной силой стал служить делу, на которое призван был. Ибо никакие ироды и никакие преследования уже не могли остановить сияние светоча Истины, взошедшего раз и навеки над миром.

Глава 13. Монастырь Испытания

Суровая и скалистая гора Испытания на краю Иудейской пустыни видна издали: она как бы нависает над Иерихоном и долиной реки Иордан. Здесь все дышит историей. Один из древнейших городов мира дал жизнь библейской легенде и с тех пор, будто испугавшись собственной смелости, затаился; река же и поныне питает все живое, что есть в окрестностях горы. С ее обветренных вершин открывается великолепный вид на зеленые оазисы, простирающиеся вдаль, от Иерихона к Мертвому морю. Гора Испытаний носит также название Jebel Quruntul – гора Каранталь - это арабская версия латинского названия Mons Quarantana — гора Сорока дней. По преданию, именно здесь пребывал Иисус после принятия им крещения от Иоанна Крестителя в реке Иордан. Гора эта упоминается в Евангелие от Матфея, где апостол описывает испытание Христа: «...*Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи...*» (Мф. 4: 8-10).

Прямо на отвесном склоне горы непостижимым образом приютились стены зданий греческого православного монастыря Испытания, построенного на месте ранней христианской часовни. Все внутренние помещения обители вырублены в скале, а в пещере, где, по преданию, сорок дней постился Иисус Христос во время своего пребывания в пустыне, устроена небольшая церковь. Престол этой церкви расположен над камнем, на котором молился сам Господь.

Еще в 340 году преподобный Харитон Исповедник основал в этом месте скит, но он был разрушен персами. Впоследствии монастырь многократно разрушался и восстанавливался, последний раз – в конце XIX века, на деньги Российской империи. В период расцвета палестинского монашества гора Каранталь представляла собой, как писал один православный священник, «подобие большого улья, в котором любители безмолвия не переставали с опасностью для собственной жизни вырабатывать духовный мед, упражняясь в священном трезвении и

непрестанной молитве». Когда-то существовала традиция коптских и абиссинских монахов проводить в пещерах монастыря Четырехдесятницу. Они удалялись сюда из Иерусалима через неделю после праздника Богоявления и возвращались в Святой Город в Пальмовое воскресенье, придерживаясь в это время сурового поста. Одежда их состояла обычно лишь из рубахи и ватного одеяла, в которое они кутались, как в плащ, от ночного холода. В настоящее время единственным насельником монастыря является греческий монах.

Именно он отворил двери обители Николасу после того, как тот с полчаса непрерывно колотил медным кольцом о дверную плату. Вначале монах решил, что Николас – просто один из тех немногочисленных паломников, которые смогли добраться до монастыря через все препоны и израильские блокпосты, однако вскоре выяснилось, что это не так. Когда Николас объяснил ему цель своего визита в монастырь, монах сопроводил гостя в часовню Искушения и там оставил, пообещав прийти в конце дня, чтобы показать келью, где тот сможет остановиться.

Ибо Николас открыто сказал ему, что пришел в этот монастырь не ради праздного любопытства, но чтобы постигнуть Истину. Он оценил совет профессора Руджери провести некоторое время в уединении в святом месте, ибо понял, что настало время говорить с Господом напрямую, без посредников, устроить такой себе tête-à-tête со Всевышним. А какое место ближе всего к Богу? Земля Обетованная. А что может быть лучше, чем практически недоступный для праздных посетителей монастырь Искушения возле Иерихона? Самая подходящая обстановка для концентрации духовных сил. Ведь искушение – мать всех пороков, инструмент дьявола, которым он испытывает праведников. Все, что Николас взял с собой – это томик Нового Завета. Он решил снова перечитать его весь, от начала и до конца, в покое и уединении, переосмыслить прочитанное и тем самым установить предел собственной веры или устранить его.

Последующие сорок дней и ночей Николас провел в монастыре. Никем и ничем не потревоженный, он читал, постигая глубину Божьего слова: *«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»* (Мф. 7:13-14). *«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас»* (Ин. 15:12). *«Больший из вас, да будет вам слуга; ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится»* (Мф. 23:11-12). И вот, он дошел до посланий святых апостолов. Это было просто невероятно. Теперь, вместо полных смысла и глубины слов Сына Человеческого он ясно видел перед собой какие-то служебные инструкции, далекие и по форме, и по содержанию от учения Иисуса Христа. Осознание несоответствия евангелий и некоторых апостольских посланий принесло в его душу тревогу. Николас попробовал было обсудить этот вопрос с монахом, но тот лишь испуганно перекрестился и сказал: *«Не богохульствуй!»*. На пути к познанию истины Нику оставалось надеяться только на самого себя или на случай, и он не заставил себя ждать.

Однажды в монастыре появилась пожилая женщина – паломница. Николас узнал об этом случайно, придя с утра в часовню, чтобы продолжить свои занятия. Она тихонько сидела на лавочке сбоку от алтаря и даже не ответила на его приветствие. Ее глаза были закрыты. Николас решил не обращать на нее внимания, однако через некоторое время женщина сама окликнула его.

- Вы не могли бы дать мне воды? – вдруг произнесла она приятным глубоким голосом.

- Простите? – Николас от неожиданности вздрогнул. Он был столь глубоко погружен в свои размышления, что любой посторонний звук воспринимал очень остро.

- Воды, - повторила она. – Я вам покажу. Она встала, но ее глаза были по-прежнему закрыты.

- Помогите мне, - попросила она. – Я не вижу.

Николас подошел к ней и взял под руку. Женщина, как была, с закрытыми глазами, весьма уверенно повела его по каким-то монастырским закоулкам, и привела к вырубленному в камне колодцу, возле которого стоял чайник с привязанной к нему веревкой.

- Это здесь, - сказала она. – В этом источнике особая вода и по поверью достать ее из колодца может только мужчина.

Николас взял чайник, спустил его на веревке вглубь колодца, зачерпнул воды и поднял наверх. Он дал женщине воды и напился сам. Вода действительно была просто великолепной на вкус.

Когда они вернулись назад, женщина поблагодарила его, а потом взяла за руку, слегка прикоснулась к ней, просто погладила его ладонь, и вдруг сказала:

- Посидите со мной. У вас хорошая душа, и я хочу вам помочь.

Николас удивился, но присел на лавке рядом с ней.

- Послушайте, - сказала женщина, - я расскажу вам одну историю.

Подмена истинных понятий о долге, чести и морали их зримыми, но изнутри пустыми образами не является чем-то новым и неизведанным в истории, - заговорила она тихим голосом, будто рассказывала сказку. - Когда Спаситель только начал свой путь служения людям, у него тут же появился посланный сатаной соперник, по имени Симон, по прозвищу Маг, родом из Самарии. В юности он обучался в Египте и в совершенстве овладел искусством демонстрации фокусов, научился влиять на сознание людей посредством внушения, вызывать у них зрительные образы по своему желанию. Те, с позволения сказать, чудеса, которые совершал Симон, были очень эффектны для зрителей и невежественные самаритяне почитали его за бога. Он невредимым проходил сквозь огонь, каменные стены и горы, заставлял двигаться статуи, даже летал. Симон демонстрировал, что оживляет мертвых, и однажды покусился даже на роль Творца, утверждая, что создал настоящего ребенка из воздуха. Эти его трюки теперь умеют делать многие.

Господь же наш не искал славы и поклонения. У Него было только одно оружие - слово. Те деяния, которые Он совершал над больными и убогими, были не магией, но следствием глубоких душевных изменений, происходивших в людях

после встречи с Ним. Когда Он был распят, Симон-Маг возликовал, так как думал, что тем самым подтверждается слабость Иисуса Христа. По мнению Симона, если Бог на стороне Своего Сына, Он должен был бы Его спасти. Вы - священник и, конечно же, понимаете, насколько далек был Симон-Маг от истинного понимания сути происходящих в Иудее событий?

В конечном же итоге оказалось, что смерть на кресте на самом деле стала не концом, но началом, она открыла путь к вечной жизни для всех, кто истинно верует. Многие могут научиться летать и ходить по горячим углям, проходить сквозь стены и снимать оковы. Но с помощью фокусов нельзя изменить души людей, их глубинную сущность, для этого магических приемов недостаточно. Никак не получится подменить истинное чудо преображения его внешним проявлением. Симон-Маг склонил на свою сторону могущественного повелителя Рима Нерона, многих других важных персон. Он думал, что дружба с ними, их признание принесет ему славу и поклонение всех людей. Однако ложь все равно была повержена, а власть смертных царей ничего не смогла поделаться с силой истинной веры.

Для того чтобы разоблачить Симона-Мага, один из любимых учеников Господа по имени Симон - Петр пожертвовал своей жизнью и тоже, как Учитель, был распят римлянами. Зачем он это сделал? Какой магией можно было заставить живого человека из крови и плоти пойти на страшные муки? Но в этом и заключается величие духа - в безграничной любви и вере, которые дают невиданные силы даже немощному с виду старцу.

Можно обманывать небольшую группу людей долгое время. Можно обманывать всех короткое время. Но нельзя обманывать всех все время. Каждый Симон-Маг, каким бы могущественным он не казался, будет неминуемо разоблачен, рано или поздно. Для этого лишь нужен тот, кто во имя торжества истины согласится быть хоть бы и распятым, чья вера и любовь сильны настолько, чтобы победить магию сатаны. Ибо истинная вера – это подвиг. В этом подвиге и заключается таинство той Силы, которая пребывала со Спасителем до Его последнего вздоха. Пусть она помогает и вам.

Женщина замолчала, будто раздумывая.

- Человек – единственное из Божьих творений, которое осознает свою смертность, - вновь заговорила она после паузы. - И именно этим объясняется наше стремление к бессмертию. Вот только понимает под этим каждый свое. На Востоке считают, что материальные блага, богатство, наши мирские привязанности – все это тленно и преходяще, оно остается с человеком лишь по эту сторону бытия, а вот доброе имя, духовные ценности – это то, что сопровождает нас и по ту сторону. Помните: Царство Божие не снаружи, но внутри нас. Так учил Христос.

Если хотите узнать истину - ищите первоисточник, истинное слово Божье. Его многие пытались найти, но пока безуспешно. Я тоже не знаю, где он, но скажу, куда ведут его следы. В Константинополь.

Не успел Ник открыть рот, чтобы спросить, что конкретно она имеет в виду, как в этот самый момент в часовню вошел монах. Женщина тут же замолчала.

Монах помог ей подняться, неприветливо взглянул исподлобья на Николаса и, поддерживая женщину под руку, вывел из часовни. Когда он вернулся, Николас уже был готов к отъезду. Он только спросил монаха, кто была эта паломница. Тот замялся в нерешительности, а потом сказал:

- Это необыкновенная женщина. Она слепая, но видит больше, чем многие зрячие. Ибо когда Всевышний забирает у просветленного человека зрение, Он одаривает его другим способом видеть мир. Она редко приходит в монастырь. Еще большая редкость, что она решила заговорить с вами, ибо почти никогда этого делает. Люди почитают ее, как провидицу. Помните, как писал апостол Павел: *«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет, — в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, — восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке, — только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает, — что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими»* (2 Кор. 12:2-5)? Вот, считайте, что и мы с вами знаем такого человека. Иначе, как волей Всевышнего, ее дар объяснить невозможно.

И тогда Николас понял, что хотела сказать ему слепая женщина. Он покинул монастырь Искушения в тот же день. Его путь лежал в Константинополь.

Глава 14. Andreas Protocletos

С вершины холмов, окружающих Генисаретское море, рыбацкая деревушка Капернаум видна, как на ладони. Именно туда переселились из соседней Вифсаиды Андрей с братом Симоном, как только возраст и обстоятельства позволили им иметь собственный дом. Братья рыбачили, Симон женился и родил двух деток, а Андрей все свое свободное время уделял изучению Закона, чтению и письму. Они были очевидной противоположностью друг другу – горячий, вспыльчивый и неуравновешенный Симон, и спокойный, вдумчивый, склонный к размышлениям Андрей. Судьба рыбака была явно не для него. Однажды, прослышав, что на реке Иордан объявился некто Иоанн, пророчествующий о приходе ожидаемого иудейским народом мессии, Андрей без раздумий отправился разузнать, что там и как. Несколько дней он провел с Иоанном и вернулся домой в недоумении. То, что он увидел, было, по меньшей мере, странным. Полуголый, изможденный постом человек с густой растительностью на лице совершал ритуальные омовения над пришедшими к реке иудеями, называя это «крещением» и громким голосом предрекал приход некоего посланника Божьего, которому он – Иоанн – недостойн даже развязать ремни его сандалий. Андрей присутствовал при том, как к этому человеку пришли фарисеи из Ершалаима и все допытывались, кто он такой и о ком пророчествует. Иоанн отрицал, что он мессия и пророк, но лишь повторял одни и те же слова о необходимости нравственного очищения Израиля с тем, чтобы подготовиться к скорому приходу Сына Божьего и грядущего царствия небесного.

Фарисеи выслушали его и объявили сумасшедшим. С тем Андрей и вернулся в Капернаум. Тогда он и помыслить не мог, какая им с Симоном уготована судьба.

И вот однажды солнечным утром, когда братья возились с сетями на берегу, они услышали голос, звучание которого заставило их немедленно бросить работу. С дороги их окликнул Человек, которого невозможно было ни с кем спутать, и Он позвал Андрея с Симоном за собой. Каким-то внутренним чутьем Андрей сразу же признал в нем Того, о Ком пророчествовал Иоанн. С того дня попечение о семье было возложено на младших ее членов, а братья стали Его учениками. Три года они неотлучно следовали за Иешуа, помогая Ему во всем и постигая смысл нового учения, которое тот принес в мир. На протяжении этих лет Симон, которого Учитель из-за крепости тела и упрямого характера прозвал по-арамейски Кифой, что означает «камень», или, по-гречески, Петром, настойчиво пытался защитить Спасителя от уготованной Ему судьбы, но сам же по малодушию и предал Его трижды, когда Учителя приговорили к страшной смерти на кресте. Андрей же стремился познать новую истину сердцем, ибо ему было ясно – мир, в котором они жили, с появлением Иисуса из Назарета - Иешуа Га-Ноцри - стал другим, возврата назад не будет, и отныне их человеческая судьба целиком и полностью связана с Его судьбой.

Все так и случилось. После казни и воскрешения Иешуа Симон-Петр ненадолго вернулся в Капернаум, но затем был снова призван в Ершалаим помогать тем, в чьих душах зрели посеянные Учителем семена новой веры. Андрей же остался в Галилее. Он задумал записать на пергаменте – самом лучшем, какой только они с Петром смогли отыскать, историю служения Иешуа Га-Ноцри, его учение о новом завете человека с Богом и о грядущем царстве свободы, истины и справедливости. Именно за этим занятием его и застал Петр, возвратившийся домой после долгого отсутствия.

Андрей был рад брату. Он почти закончил свою работу и гордился тем, что ему удалось составить такой складный текст. Ему очень хотелось прочитать его Петру, но тот был слишком возбужден встречей с родными и Андрей отложил дела на потом.

Однако после ужина Петр не удержался и рассказал Андрею о появлении в Ершалаиме Павла и о том, как им с Иаковом не хватает писаного слова для того, чтобы обеспечить проповедь учения Иешуа Га-Ноцри.

- Так я же как раз и хотел тебе показать свою работу, я почти закончил, - сказал на это Андрей. Он был старше Петра и ясно видел, что даже в зрелом возрасте тому не хватает спокойствия и мудрой уравновешенности.

- Давай займемся этим завтра, - Петр обнял брата за плечи. - Сегодня я слишком устал.

На следующее утро Андрей с Петром первым делом вышли в море и вернулись с неплохим уловом. А когда взошло солнце, и рыба спряталась вглубь прохладной воды, братья собрались поговорить. И снова несдержанный Петр

опередил Андрея своими рассказами. Но в этот раз, когда он снова упомянул Павла, Андрей остановил его.

- Подожди-ка, - сказал он задумчиво, - а не об этом ли проповеднике мне на днях рассказывали пришлые из Сирии люди?

Андрей задумчиво потер рукой подбородок.

- Но ведь то, что они говорили об этом человеке, совсем не вкладывается в тот благостный образ, о котором ты пытаешься мне рассказать уже второй раз.

Теперь наступила очередь Петра задуматься.

- А что о нем говорят в Сирии? Мне он показался весьма сведущим и образованным.

- Но быть просто хорошо образованным недостаточно для того, чтобы нести в мир Слово Божие! – воскликнул Андрей. – Нужно, прежде всего, служить истине! Мне же рассказывали, что его проповедь содержит много такого, чего Иешуа никогда не говорил. К примеру, ты же знаешь, с нами были женщины, а Марию из Магдалы Учитель любил больше всех – ты сам бесконечно ревновал Его к ней! А тот человек, судя по тому, что мне говорили, просто ненавидит женщин! И что еще хуже - он увещевает рабов во всем подчиняться своим хозяевам – как добрым, так и злым, да много такого подобного, я все сейчас и не упомяну... Но ведь это все его выдумки!

- Да, - вдруг вспомнил Андрей, - он еще себя извергом называет, рассказывает, что раньше грешил страшно, за что Господь дал ему жало в плоть... Часто ссылается на Тору, хотя Спаситель говорил о новом, а не о старом завете... Впрочем, судя по всему, проповедь его не безуспешна – многих обратил он к вере в Иисуса Христа, ибо, говорят, словом и характером смел, и весьма красноречив.

Петр сидел молча и только пожимал плечами.

- Я не знаю, о ком идет речь, но если все это – тот самый Павел, которого я знаю, немало буду удивлен, - сказал он.

Так в заботах и беседах прошло несколько дней. Андрей тем временем закончил свой труд, но Петру его не отдал, ибо захотел переписать еще раз, набело. Было уже решено, что Петр возвращается в Ершалаим, куда вслед за ним вскоре отправится и Андрей, как с пришедшими в Галилею торговцами прилетела к ним страшная весть – о гибели Иакова Праведного. Варнава, приславший письмо, увещевал Петра не возвращаться в город, ибо там стало небезопасно, а переждать лихие времена в Капернауме.

- Ну, уж нет, - тут Андрей сказал свое первоапостольское слово, - мы не можем сидеть здесь, сложа руки. Моя работа окончена. Но раз в Ершалаим идти пока опасно, отправимся в Антиохию – братию проведем, а заодно и узнаем, чему там учит этот твой Павел.

Так Андрей и Петр ушли в мир нести людям благую весть. Они прошли Сирию и Антиохию, Киликию и Каппадокию, и пришли в Галатию. И повсюду видели они, что христианские общины, пусть и немногочисленные, множатся, невзирая на притеснения властей и яростные споры об основах учения Христова. Во многих местах им рассказывали о некоем «апостоле язычников» из Ершалаима,

который нес слово Иисуса тамошним народам, и за проповедь свою не раз и не два бит был. Все говорили о нем, как о великом страдальце за веру, но встретить этого страдальца Андрею и Петру никак не удавалось. Наконец, они дошли до Анкиры.

Город сей, что в Галатии, был тогда под римлянами, но и здешних мест достигло слово Божие. Однако небольшая община анкирских христиан пребывала в смущении, ибо местные проповедники вещали каждый свое, кому что на душу припадет, смешивая истинное учение Христа с язычеством и всякими ересями. В этом Андрей и Петр сами смогли убедиться, послушав одного из таких умников на городской площади. Они даже не стали спорить с ним, ибо не в этом состояла цель их путешествия, а просто попросили отвести их туда, где собираются все обращенные.

Войдя в общинный дом, Андрей и Петр увидели с дюжину расположившихся по кругу мужчин и женщин, которые внимательно слушали маленького человека, сидящего к вошедшим спиной.

- Братья мои, - говорил этот человек, - весь закон Моисея, о котором вы знаете, в одном слове заключается: люби ближнего своего, как самого себя! Поступайте по духу и не давайте вожделениям плоти заставлять вас делать то, что противно вам...

Петра вдруг осенила догадка.

- Павел, ты ли это? – воскликнул он, не дав даже человеку договорить.

Человек резко обернулся и поднялся на ноги. На его лице была написана тревога.

- Петр! – Произнес он с явным облегчением. – Слава Богу! Какими ветрами ты здесь? И кто это с тобой?

- Это Андрей, мой старший брат, - ответил Петр, пожимая руки Павлу и обнимая его. Мы держим путь в Понт, думаем до Боспорского царства дойти.

Они присели в общий круг.

- Это Петр, ученик Иешуа, из Ершалаима, и его брат Андрей, - объявил присутствующим Павел.

- Андрей первым был призван Господом на служение, - скромно добавил Петр, - он и к пророку Иоанну ходил, ему и честь....

Присутствующие загудели.

- Как, вы видели Христа? Вы сами говорили с Ним? – слышались голоса. – Расскажите нам о Нем! Правда ли, что Учитель не был иудеем и презирал Закон, и даже не обрезался?

Вопросы сыпались со всех сторон. Петру было лестно такое внимание, и он, в отличие от Андрея, совершенно не обращал внимания на Павла. Андрей же не сводил с Павла глаз. Он заметил, насколько тому было неприятно, что слушатели, очевидно ранее внимавшие Павлу с трепетом, враз забыли о нем в присутствии учеников Христа, которые лично видели Спасителя. Было очевидно, что Павел с трудом прятал свое раздражение за маской приветствия.

- Откуда вы все это взяли? – не выдержал Андрей. – Учитель был иудеем, родился в Вифлееме, и обрезан был по обычаю, на восьмой день. Он очень хорошо

знал Закон и, еще будучи юн, вступал в спор с книжниками и фарисеями. Он говорил нам много раз, что пришел не отменить Закон и пророков, но исполнить. Он был Христос, ибо, как и было сказано пророками в Писании, Он - сын Давидов, из колена Иудина, потомок Авраама, Исаака и Иакова....

В разговор вступил Петр.

- И мать его была из иудеев, из рода Ааронова.... Знаете ли вы, что язычникам в Храм входить запрещено? Ни один инородец не смеет войти за ограду святилища; кто будет схвачен в нарушение этого закона, тот станет виновником собственной смерти! Так мы точно знаем, что и мать Иешуа входила в Храм, и брак ее с Иосифом был освящен равви, и сам Спаситель в Храме учил, и в синагогах.

- Но как же тогда поступать при обращении язычников? – послышался вопрос. – Среди нас есть немало необрезанных, так следует ли тем, кто принимает крещение во имя Иисуса, исполнять также иудейские законы?

Вопрос был чрезвычайно труден. Ибо если кто принимает Иисуса, то должен следовать Ему во всем, а если так – то и законы иудейские подлежат исполнению. Но, с другой стороны, Иисус говорил, что храм старой веры должен быть разрушен, и на его обломках построен храм новой веры, и Он много раз вступал в споры с книжниками и фарисеями, обвиняя их в отходе от Закона, в подмене истинной веры внешними ее атрибутами.

- Учитель ни в чем не отступал от Закона, - медленно произнес Петр. Он был не совсем уверен в ответе, но Андрей молчал, и он вынужден был говорить дальше - сам же хвалился, что ученик Иисуса. – И вам, я так думаю, следует его соблюдать.

Тут свое молчание прервал Павел.

- Но ты же сам Петр, будучи иудеем, живешь теперь по-язычески, и Закона больше не исполняешь, отчего же язычников принуждаешь жить по-иудейски?

Никто не ожидал спора. Воцарилась тишина.

- Кто ты такой, чтобы спорить с Петром? – вдруг спросил Андрей, повернув голову к Павлу.

- Я - тот, кто принял благую весть об Иисусе не через человека, но от Духа Божьего, - возбужденно заговорил Павел. - В мою прежнюю жизнь я жестоко гнал тех, кто учению сему следовал, и был преуспевающим в иудействе ревнителем Закона. Когда же Всевышнему стало угодно, Он призвал меня через Божественный свет и ослепление, и точно, как Сын Божий воскрес на третий день, так и я прозрел через три дня, в том же теле, но с новым духом в сердце... Но и тогда я не счел себя равным вам, а отправился в пустыню аравийскую и лишь после трех лет скитаний, покаяния и молитв, пришел в Ершалаим, чтобы увидеть воочию учеников Христа, и виделся с Петром и Иаковом. После того прошел я всю Сирию и Киликию, был в Икони, Листре и Дервии, и в других местах, и сам стал светом новой истины. Много раз меня гнали и били камнями, и я достаточно претерпел за веру. Я умер для Закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу. Он искупил нас от клятвы Моисея, дабы благословение Его распространилось и на язычников...

- Так ты Савл? – спокойно спросил его Андрей.

- Да, я был тем, кого вы все ненавидели! – вскричал Павел, распаясь все больше. Он вскочил на ноги, его лицо покраснело. – Но отныне у меня ни в чем нет недостатка против вас! Вы евреи? И я. Израильтяне? И я. Семя Авраамово? И я. Христовы служители? В безумии говорю: я - больше!

Тут Павла начало трясти, глаза его закатились, он упал, начал биться в судоргах, из его рта пошла пена.

«Божья болезнь!» - пробежал шепот среди новообращенных язычников. – «На нем печать Господа!». Кто-то кинулся к нему и вставил в рот округлую палицу, чтобы не дать сжаться челюстям.

Через минуту все стихло. Павел лежал, недвижим и был, видимо, без сознания. Через несколько секунд вокруг него засустились женщины, кто-то принес воды и принялся обтирать его лицо влажной тканью.

Петр с Андреем переглянулись между собой, затем просто встали и вышли, оставив Павла на попечение общины. Вскоре они покинули Анкиру. Произошедшее произвело на Петра сильнейшее впечатление, да такое, что он молчал целый день. Он был подавлен, что не смог распознать Савла в Павле, а теперь уже было поздно. Лишь выйдя на перекресток дорог, что вели на Запад – в Византию и Рим, на Восток – в Тарс и Антиохию, на Север – в Синоп и на юг – в Каппадокию и Ликию, он признался Андрею, что более всего хотел бы вернуться в Ершалаим. Как не уговаривал его Андрей отправиться дальше вместе, Петр был тверд в своем решении, как скала. Так они и поступили, хотя и в Ершалаиме Петр не обрел покоя: *«И тогда Петр пришел в Ершалаим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними»* (Деян. 11:2-3). Андрей же продолжил свое великое путешествие: его ждали Вифиния, Понт, Византий, Фракия, Скифия и много других земель. Рукопись с истинным словом Иисуса неотлучно была с ним, и в минуты сомнений с Ним одним сверял свое устное слово Первозванный.

Глава 15. Подземелья Софии Киевской

- Да-а-а, следует признать, я давненько не бывал в таком дурацком положении, - так прокомментировал Сергей Михайлович случившееся с ними в церкви Святой Ирины. – И как это нас угораздило? То этот турок в черном чуть не сожрал нас в Айя-Софии, то эти жандармы в церкви Святой Ирины едва в кутузку не упекли....

Анна молчала. Они сидели в одном из многочисленных стамбульских кафе на площади Султанахмет и пили традиционный турецкий чай из маленьких, похожих на женские фигурки стеклянных стаканчиков - бардачков. Предстояло решить, что делать дальше.

- Послушай, - Трубецкой был настроен хоть и миролюбиво, но, в то же время, решительно, - согласишься, что твоя идея с подземельями Айя-Софии была весьма спонтанной и неподготовленной. В Стамбуле есть немало мест, где можно веками хранить рукописи, да так, что их никто никогда не найдет. Кстати, здесь, в городе, расположены огромные османские архивы, в которых, как говорят, еще и конь не валялся. Кроме легенды о том, что мощи святых апостолов были захоронены под

престолом Айя-Софии, нет никаких оснований полагать, что именно с этим храмом до сих пор связаны какие-то невысказанные тайны. Да если бы они там и были, то за шесть веков турецкого владычества эти местные кроты-археологи уже давно бы все повиковыривали. Ну, выставили же они в музее Топкапы и меч царя Давида, и посох Моисея, и руку Иоанна Крестителя! И не стесняются утверждать, что все эти экспонаты - подлинные. Если бы нашли «Логию», они бы и ее где-нибудь выставили. Им-то какая разница, если все остальные верят в подобные, с позволения сказать, артефакты? Что для них «Логия»?

- Разница есть, - Анна, все же, не сдавалась, - я как раз об этом и думала. Меч царя Давида – это, в общем-то, безвредная вещь: ну меч, ну Давида. Ну и что? Никому от этого ни холодно, ни жарко. Однако исторические документы – это совсем другой случай. Ты только представь, если окажется, к примеру, что в «Логиях» написано нечто, ставящее под сомнение, скажем, утверждение исламских богословов о том, что приход пророка Мухаммеда был предсказан самим Иисусом? Или там имеется какое-то другое особенное откровение Спасителя? Ну, я не знаю, нечто, противоречащее каноническим святым книгам... Зачем это мусульманам, да и всем остальным тоже? Вот и спрятали они эти документы куда подальше. Ведь о подземельях Айя-Софии узнали сравнительно недавно, а они там находятся уже сотни лет! Относись к этому как хочешь, но у меня есть предчувствие, очень сильное предчувствие, что «Логия» где-то здесь, совсем рядом, мы просто не смогли до нее добраться... Здесь, возле этого собора, такое необыкновенное поле Силы!

В этот момент у Трубецкого зазвонил мобильный телефон. Сергей Михайлович ответил. Это был Тариел. Далее произошло вот что: Трубецкой минут пять внимательно слушал, что говорил его аспирант, а затем произнес:

- Тариел, подождите, я сейчас передам телефон Анне Николаевне, и вы повторите ей то, что сказали мне, а то она с моих слов может и не поверить.

Он протянул трубку Анне.

- Послушай, что говорит Тариел. Это весьма любопытно. Просто мистика какая-то.

В тот же день они вылетели домой, благо самолеты из Стамбула в Киев летают по три раза в день. Всю дорогу они обсуждали услышанное. А дело было вот в чем.

Продолжая работать над темой о духовном влиянии Византии на становление Киевской Руси, Тариел обнаружил в древних летописях свидетельства, что когда княгиня Ольга крестилась в храме Святой Софии в 957 году, император Константин Багрянородный щедро одарил ее ценными подарками. И это было не только золото и драгоценные камни. Как писал сам император в одном из своих посланий к сыну, киевской княжне, среди прочих сокровищ, был дарован ковчег с мощами святого Андрея Первозванного. В обмен император взял с Ольги обещание построить в Киеве собор Святой Софии, где этот ковчег и должен был быть положен. Ибо в те времена была у византийских императоров и патриархов такая традиция – посылать вновь освящаемым соборам в дар от материнской церкви частички мощей христианских святых. А ведь Русь, которую, как и Византию, благословил святой Андрей, могла рассчитывать на обретение не только частичек

его мощей, но и на другие реликвии, о которых император мог в письме и не упомянуть....

Намек был понят.

По возвращению домой Сергей Михайлович и Анна немедленно приступили к «осаде» киевского собора Святой Софии. Подготовительные мероприятия заняли неделю. За это время были подняты на ноги все знакомые, мобилизованы доступные источники информации из ближнего и дальнего зарубежья, проштудированы горы литературы. Целью поисков было обнаружение следов реликвий, которые Ольга, возможно, привезла с собой из Константинополя в Киев в конце X столетия. Информации по этому поводу было крайне мало, но кое-что все-таки удалось обнаружить.

Во-первых, Трубецкой исходил из предположения, что княгиня Ольга выполнила свое обещание и положила дары Византии в построенном ею соборе Софии Киевской. Однако тот, первый храм сгорел – это исторический факт. Если же священные реликвии каким-то образом уцелели в том пожарище, то они вполне могли быть и впоследствии схоронены в каменном храме Софии, отстроенном ее правнуком князем Ярославом на прежнем месте. Во-вторых, логично было бы ожидать, что если среди подаренных Константином Багрянородным реликвий были не только мощи святого апостола, но и некие документы, то со временем они вполне могли быть приобщены – ввиду их огромной ценности - к знаменитой библиотеке Ярослава Мудрого, следы которой терялись примерно восемьсот лет тому назад. Следовало учесть, что библиотека эта стала формироваться задолго до Ярослава, просто при нем она приобрела особую значимость и славу. Наконец, в-третьих, выяснилось, что под Софией Киевской, как и под Айя-Софией, тоже находятся обширные пустоты и подземелья, назначение которых до сих пор не понятно. В частности было установлено, что весной 1916 года недалеко от Софиевского собора сам по себе образовался глубокий провал. Спустившись в него, исследователи обнаружили древний подземный ход. Находку не афишировали, но уже тогда предполагали, что в этом подземелье может храниться библиотека Ярослава. Ведь если князь изначально «положил» книги в Софиевском соборе Киева, то при нашествии врагов бесценные манускрипты проще всего было спрятать там же. И, скорее всего, — в скрытых от посторонних глаз подземельях.

Понимая всю серьезность возможного открытия, в том же году было проведено тщательное археологическое исследование обнаруженного подземного хода. Участники экспедиции очистили от нанесенного за столетия грунта два коридора, которые заканчивались непроходимым обвалом породы. В конце второго коридора была сделана сенсационная находка — небольшой кусок бересты с надписью на старославянском: «А ще кто найде сей ход тот найде великий клад Ярослав». Работы по расчистке коридоров и ниш были продолжены. Недалеко от найденной записки, якобы, действительно обнаружили тайник, надпись на стене которого сообщала, что «клад» уже выкопали. Если доверять тексту, выцарапанному на стене, то здесь были «выкопаны гроши» и далее стояла

неразборчивая дата этого знаменательного события. Создавалось впечатление, что на этот раз археологов опередили некие кладоискатели. Официально было объявлено о бесперспективности дальнейших раскопок. Осталось только непонятным, как кладоискатели попали в эти подземелья, зачем им было оставлять после себя памятные записки и каким образом удалось обратно засыпать подземный ход так тщательно?

И вот тут-то обнаружилось самое интересное. Некоторые современные источники утверждали, что история о выкопанном кладе – мистификация и что на самом деле были совсем другие причины остановить раскопки. Чтобы установить истину, Анна решила во что бы то ни стало раздобыть и лично прочитать отчет археологической комиссии 1916 года. После нескольких дней упорных поисков, уговоров, взяток и обольщений ей удалось-таки разыскать эти документы, и не где-нибудь, а в родной для нее Санкт-Петербургской библиотеке. Удивительно, но факт — отчет, опубликованный в Петрограде в 1917 году, до наших дней хранился с неразрезанными страницами. За девяносто с лишним лет никто эту книгу в руках не держал! Документы, которые многие «исследователи» неоднократно цитировали, хранились нетронутыми! Трубецкой и Анна подробно ознакомились с этой работой и обнаружили, что хотя сам отчет и сохранил первозданный вид, две последних страницы в нем отсутствовали. Они были аккуратно, видимо, очень острым ножом удалены из переплета, да так, что установить факт их отсутствия удалось лишь, только разрезав все страницы и прочитав отчет. Судя по тексту, именно эти две страницы содержали окончательные выводы экспедиции и рекомендации относительно дальнейших поисков. Кто их вырезал и почему – оставалось загадкой, однако теперь стало ясно, что без личного осмотра подземелий не обойтись.

Как это не удивительно, но найти место провала оказалось несложно и по прошествии стольких лет. В метрах пятидесяти от памятного знака внутри заповедника они обнаружили обычный зеленый забор, которым было ограждено два небольших участка земли около одного из зданий недалеко от самого собора. Служащие музея неохотно пояснили, что туристам тут делать нечего, а забор ограждает место «каких-то раскопок». Между тем для пытливого глаза место это было очень примечательным и — главное — через щели в заборе были ясно видны куски шифера и ржавого кровельного железа, прикрывавшие вход в таинственное подземелье.

Улучив удобный момент, когда служащие заповедника перестали обращать на них внимание, Трубецкой и Анна пробрались за забор, без труда сдвинули проржавевший кусок железа и спустились по весьма скользким от влаги ступенькам в открывшийся проход. Трубецкой зажег фонарь. Вход в подземелье выглядел весьма устрашающе. Стены просели и грозили осыпаться в любой момент. С потолка свисали корни каких-то растений, пол представлял собой сплошную грязевую лужу. Однако по мере продвижения вперед подземный ход расширился, стало просторнее и суше. Было ясно, что они находятся в той его части, которая

была построена достаточно давно и предназначалась для длительного использования. Время от времени справа и слева встречались ниши, в каких обычно хранились мощи, но все они оказались пусты. Так они прошли около ста метров, когда ход закончился тупиком. Сергей Михайлович огляделся.

- Похоже, это все, что удалось откопать, - сказал он.

- Не густо, - ответила Анна. - Но в отчете упоминалась некая ниша, в которой, якобы, кладоискатели оставили прощальное послание. Хотелось бы понять, где это место, а я пока не вижу тут ничего подходящего...

И действительно, вокруг них были только старые кирпичные стены, местами покрытые землей и глиной. Вдруг Анна громко вскрикнула: «Крыса!» и резко отскочила в сторону. Действительно, в свете фонаря Сергей Михайлович заметил убегающую по проходу крысу.

- Откуда здесь крыса? Тут ведь нет никакой еды... - сказал он задумчиво, - и гнездиться им негде.... А ну-ка, давай внимательно осмотрим стены, ты – справа, я - слева.

Трубецкой наклонился и стал осматривать кладку слева от тупика на уровне пола. Анна сделала то же самое с правой стороны. Прошло несколько минут.

- Сережа, - голос Анны слегка дрожал, - тут есть отверстие!

- Ага! – через мгновение Трубецкой был уже рядом с ней, – значит, не все стены тут такие каменные, как кажется...

Он снял рюкзак, достал раскладную саперную лопатку, небольшой ледоруб и они начали сначала потихоньку, а потом все с большим усилием снимать глину с землей со стены над отверстием – слой за слоем. Через полчаса лопатка с глухим стуком уперлась во что-то твердое. Они с удвоенной энергией принялись расчищать поверхность перед ними. Это была деревянная дверь высотой в половину человеческого роста. В нижней части двери доски прогнили, и именно там крысы проделали проход. Но самое удивительное было то, что дверь оказалась опечатанной вполне современной печатью, которая, хотя и почернела от времени, но была в целости и сохранности! Сергей Михайлович взял печать в руку, очистил ее от грязи и попросил Анну подсветить фонарем. На печати вокруг довольно толстой металлической проволоки стала видна надпись «Народный комиссариат внутренних дел».

- Ничего себе, - сказал Трубецкой. – НКВД! А эти откуда тут взялись? Он без колебаний отогнул проржавевшую проволоку, оставив печать на всякий случай нетронутой, и возобновил попытки открыть дверь. Наконец, она поддавалась, и Сергею Михайловичу удалось приоткрыть ее так, чтобы они смогли протиснуться вовнутрь. На мгновение Анна заколебалась, преодолевая необъяснимый панический страх перед крысами, но, все же, последовала за Трубецким.

Они оказались в просторной комнате, стены которой представляли собой сплошные, вмурованные в камень полки. На полу валялись обрывки тканей, куски кожи, бумаги, еще какой-то мусор, в котором и копошились крысы. Помещение, в

отличие от коридора, который привел их сюда, было сухим и довольно добротно построенным. Однако полки в комнате были пусты.

- Ну, и что ты думаешь по этому поводу? – спросил Трубецкой.

- Я думаю, что мы в хранилище, которое служило для сбережения книг и, возможно, других ценностей. Судя по манере кирпичной кладки, которой выложены стены, помещение было построено довольно давно, очевидно, одновременно с собором.

- С чего ты взяла, что тут были именно книги?

- Я думаю, - Анна подняла с пола почерневший и обгрызенный кусок кожи, - это не что иное, как часть книжного переплета.

- А это что? – Трубецкой наклонился и поднял с пола какой-то круглый предмет. Это была металлическая пуговица. Сергей Михайлович потер ее пальцем. Тиснение на ней не оставляло сомнений – здесь таки побывало НКВД.

- Я не хочу думать, что мы находимся в хранилище библиотеки Ярослава Мудрого, и она попала в руки НКВД! – воскликнула Анна.

- Смотри, – Трубецкой указал на кусок бумаги, который лежал придавленный плоским камнем на одной из полок. От бумаги также почти ничего не осталось, из-за крыс, однако на сохранившейся под камнем ее части можно было разобрать написанные от руки практически выцветшие слова «...фисковано по прика... ..ра городс... рада ... книг 34.. ..нет. Помещение опеча.... ..споряжения», – он попытался прочитать текст. Особое внимание Сергей Михайлович обратил на дату – апрель 1918 года.

- Ну, Сережа, теперь вся надежда на твой опыт работы с древними рукописями, - Анна вздохнула. – Неужели все потеряно?!

- Я могу заключить из этих обрывков, что здесь было найдено довольно много, боле трехсот томов книг, которые были конфискованы до особого распоряжения и, очевидно, вывезены из Киева. Смотри на дату – вскоре после взятия города большевиками! Тот факт, что дверь была опечатана печатью столичного НКВД, говорит сам за себя.

«Так вот почему археологические раскопки были прекращены! – мелькнуло у него в голове. – Оказывается, это было сделано силами чекистов! Удивительно, как эту важную информацию не обнаружил никто из более поздних исследователей? Или обнаружил и не захотел сделать ее достояние общественности? Ведь тут даже не надо читать между строк, все написано черным по белому! Раскопки приостановили вовсе не из-за их бесперспективности, а потому, что они просто были завершены! Шла война, повсюду царили голод и разруха. Какая судьба ожидала библиотеку Ярослава? Очевидно, большевики сочли реальной угрозой ее разграбления и приняли решение перевезти все в более надежное место. Но куда? Почему в течение девяносто лет никто не поинтересовался этой проблемой?»

Вдруг над ними раздался глухой удар, потом еще один, еще и еще. Стены задрожали, и с потолка посыпалась пыль.

- Что это, откуда? – в голосе Анны звучала тревога.

- Понятия не имею, но давай лучше выбирать. Ясно, что здесь мы больше ничего не найдем.

Трубецкой положил остатки расписки в карман, взял Анну за руку и помог ей протиснуться назад в коридор. Потом стал протискиваться сам. Вдруг, под его ногами раздался писк, и целый выводок крыс выскочил из хранилища. Глухие удары продолжались. Едва Сергей Михайлович прикрыл за собой дверь, как за ней раздался грохот и из проема вылетел клуб пыли.

- Ничего себе, там, похоже, обвал, наверное, крыша рухнула! Бегом отсюда!

Трубецкой и Анна бросились к выходу. Но на поверхности все было спокойно, мирно светило солнышко, хотя грохот был слышен весьма отчетливо.

- Я понял, - воскликнул Трубецкой, - это строительство вон там, - он указал направление рукой, - сваи забивают! Очередной небоскреб строят, варвары!

- Интересно, есть ли кому-нибудь в этой стране дело до того, что эти их сваи скоро свалят собор Святой Софии, который за столько веков ни отечественные, ни мировые войны свалить не смогли? – в голосе Анны звучал гнев и возмущение.

- Аня, смотри, - Трубецкой держал в руках найденную под землей записку. Заключительная фраза сохранившегося в целостности и сохранности текста гласила, что библиотека Ярослава вывезена из Киева сотрудниками НКВД 22 апреля 1918 года. Вот только та часть записки, где было указано место назначения, была съедена крысами.

Глава 16. Церковь Святых Апостолов - мечеть Фатих

Всю дорогу от Иерусалима до Стамбула Николас провел в глубоких размышлениях. Если первоисточник синоптических евангелий существовал, то кем и когда он мог быть написан? Очевидно, речь следовало вести о документе, составленном не позднее I века одним из двенадцати апостолов, которые сопровождали Иисуса в Его служении, беседовали с Ним и имели возможность черпать мудрость непосредственно из Его благословенных уст. Из Святого Писания и церковных документов известно, что двое из апостолов - Левий Матфей и Иоанн Зеведеев написали свои евангелия, которые признаны церковью каноническими. Кроме того, Марк записал евангелие со слов апостола Петра, значит, эти трое не в счет. Матфий, который уже после распятия и воскрешения Спасителя был избран апостолами в число двенадцати вместо предателя Иуды, Иисуса никогда не видел, и поэтому автором первоисточника быть не мог. Апокрифические евангелия от Филиппа и Фомы были найдены в Кумране, но из них лишь евангелие от Фомы с большой натяжкой напоминает искомый документ. Оно еще тем более интересно, что Фому называли «дидим» - близнец, настолько он внешне был похож на Иисуса. Но он же стал известен и тем, что не поверил в воскресение Господа и лишь потом укрепился в вере. «Фома неверующий» - это оттуда. Впрочем, сам факт открытия евангелия от Фомы – это как минимум еще одно подтверждение, что первоисточник

мог существовать, поскольку оно написано исключительно в виде высказываний Иисуса, без каких-либо дополнений и интерпретаций автора. Любопытно, что в нескольких важнейших логиях это евангелие тесно перекликается с каноническими документами.

Но вернемся к апостолам.

Иаков Алфеев проповедовал под руководством Андрея Первозванного и самостоятельно вряд ли решился бы написать евангелие. Иуда Фаддей – брат Иакова Алфеева, равно как и Симон Кананит, не числились среди выдающихся учеников Христа и весьма сомнительно, чтобы из их рук вышел первоисточник. Иаков Зеведеев был родным братом Иоанна Богослова и вполне мог бы написать евангелие, однако, по преданиям, его убили очень рано – в Иерусалиме, в 44 году. Авторство сразу несколько апокрифических документов приписывают апостолу Варфоломею, но среди них нет ни одного такого, который мог бы претендовать на роль первоисточника. Есть, конечно, еще и Дидахе – коллективное евангелие от двенадцати апостолов, но его датировка первым веком недавно была опровергнута. Скорее всего, оно было написано во II-III столетиях, и содержало уже «обработанный» материал более ранних авторов.

Остается Андрей Первозванный. Ученик Иоанна Крестителя, первым последовавший за Спасителем, один из ближайших к Иисусу апостолов, не оставивший никаких следов ни в канонической, ни в апокрифической литературе!

Андрей – «мужественный», единственный из апостолов, у которого было только греческое имя. Он был призван первым, но в истории христианства так и остался в тени своего брата Петра, на котором Христос «основал Церковь». В этом скрывалось великое искушение: его Господь первым позвал, он видел, как все последующие апостолы прошли свой путь к Истине, и ему могло бы казаться, что его опыт, естественно, больше их опыта, и его заслуги больше их. Это ведь он привел к Христу Петра — ну как после этого всерьез относиться к первенству младшего брата?

Однако в Евангелиях, где встречаются различные споры между учениками о первенстве, нет ни одного случая, чтобы в этих спорах участвовал Андрей — единственный, у которого имелись все основания возноситься. Его апостольское служение охватывало десятки стран, огромные территории, множество народов вокруг Черного моря. О нем слагали легенды и чтили своим покровителем многие страны – от Кавказа до Британских островов. Нет сомнения, что он нес миру истинное учение Иисуса и поэтому его проповедь не оставляла равнодушной ни одну человеческую душу. Послушав Андрея, люди становились по-настоящему свободными от самых ужасных страхов этой жизни. Они переставали быть заложниками и рабами материального плана бытия, ибо начинали понимать, что тело — брэнно, лишь душа — бессмертна. Как и он, они переставали быть господами и рабами, они становились свободными. Они вдруг осознавали, что над ними - только Бог, а земная жизнь, какой бы она ни казалась длинной, — это лишь одно мгновение, в коем пребывает их душа, и что любая земная власть ограничивается лишь властью над телами, но не над душами, ибо душа принадлежит

только Всевышнему. И первые последователи Иисуса, которые исповедовали Его истинное Учение, теряли страх перед опасностями этой жизни. Они укреплялись в вере, что Бог с ними совсем рядом и что Он — вечен и всемогущ, и полон любви к чадам своим человеческим... Очевидно, что возвращенная на таких принципах свобода духа становилась угрозой существующему в те времена порядку и поэтому власть имущие стали преследовать христиан. Однако, как свидетельствует история, физические преследования не приносили желаемых результатов. Видимо, именно тогда, будучи не в силах остановить начавшийся процесс вселенского просветления, и возникла идея тщательно переработать уже имеющиеся к тому времени письменные источники об учении Иисуса Христа. Теперь уже стало ясно, что очень многое было уничтожено, переделано и переписано с целью создания учения, которое бы устраивало власть и помогало правителям получить контроль не только над телами рабов, но и их духом.

Николас даже разволновался. Не потому ли западная традиция числит Андрея ну максимум покровителем Шотландии и России, и будто намеренно затмевает его фигуру гипертрофированным почитанием Петра и Павла? «Так вот почему мне был назван Константинополь, - мелькнула догадка, – ведь единственный из апостолов, кто проповедовал там во время одного из своих путешествий – это Андрей. - Ник вдруг вспомнил свой разговор в Венеции с этим странным привидением-Жаном, тот ведь тоже говорил о Константинополе. - Он и какую-то церковь упоминал... Точно, речь шла о церкви Святых Апостолов! Ну, конечно же, ведь это тот самый храм, который император Константин задумал построить, как место, где будут собраны останки всех ближайших учеников Спасителя!». Ник решил, что именно в эту церковь ему следует отправиться в первую очередь.

Каково же было его разочарование, когда по прибытии в Стамбул выяснилось, что ни один из таксистов даже не слышал о существовании такой церкви! Лишь с пятой попытки Нику все же удалось нанять желтую потрепанную машинку с молоденьким таксистом-курдом. Тот был приветлив и непрерывно что-то тараторил на своем языке, однако надо ли говорить, что доставил он Николаса вовсе не к церкви Святых Апостолов, а на Фанар, к резиденции Вселенского Патриарха. Увы, Ник узнал об этом, когда уже расплатился с ослепительно улыбающимся таксистом, и даже дал ему «на чай». Что же, обмануть иноверца, «ябанджи» – эта древняя традиция живет среди правоверных и поныне.

С другой стороны, Николас нашел в Патриархате весьма приветливых и сведущих людей, которые и рассказали ему, что еще в 1461 году султан Мехмет II Завоеватель приказал снести церковь Святых Апостолов и построить на ее месте мечеть Фатих. Она и сейчас возвышается на месте разрушенного христианского храма. А ведь в той церкви хранились мощи апостола Андрея Первозванного, евангелиста Луки, патриарха Иоанна Златоуста, именно в ней нашли свое успокоение император Константин и его мать Елена, положившие тем самым начало традиции хоронить императоров рядом со святыми угодниками.

Храм этот, надо заметить, был когда-то великолепен. Высокий, со стенами из мрамора, с позолоченным куполом и окруженный притворами, он на протяжении

семи веков оставался вторым после Софии храмом христианского мира. Трагедией для Византии стало разграбление этой святыни крестоносцами, которые вывезли на Запад все, до чего смогли дотянуться их обогранные кровью братьев-христиан руки. Говорят, что часть святых мощей все же была схоронена в Святой Софии, но что именно удалось спасти и где оно было спрятано – о том история умалчивает. Теперь вблизи мечети Фатих находится мусульманское кладбище, где среди других выдающихся личностей Османской империи похоронен и сам султан - покоритель Константинополя.

Николас покинул подворье патриарха расстроенный, ибо не представлял, что же ему делать дальше. Расспрашивать православных епископов о возможном местонахождении первоисточника евангелий не имело смысла, ибо для них такой вопрос был бы кощунственным. После недолгих раздумий Николас все же решил съездить к этой мечети – места Силы имеют свойство хранить в памяти события минувших веков, и не так-то легко стереть эту необыкновенную память.

На этот раз с таксистами проблем не было, и через каких-то полчаса он стоял перед знаменитой мечетью. Внешне она мало чем отличалась от других мусульманских святынь, разве что богатством внешней отделки. Он присел на скамейку возле входа, закрыл глаза и попытался сосредоточиться. В этот момент к мечети подъехал туристический автобус, из которого вышла разношерстная группа туристов. Николас оказался в непосредственной близости от экскурсовода, и ему ничего не оставалось, как прослушать краткий экскурс в историю мечети. Он узнал, в частности, что после двух разрушительных землетрясений от ее первоначального здания XV века мало, что осталось, – лишь внутренний дворик, центральный вход в мечеть, отделочные плиты и михраб внутри здания. Ник слушал гида в пол-уха, однако сразу насторожился, как только услышал, что во внутреннем дворе мечети все же сохранились некоторые обломки колонн и каменных блоков, которые использовались при строительстве той самой церкви Святых Апостолов, которую разрушил Мехмет-завоеватель. Когда вся группа отправилась снимать обувь и осматривать мечеть, Николас под видом туриста проскользнул сразу во внутренний дворик. Затаив дыхание, он принялся осматривать выставленные там обломки мраморных плит и колонн, на некоторых из которых были явно видны сбитые турками кресты.

Он ждал чуда, подсказки свыше. И оно свершилось! Видимо, Господь верно направлял его на протяжении всех этих дней – на одной из колонн он разглядел едва заметную, но все же четкую надпись, выцарапанную чем-то острым. Николас достал бутылочку с водой, осторожно оглянулся по сторонам и слегка плеснул на колонну водой – так надписи на камне становятся видны лучше, он знал это еще из своей археологической практики. Надпись была сделана на латыни. Она состояла всего из одного слова, но оно заставило сердце Николаса биться сильнее. Это было слово «Амальфи».

Глава 17. Павел в Риме

Весть о страшном пожаре в Риме застала Павла на Кипре, где он, будучи пассажиром судна, идущего в Миру, переждал бурю. В самом факте пожара не было ничего чрезвычайного – во времена массовых гульбищ римской знати с участием похотливого императора Нерона случалось и не такое. Но в этот раз – впервые – в поджоге были публично обвинены христиане. Публике объявили, что пожар, якобы, начался в районах города, примыкающих к Большому цирку – месте, проклятом христианами, многие из которых нашли там свою мученическую смерть. И без того небольшая группа последователей новой веры оказалась под угрозой тотального уничтожения, ибо Нерон был знаменит своей лютой ненавистью к распятому и воскресшему пророку. Впрочем, не он один.

Рассказы моряков, скопившихся в Саламине, о том, что христиан со всей империи свозят в Рим, где их одевают в шкуры диких животных и травят на арене цирка бешеными собаками; или безоружными просто выпускают на арену, полную голодных львов и тигров; красивых женщин подвергают привселюдному насилию, а затем привязывают к столбам на съедение хищникам, были один ужаснее другого. Шторм не утихал и Павел молился, чтобы Господь вмешался и прекратил преследования своих детей. И так продолжалось с неделю, пока однажды ему не приснился сон. Будто идет он вон из Рима по Аппиевой дороге и вышел уже из города, цел и невредим, как навстречу ему идет Господь в белых одеждах. «Куда ты, Господи?» - вопрошает Павел. «В Рим иду, принять новое распятие за мучеников», - отвечает Господь... Проснувшись, понял Павел, что его час настал, и отныне нет у него более важной цели, чем идти в Рим и прекратить преследования христиан или умереть за веру.

Вечный город, каким нашел его Павел, представлял собой жалкое зрелище. Туда, по свидетельству очевидцев, со всех концов империи стекалось все самое гнусное и постыдное, что в ней было, а жители потеряли голову от запаха крови, который буквально витал в воздухе. Обезумевший Нерон казнил всех без разбору, включая собственную мать, двух жен, нескольких бывших друзей и значительное число политических соперников. Над страной еще не развеялся призрак недавней чумы, унесшей тысячи жизней, и гигантских строительных проектов, окончательно опустошивших казну империи.

Небольшая община римских христиан состояла в основном из рабов, вольноотпущенников и представителей низших сословий, предпринимавших чрезвычайные меры предосторожности, чтобы не попасться в руки ищущим императора. Павел не без труда нашел их в катакомбах и стремился поддерживать яркой проповедью, наставлением и советом. Более же всего он увещевал рабов не противиться воле властей, угождая господам.

- Всякая душа да будет покорна высшим властям, - говорил Павел, - ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению, а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Благословляйте гонителей ваших, а не проклинаяте! Никому не воздавайте злом за зло, утешайтесь надеждою. Начальник есть Божий слуга, вам на добро. Если же делаете зло, готовьтесь, ибо не напрасно он носит меч,

и тому следует повиноваться не из страха, но и по совести! «Сам Господь призывает нас, - звучала его проповедь, - *«научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим»* (Мф.11:29).

Увы, не всем римлянам из вновь обращенных пришлось по душе проповеди Павла. Один из рабов, до крайней меры претерпевший от хозяина, счел увещевания Павла неискренними, и донес на него властям. Павла схватили и бросили в тюрьму для беглых рабов и христиан, которая представляла собой два уровня врытых в землю каменных мешков, откуда заключенные не то что не могли бежать, но даже не смели и помыслить о побеге. Павел заявил своим тюремщикам, что он – римский гражданин, и требует суда кесаря, но в ответ услышал только смех и ругательства. Начались долгие дни телесных мук и унижений, которые Павел переносил стойчески, с молитвой на устах и со смирением в душе.

И вот однажды ночью покой узника был нарушен неожиданным гостем.

- Павел? – вдруг послышался сверху тихий голос. – Павел, здесь ли ты?

Павел поднял голову к отверстию в высоком потолке его каменного мешка – единственной отдушине, все еще соединяющей его с миром. В тусклом свете факела он увидел чью-то голову, склонившуюся вниз.

- Кто ты? – Павел встал и подошел к середине камеры, стараясь разглядеть ослабевшими глазами, кому это он вдруг понадобился.

- Я – Лукас, - произнес сдавленный голос. – Помнишь ли ты меня? У нас мало времени.

«Лукас!» - как яркая вспышка в сознании, миг возвратившая его на много лет назад, когда все и началось... Они не виделись столько лет!

- Лукас, откуда ты здесь? Тут небезопасно, - Павел и сейчас испытывал теплые чувства к лекарю, который когда-то спас ему жизнь.

- Не волнуйся, я о себе позабочусь, - сказал Лукас. – Я подкупил стражника, чтобы спасти тебя.

- Как же ты можешь это сделать? – Павел сокрушенно покачал головой. – Я стар и даже не смогу выбраться отсюда без лестницы, а если и выберусь – мне уже не убежать, как в молодые годы... Да и Господь, который призвал меня в этот страшный город, велит мне пройти весь путь, до конца.

- Я принес тебе кое-что, - Лукас поднял руку, в которой было что-то зажато, но Павлу было не разглядеть – что именно.

- Что это?

- Это рекомендательное письмо Гая Понтия Пилата проконсулу Виттелию, в котором он рекомендует Савла из Тарса – гонителя христиан - заместнику Рима в Сирии. В этом же письме он называет этого Савла именем Павел. В нем – твоя свобода.

Павел тяжело вздохнул и от волнения опустился на каменный пол камеры.

- Так ты то письмо не сжег... – пробормотал он про себя.

Когда-то давно слово Пилата много значило и могло сыграть в его жизни положительную роль; затем – стать причиной позора и, возможно, смерти от рук новообращенных христиан, особенно из числа иудеев. Теперь же, после всего

пережитого и сделанного им, оно уже не несло ни пользы, ни угрозы. Десятки лет, проведенные в трудах во славу Господа, очистили его навсегда от когда-то содеянного Савлом. Неисчислимое множество обращенных, церкви по всей Малой Азии знали его, как непримиримого, сурового и фанатичного проповедника, который первым стал доказывать со всей присущей ему яростью, что учение Иисуса Христа – не есть часть иудейского вероучения, но самостоятельная и прекрасная вера, открывшая людям путь к истинному спасению. Не всегда и не во всем он преуспел. Его гнали в Эфесе и арестовывали Ершалаиме, он претерпел и от иудеев, и от язычников, трижды его били почти досмерти палками и камнями. Но зато теперь учение Иисуса распространилось от Рима до Аравии, и его шествие по миру уже было не остановить.

Лукас терпеливо ждал, пока Павел даст ответ.

- Ты покажешь это письмо Юлию, а он должен будет доложить о нем императору. Думаю, что его примут во внимание и отпустят тебя. В крайнем случае, отправят в изгнание, - шепотом сказал Лукас. Юлием звали сотника, который был приставлен к Павлу.

Павел снова поднялся с пола.

- Скажи, - вдруг спросил он, - сохранил ли ты тот пергамент, на котором было записано само слово Божье?

- Не только сохранил, - ответил Лукас, - но в дополнение к нему я все эти годы записывал все самое важное, что происходило с тобой и другими учениками Христа. Я присутствовал во многих городах вместе с вами – незримо, ибо не считал себя достойным стоять рядом... Но пусть не будет у тебя сомнений – слава и правдивое слово о свершениях Павла, Петра и других, кто уже отошел в мир иной, или еще жив, останется и после нас.

- Слава Богу, - прошептал Павел тихо, почти про себя, - слава Создателю, который открыл нам этот путь...

- Спасибо тебе Лукас, - сказал он громко, снова подняв голову вверх. – Но я не могу теперь думать о своей жалкой жизни, когда тысячи христиан брошены Нероном на съедение диким зверям. Я должен разделить их участь и пусть мой пример принятия смерти со смирением укрепит тех, кому еще предстоят муки земные. А письмо Пилата все же сожги. Умер давно Пилат, умер и Савл, нету его и ни к чему ворошить прошлое. А моя жизнь – в руках Господа. Прощай!

Сверху послышался шум.

- Прощай! – прошептал Лукас. - Да пребудет с тобою Спаситель!

Он исчез, спешно затушив факел.

Остаток ночи прошел спокойно. Павлу даже удалось поспать. А на следующий день, с первыми лучами солнца солдаты вытащили его из каменного мешка и вывели на эшафот. Деревянный помост был устроен прямо во дворе Мамертинской тюрьмы и именно здесь, на этом помосте, нашли свою смерть многие враги императора. Павлу огласили приговор, согласно которому милостивый император Нерон, учитывая римское гражданство преступника, приговорил его к легкой смерти через отсечение головы. По обычаю, его раздели до

пояса и поставили на колени. Палач, а им был просто один из солдат крупного телосложения, накрыл голову Павла мешком из ткани и дал сигнал другим участникам казни. Двое с кожаными плетями, на концах которых были обустроены железные крюки, поднялись на эшафот и начали сечь приговоренного. Лишь после того, как спина проповедника стала напоминать кровавое месиво, палач достал большой кавалерийский меч – спату, решительным жестом уложил голову осужденного на плаху и коротким выверенным ударом свершил волю кесаря. Свидетелей той казни не было, кроме служащих караула. Они же убрали тело казненного в большой мешок и позже должны были вывезти за город, чтобы выбросить в Тибр. Так всегда поступали с безродными преступниками. Это дело поручили неким Попидию и Ферту – двум беспробудным пьяницам, которые ни на что другое больше не годились. Когда их повозка выехала за город, солдатам повстречалась группа простолюдинов, которые уговорили отдать им тело казненного в обмен на большой бурдюк фалернского вина. Попидий и Ферт согласились. Вино было превосходным на вкус, однако оно стало последним в их жалкой жизни.

Ученики – а это были они - похоронили Павла там же, за городскими стенами, на дороге, ведущей к морскому порту Остия. На его могиле был поставлен памятный знак – высокий камень, на котором со временем выцарапали надпись «Павел, мученик». Это от них пошла традиция ежегодно в день казни приходить на могилу Павла и поминать его в своих тихих молитвах. В IV столетии вездесущий император Константин прикажет построить на том месте церковь, которая ныне превратилась в великолепный храм Сан-Паоло-фуори-ле-Мура. И лишь в наши дни Римская католическая церковь объявит об обретении мощей святого апостола Павла, как со временем стали его называть. По сообщениям Ватикана, в мраморном саркофаге под алтарем римской базилики обнаружили остатки костей, драгоценной льняной ткани, окрашенной в пурпурный цвет, пластину из чистого золота и ткань голубого цвета. Надпись на латыни на саркофаге гласила: «Павел апостол, мученик». Ватикан и ныне зорко следит за продолжением археологических работ, которые все никак не закончатся, обещая со временем предоставить верным возможность поклониться мощам святого апостола. Блажен, кто верует.

Глава 18. Андреевский крест

Андрея пришли арестовывать ночью. Против безоружного проповедника и лекаря, о котором в Патрах шептались, что он одним только своим словом сотворяет чудеса, был послан целый отряд вооруженных до зубов солдат. С факелами, копьями и мечами они выглядели весьма грозно, свидетельствуя, в то же время, о страхе, который испытывала перед ним власть. Почтенный Сосий, приютивший у себя в доме старца и его ученика Астахиса, ничего не смог поделать против солдат, и Андрея увели, окружив живым щитом, как самого опасного разбойника. Солдатам было запрещено разговаривать с ним под страхом отсечения языка, поэтому все это позорное действие происходило молча. Проконсул Лициний,

пославший отряд, хорошо понимал, что он делал. Еще в Риме, получая из рук императора грамоту, подтверждающую его полномочия наместника Рима в Патрах, он был предупрежден лично Нероном об ответственности за распространение в Ахайи чрезвычайного вредного и опасного учения какого-то иудейского не то пророка, не то мессии по имени Иешуа, которого распяли тридцать лет тому назад в Ершалаиме. Император был предельно лаконичен: или Лициний сделает все, чтобы искоренить в провинции ересь, либо он, Нерон, найдет ему замену и недрогнувшей рукой искоренит самого Лициния.

И надо же такому случиться: не успел проконсул вернуться в Патры, как узнал о том, что в его отсутствие в городе появился проповедник, который сначала на городской площади, а затем и в храмах стал учить от имени этого самого мессии Иешуа Га-Ноцри, называемом им, по-гречески, Иисус Христос. Лициний пришел в ярость, когда об этом ему сказал не кто-нибудь, а его собственная жена. И не просто сказала. По словам Калисты, старец этот обладал умением и силой излечивать хвори, сравнимой лишь с силой богов. Многих безнадежных страдальцев избавил он от недугов, включая саму Калисту, мучавшуюся много лет от женских болезней.

Лициний был жесток и не слишком умен, но к жене относился с почтением, поскольку именно благодаря связям ее отца стал проконсулом. Теперь ему предстояло решить, что же делать дальше. Просто казнить Андрея было невозможно, ибо его чтил и народ, и собственная жена, а допустить, чтобы тот проповедовал свободно, означало подписать себе смертный приговор. Пока Лициний размышлял, о запертом в темнице старце на некоторое время забыли. Сам же Андрей стойко переносил тяготы тюрьмы, ибо были дела поважнее. Он-то никак не мог перестать беспокоиться о мире, просветлению которого посвятил столько лет.

Однажды ночью Андрей долго молился перед сном, а когда прилег, по одной только Богу известной причине воспоминания вернули его к путешествию в Скифию. Тогда, повинуясь обету служить воле призвавшего его Спасителя, он с несколькими учениками прошел Понт, Кавказ и достиг берегов Тавриды. Именно там, в городе Корсуни, ему поведали о необыкновенно прекрасных землях вдоль благодатной речки Борисфен, что лежала на пути из северных варяжских земель в Причерноморье, и они отправились вверх по реке. Племена скифов, сарматов и антов, населяющих те земли, поклонялись идолам, но были совсем не враждебны. Андрея со спутниками они не обижали, хотя и внимать словам проповедника, по правде говоря, не спешили. Очень были приветливы к чужестранцам, о безопасности которых заботились и провожали их от места до места – по священным законам местных племен сосед должен был помогать соседу, если у того гостит иноземец. Так Андрей и его спутники добрались до земель венедов.

Еще в Корсуни узнали они, что венеды слыли самыми могучими воинами во всей Великой Степи, которым не было равных в бранном искусстве. Это были красивые и рослые люди, волосы их отливали в русый цвет, а взгляд был полон мужества. Венеды любили свободу и не выносили рабства. Они были особенно

храбры в бою и походе, и способны ко всяким трудам и лишениям. Воины венедов и даже их женщины легко переносили и жару, и холод, и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Золото и серебро они столько же презирали, сколько прочие смертные желали их. Высшим счастьем в глазах венедов было погибнуть в битве. Умереть от старости или от какого-нибудь случая – это считалось недостойным, почти позором.

Нередко после удачных войн в их руки попадало множество пленников, однако пленники у венедов не так, как у прочих народов, не навсегда оставались в рабстве: им определялось известное время, после которого, внеся выкуп, пленники были вольны или возвратиться в отечество, или остаться жить с венедями свободными. Происходило же это оттого, что венеды умели ценить свою и чужую свободу, рабству же предпочитали смерть.

Однажды, после длительного перехода по воде и суше Андрей со спутниками остановились на ночлег в холмистой местности на излучине Борисфена. Леса там были знатные – тенистые, богатые на всякую дичь и потому для пешего человека небезопасные. Андрей сотоварищи нашли место повыше, на одном из холмов правого берега реки, соорудили костер, чтобы зверье всякое отпугивать, и заснули.

На следующее утро с первыми лучами солнца Андрей проснулся и по обыкновению решил вознести молитву Господу. Он и сейчас помнил то волшебное утро, когда он взшел на вершину холма и замер, очарованный открывшимся видом. Прямо перед ним над бескрайней зеленой равниной вставало оранжевое, отливающее медью, солнце. Оно появлялось медленно, неторопливо, постепенно заполняя светом и теплом каждый уголок этой прекрасной земли, раскинувшейся на берегах Борисфена. Андрей накинуд на голову таллиф, опустил на колени и стал молиться. И так сильна была его молитва, что пришло ему в тот час видение, будто стоит он вместе со своим Учителем перед сверкающими на солнце вратами великого города, в котором множество золотых куполов, а люди живут в мире и достатке. Вдохновленный видением, он обернулся и воскликнул, обращаясь к своим спутникам: «Видите ли горы эти? Верьте мне, что на этих горах будет построен великий, Божий Город, и будет в нем множество храмов во имя Иисуса Христа, и да благословен он будет в веках!».

Будто предвидел старец, что почти через тысячу лет после пророчества на тех горах возникнет Киев, а в греческом городе Корсуни, откуда начал свой путь «из грек в варяги» Андрей, примет крещение киевский князь Владимир, и станет Русь оплотом христианской веры на востоке. Киев же с тех пор будет почитаться, как Восточный Иерусалим.

Андрей вздохнул и перевернулся на ложе на другой бок. Сон никак не шел к нему.

- Учитель, - вдруг послышался ему знакомый голос. Это был Астахис. Андрей приподнялся на ложе.

- Астахис? – спросил он. – Где ты? Откуда?

- Я подпоил стражника, он спит, - прошептал Астахис. – Я принес тут еды... Но, может быть, бежим? Я думаю, что смогу открыть замок.

- Нет, друг мой, - Андрей встал и подошел к решетке, чтобы в мерцающем свете факелов получше разглядеть своего верного ученика, с которым они прошли все Причерноморье. Стражник, и правда, спал, развалившись на полу у стены. – Я уже стар бегать от судьбы. На все воля Божья. Лициний пребывает сейчас в тяжких раздумьях, его совесть искушает сам сатана. Пусть он сам для себя решит – с кем он, я тому выбору не помощник и не судья.

Андрей увидел, что Астахис плачет.

- Не нужно, друг мой, в слезах правды нет, - произнес он ласково. – Лучше сделай для меня вот что. Там, в доме у Сосия, в моей дорожной сумке остался бесценный свиток, пергамент, на котором я когда-то записал логики самого Учителя, слова, слетавшие с Его благословенных уст. Много лет я ношу его с собой, сверяя каждое свое слово с Его великим учением. Ты сохрани, а еще лучше - перепиши этот свиток. Он – самое дорогое, что у меня есть. Когда я покину этот мир, свиток должен быть со мной.

- Хорошо, учитель, я сделаю, как ты просишь, - только и успел сказать Астахис, как послышался шум – шла смена караула. Верный ученик торопливо затушил факел и растворился в темноте.

Когда он вернулся домой, то обнаружил, что Сосий пребывает в чрезвычайном возбуждении, беспрестанно расхаживая по дому вместо того, чтобы спать. Это был человек крупного телосложения с не очень-то здоровым цветом лица, но добропорядочный и честный.

- Как он? – Сосий бросился к Астахису.

- Жив и крепок духом, - ответил тот.

- Я не могу себе простить, - Сосий покачал головой, - что не сберег его, не спрятал... Он вернул меня к жизни. Столько лет я был болен, не мог и двух шагов ступить, задыхался, уже и гроб себе купил – вон он, во дворе стоит... А Андрей спас меня, и тут вот такое...

Астахис по-братски обнял грузного Сосия.

- С ним все будет хорошо, - прошептал он. – Я верю в это. Идем, я расскажу тебе, какая однажды была с ним история. Они присели на лавку и Астахис стал рассказывать.

- Путешествуя по Причерноморью, пришел как-то Андрей в крепость Тиру, что располагалась у северных границ империи. Там он направился к солдатским казармам, только что построенным вблизи крепостных стен над стремительной рекой Тирас. Вечером, когда воинские учения закончились, и командиры ушли спать, он пришел на учебный плац к собравшимся там легионерам и стал рассказывать им об Иешуа. Андрей – великолепный рассказчик и воины слушали рассказ о земной жизни Сына Божьего, как зачарованные. Но нашелся один солдат - язычник, который, выйдя из казарм, поспешил в город и направился в дом, в котором жил центурион этого легиона, носившего имя Македонского. Услышав рассказ доносчика, центурион пришел в ярость, оделся и велел подать коня. Вскоре вместе со стражей он прискакал в казармы и приказал схватить и связать Андрея. Когда же учителя привели к военачальнику, центурион закричал:

- Разве ты не знаешь, несчастный, что под солнцем не было, нет, и не будет более величественного царства, чем великий Рим, да продлятся дни императора вечно? Разве не ведом тебе закон, в котором ясно сказано, что самозванец Иешуа Га-Ноцри был распят по воле своего собственного народа за то, что смущал умы добропорядочных граждан безумными проповедями? И что всех, кто проповедует его учение, ждет смертная казнь?

- То мне ведомо, - спокойно отвечал Андрей, глядя прямо в глаза разгневанному воину, но и ваш император, и вы заблуждаетесь, и мне искренне жаль вас. Ибо царство Божие близко, оно скоро настанет, и вам не будет в нем места, и это будет справедливо!

Центурион в ярости не пожелал далее слушать. По его приказу Андрея жестоко избили плетью, вывезли из города и бросили посреди степи. А солдат, осмелившихся вступить за него, арестовали и на первом же корабле отправили в Рим, где они были брошены на растерзание львам на потеху римской публике.

Но вот что случилось с центурионом, велевшим избить и изгнать из Тиры Андрея и пославшим в Рим на смерть своих солдат: однажды, возвращаясь с пирушки, он решил искупаться в Тирасе. Он вошел в реку, но был пьян, не справился с быстрым течением, захлебнулся и утонул. А солдата - доносчика вскоре ужалила змея, он разболелся и умер.

Андрея же, окровавленного и без сознания, в степи подобрала геты – местные пастухи. Много дней гетские лекари боролись за его жизнь, сменяя друг друга у его ложа. Лечили целебными травами, козьим молоком и прозрачной родниковой водой. А когда он стал поправляться, они целыми семьями приходили к нему и часами слушали его рассказы о земной жизни и деяниях Иисуса из Назарета, Его распятия и чудесном воскрешении. Потом геты уходили и возвращались обратно со своими родичами и многочисленными друзьями. Не иссякал людской поток у его постели, и только ночью там становилось безлюдно и тихо. Со временем Андрей научился у них врачеванию, а геты приняли от него светоч истины. Так новое учение, несущее свет и успокоение простому человеку, распространилось по всей Великой Степи, словно разнес его быстрый южный ветер. Вот каков наш учитель, - так закончил Астахис свой рассказ и прошептал: - Господе, Отче наш, милостив будь к рабу твоему Андрею, спаси и сохрани его....

Однако утро принесло плохие вести. Лициний не только не опомнился, но приказал привести Андрея на его личный суд. Пытаясь утратить старца, проконсул лично спустился в специальную комнату для пыток, чего никогда ранее не делал. Это место пахло кровью и смертью – не лучшие запахи для носатого римского наместника.

- Не тот ли ты Андрей, который по всему Причерноморью разоряет храмы наших богов и проповедует людям недавно появившуюся веру, которую римский император повелел искоренить? – спросил Лициний, презрительно взирая на старца с высоты своего кресла.

Андрей, который и со связанными руками держался ровно и достойно, взглянул прямо в глаза римлянина.

- Я несу миру слово новой истины, дарованное нам сыном Божиим Иисусом Христом, распятым в Ершалаиме и воскресшим на третий день, - медленно произнес он. - Римский же кесарь еще не познал, что идолы, которым он поклоняется, не только не боги, но и еще нечистые бесы - враги людям, ибо они научают людей злу. Поклоняясь им, люди ставят богатство выше духовной чистоты, собственное благополучие - выше блага всего народа, а плотские наслаждения - выше возвышенной любви. Бесы пленяют таких людей и до тех пор обольщают их, пока душа не отойдет от тела, имея при себе одни только свои грехи. Тем самым в мире приумножается Зло. Тебе, судии земному, еще надлежит познать высший, Божий суд, над которым погрязший в распутстве и похоти Рим не властен.

- Замолчи! – гневно вскричал Лициний и вскочил с кресла. – Ведь твой учитель, когда проповедовал эти пустые басни, был пригвожден его собственным народом к кресту, как последний и презренный раб! Как же можно верить в то, чему он учил?!

- О, если бы ты был способен постигнуть таинство креста! – смело воскликнул Андрей. – Учитель наш претерпел крестную смерть не по принуждению, а по воле Всевышнего. Он знал, что его предадут, как знал и то, что его ждут крестные муки, и принял их во имя искупления грехов человеческих. Знаешь ли ты, почему наша вера – подвиг? Потому, что легко и просто любить богов во славе, могущественных и сильных. И совсем другое дело – служить Богу униженному и распятому. Но сам ответь, кто ближе к людям – заоблачный и грозный властелин или Богочеловек из плоти и крови, страдающий и подымающийся из праха, как они? Бог, мечущий молнии, или источающий любовь? Жаждающий кровавых жертв или свободной любви человека?

- Я выбираю сильного бога, - отвечал Лициний, усаживаясь обратно в кресло, - и удивляюсь, как ты, прожив столько лет, веришь во все эти сказки.

- Я свидетельствую об истине! - воскликнул Андрей. - Если желаешь слушать, я объясню тебе Его учение, ибо я сам был с Ним!

- Плата за это учение – позорное распятие на кресте, - заметил проконсул. – Я для себя такой судьбы не хочу.

- В том распятии заключена тайна обновления человечества, - Андрей не сдавался. - Выслушай меня терпеливо!

- Я не желаю тебя слушать! Говорю тебе: если ты не исполнишь того, что я тебе приказываю, ты ту же тайну креста понесешь на себе.

- Если бы я боялся крестной казни, то не прославлял бы погибшего на кресте никогда, - заметил ему на это старец.

- Я вижу, как ты по своему безумию прославляешь распятого на кресте, так по дерзости своей не боишься смерти.

- Не от дерзости, но от веры я не боюсь смерти, - ответил на это проповедник. - Смерть праведников честна! Я хочу, чтобы ты послушал о тайне крестной и, познавши истину, снова обрел свою душу!

- Обрести можно только то, - сказал проконсул, - что потеряно. Ужели моя душа потеряна, если ты предлагаешь мне обрести ее верою, мне совершенно неизвестною?

- Всему этому ты можешь научиться от меня, - сказал Андрей. - Я покажу тебе, в чем глубина душ человеческих, чтобы ты познал, где спасение их.

- Ты рассказывай свои сказки тем, кто тебя захочет слушать; но если же ты моего повеления не исполнишь и богам нашим жертвы не принесешь, то я прикажу бить тебя палками и потом распять на кресте, как распяли того, которого ты так прославляешь, - ответил Лициний.

- Я, - сказал на это Андрей, - единому, истинному и всеильному Богу приношу не золото, не мясо волов, не кровь козлят, но веру и любовь. Тем велик Он, ибо жертвы и подношения – ничто по сравнению с дарами духовными. Бог творится молитвами.

- Как же это может быть? – спросил Лициний. Незаметно для самого себя, он уже беседовал с Андреем так, будто они были не в комнате для пыток, а в саду его резиденции, где проконсул любил прогуливаться, предаваясь философским размышлениям. - Вот объясни мне: если Он, как ты говоришь, убит, то, как же может быть жив и невредим?

- Если ты уверуешь всем сердцем, - ответил Андрей, - то можешь узнать эту тайну; если же не уверуешь - не познаешь ее никогда!

Лициний ощутил злость и разочарование. Он стремился подавить дух немощного на вид старца, но тот не только не сдавался, но, казалось, только становился сильнее.

- Последний раз спрашиваю тебя: надумал ли ты оставить свое безумие? – спросил он. - Согласился ли ты не проповедовать более? Идти самовольно на мучения – великая глупость!

- Безумен не тот, кто следует истинным идеалам, и готов за них хоть на крест, хоть в кипящую смолу, но тот, кто упорствует в своем заблуждении, за что судим будет совсем другим судом!

- Я для того-то и требую от тебя принести жертву богам нашим, - сказал Лициний, - чтобы прельщенные тобою оставили твое зловерное учение. В Ахайи пустеют храмы, поэтому тебе и следует восстановить честь их, чтобы прогневанные тобою боги тобою же были и умолены. Если же ты этого не сделаешь, то за бесчестие устоев Римской империи примешь муки и будешь повешен на кресте!

- Я только хотел научить людей новой истине, - кротко ответил Андрей. – Я никого не принуждал и не разорял храмов, ибо насилие чуждо мне. Люди сами слушают и внимают той вере, которая им ближе. Я вижу, что ты остаешься в своем бесстыдном заблуждении и думаешь, что я страшусь крестных мук. Говорю тебе - готовь их, готовь самые тяжчайшие, какие только знаешь! Я не боюсь!

Лициний потерял терпение. Будучи в чрезвычайном раздражении, он позвал солдат, приказал им растянуть праведника на земле и бить его плетью. Когда же те

пришли в изнеможение, Андрея подняли и снова подвели к проконсулу. Старец едва держался на ногах, но взгляд его был по-прежнему тверд.

- Мне донесли, что ты – великий лекарь, но если ты меня не слушаешь, то я сейчас же прикажу распять тебя, - сказал Лициний, – если, конечно, ты не найдешь чудесного способа спастись. Может быть, твой Бог тебе поможет? – в его голосе сквозила насмешка.

- Не поминай Господа своего всеу, - сказал на это Андрей. - Я крестной смерти не боюсь, а вот спастись надо бы тебе. Ты можешь избежать вечных мук, если отпустишь меня, и не будешь препятствовать мирной проповеди. Я печалюсь больше о твоей гибели, нежели о своих страданиях. Мои страдания скоро окончатся, твои же и по истечении тысячи лет не будут иметь конца. Не увеличивай себе мук, не распай для себя огня вечного!

Эти слова привели проконсула в неопределимую ярость: этот жалкий старик еще осмеливался ему угрожать! Он тотчас приказал распять Андрея на кресте, привязав его за руки и за ноги. Он не хотел прибавить его к кресту гвоздями, чтобы тот быстро не умер: будучи привязанным, его муки должны были быть гораздо продолжительнее. И крест был выбран кривой формы, в виде римской цифры «X», чтобы можно было его переворачивать вниз головой, увеличивая страдания.

Когда Андрея вели на площадь, около места казни собралось множество народа, возмущенного бессмысленным и жестоким намерением казнить старца-лекаря. Но Андрей сам умолял народ не препятствовать его палачам, говоря: «Не ставьте насилия – против насилия, а зло – против зла! Учитель наш, будучи предан на смерть, показал прощение и терпение. Он не противоречил, и не призывал к бунту. Поэтому и вы не ропщите, и будьте смиренны. Если и нужно чего бояться, так это только вечных мук; наказания же и мучения от людей подобны порывам ветра: они как внезапно появляются, так же внезапно и исчезают. Бойтесь только тех мук, которые не имеют конца. Временные земные страдания, если они не сильны, то легко переносятся; если же трудны и превышают телесные силы, то, разлучив душу с телом, сами прекращаются. Все в воле Божьей».

План Лициния не исполнился - еще не зашло солнце, как святой старец испустил дух. Проконсул в это время распутствовал на пиру. Тогда жена его Калиста приказала снять тело Андрея с креста и перевезти в дом Сосия. Там они вместе с Астаксисом намазали тело великого старца драгоценными маслами и благовониями, и положили в мраморный гроб, который Сосий приготовил, было, для себя. Той же ночью Астаксису во сне явился Андрей и просил положить с ним в гроб тот самый бесценный манускрипт с логиями Иисуса Христа, который он всегда имел при себе. Астаксис успел переписать его, как и просил учитель, а тот, что был написан рукою самого Андрея, положил к нему в гроб в кожаной сумке. На следующее утро Калиста пришла в дом Сосия и была с ними в трауре, пока гроб не свезли на местное кладбище. Лициний узнал об этом и в ярости вознамерился выгнать ее из дому, гроб разорить, а Сосия и Астаксиса подвергнуть всенародному

позору и казни, но этого ему исполнить не удалось. Злоба так переполнила его, что проконсула хватил удар, и он умер.

Все это случилось в Ахайи, в городе Патры в последний день ноября месяца 62-го года. А крест, на котором распяли Андрея, с тех пор называется Андреевским.

Глава 19. По следам реликвий

Сергей Михайлович был крайне расстроен. Он сидел за столом в своем кабинете, стараясь сосредоточиться. Столько усилий затрачено, а они ни на шаг не продвинулись в поисках мифического евангелия от Андрея, которое, по предположению Анны, вполне могло претендовать на роль Q-документа, ставшего основой трех канонических евангелий Нового Завета. Трубецкой уже вошел в азарт этой истории, и во что бы то ни стало хотел достичь результата. Теперь же было ясно, что рукопись, если она вообще существовала и была подарена княгине Ольге после ее крещения в Константинополе, скорее всего, уехала в неизвестном направлении вместе с библиотекой Ярослава и ее не достать, во всяком случае, в обозримом будущем. В глубине веков, с момента пожара в церкви святой Софии почти тысячу лет тому назад, терялись и следы ковчега с мощами святого Андрея, ведь никаких более поздних следов реликвии обнаружить так и не удалось.

Неожиданно и как-то резко зазвонил телефон. Анна даже вздрогнула, а Трубецкой поспешил снять трубку. Это был Константин Львович, декан его факультета.

- Сергей Михайлович, здравствуйте! Как у вас дела? – с подчеркнутой заботой в голосе поинтересовался декан.

- Да все в порядке, спасибо, - ответил удивленный Трубецкой. Декан не был знаменит подобным вниманием к коллегам. – Мой отпуск ведь еще не закончился... Что-то случилось?

- Да как сказать, - Константин Львович на другом конце трубки явно пребывал в замешательстве. – Тут письмо одно пришло...я не хочу даже говорить откуда...сами понимаете... Жалуются на вас, – вдруг выпалил декан.

- Жалуются? – Сергей Михайлович был крайне удивлен. – Кто и на что конкретно?

- Да вот говорят, история с вами приключилась в Турции, привод в полицию зафиксирован... да и по Киеву уже легенды ходят, как вы под Святую Софию чуть подкоп не организовали...

Трубецкой от возмущения даже не сразу нашелся что ответить.

- Откуда кляуза? – довольно резко спросил он.

- Да не могу я вам сказать, - перешел на шепот декан. – Но предписано немедленно отозвать вас на службу и поставить на вид о недопустимости подобных действий.

- Знаете что, Константин Львович, - Сергей Михайлович взял себя в руки, – вы этим, о которых только шепотом и то нельзя говорить, скажите, что вы мне не дозвонились. Добро? До встречи на баррикадах!

Трубецкой положил трубку и коротко пересказал содержание разговора Анне, которая сидела в кресле Трубецкого, забравшись в него с ногами.

- Ты все правильно ему сказал, - Шувалова целиком была на стороне мужа. – Любопытно, какая это сволочь пишет подобные письма?

Сергей Михайлович пожал плечами:

- Знаешь что, мне неохота на это время тратить. Ну их к черту!

Он встал и прошелся по кабинету, засунув руки в карманы, вдруг остановился, как вкопанный. Затем стукнул себя по лбу и воскликнул: «Господи, как же я раньше не догадался! Вот тупица!»

- Что ты имеешь в виду? – удивленно спросила Анна.

- Я имею в виду, что мы с тобой уже столько времени ищем разгадку, а ведь она, скорее всего, у нас под носом!

- Говори же, о чем это ты? – повторила Анна с нетерпением. – Об авторе этого дурацкого письма?

- Да нет же! - Сергей Михайлович пожал плечами. – Я уже забыл о нем. Скажи лучше, а что ты думаешь про Андреевскую церковь?

Анна замерла. А ведь Сергей Михайлович прав!

- О, Боже....

- Вот-вот. Я припоминаю, что церковь эта построена именно там, где она сегодня стоит, не случайно. Там и раньше была церковь, сначала, кажется, она называлась Крестовоздвиженская, а затем - святого Андрея, и по легенде именно потому она там стояла, что якобы на этом месте Андрей Первозванный благословил будущий город Киев, и крест водрузил. Мы-то с тобой понимаем, что никакого креста не было, но я уверен, что место это все равно непростое. Аня, чувствует мое сердце, что мощи святого Андрея, если они сохранились, находятся где-то в Андреевской церкви! – торжественно произнес Трубецкой. – У меня аж затылок вспотел... – Он провел рукой по волнистым волосам. - Возможно, там хранятся не только его мощи!

- Но это все – догадки, чем ты можешь их подтвердить?

- Ничем. Считаю это интуицией.

- Ничего не скажешь, мощное оружие в руках исследователя...

- Твоя ирония не уместна. Вот знаешь ли ты, например, что первую церковь на месте нынешнего храма в честь святого Андрея заложил князь Всеволод еще в XI веке? Скажи, разве не логично предположить, что когда строили первую Андреевскую церковь, то именно в нее могли перенести мощи святого, именем которого она названа? Да, Собор Софии – самый важный, кафедральный, однако если недалеко от него строится специальная церковь имени Андрея Первозванного, святителя и покровителя Руси, то там и место святым мощам! Мне кажется, это очевидно.

- И что же случилось дальше?

- Та первая церковь была деревянная, она сгорела, как и Десятинная, в 1240 году, во время битвы с татаро-монголами. Потом на ее месте несколько раз восстанавливали деревянную же церковь, но каждый раз из-за оползней здание приходилось перестраивать. Так продолжалось, пока, наконец, русский строитель Иван Мичурин, который возводил нынешнюю Андреевскую церковь по проекту итальянца Бартоломео де Растрелли, не догадался углубить фундамент постройки до сорока метров! Мне однажды рассказывали – я только сейчас вспомнил, - что на самом деле внутри холма есть еще одна – подземная церковь и даже источник с особой целительной водой. Когда фундамент углубляли, то и подземные ходы там нашли в сторону Софии – все, как полагается. Так что мои догадки имеют под собой совершенно реальную почву. Вполне возможно, что связанные с Андреем Первозванным реликвии вовсе не сгорели в Софиевской церкви, а были сохранены в Андреевской!

Обсудив все детали, они пришли к выводу, что версия Трубецкого достойна проверки, и Сергей Михайлович с Анной отправились к Андреевской церкви.

Как и следовало ожидать, работники музея-церкви не смогли дать никакой дополнительной информации об ее прошлом. Все, что им было известно – это фамилия архитектора Растрелли, которого они называли, почему-то, Варфоломеем, да общеизвестные факты из относительно недавней истории храма. Трубецкому и Анне ничего не оставалось, как перейти к внешнему осмотру сооружения. Начать они решили с посещения неясного назначения двухэтажного здания в фундаменте церкви, однако уткнулись в самодельную табличку «Посторонним вход воспрещен» на закрытых дверях.

- Ну и что? – сказала на это Анна и пожала плечами. – Мы им не посторонние!

Она принялась стучать. Через минуту у дверей появился священник. Он был весьма интеллигентного вида, с аккуратной бородкой и длинными гладко зачесанными назад волосами.

- Что вам угодно? – спросил он.

- Мы бы хотели поговорить с кем-нибудь об апостоле Андрее Первозванном. Вы можете нам помочь?

- О ком? О чем? – переспросил священник. Он явно не ожидал подобной просьбы.

- Мы историки и занимаемся изучением фактов из жизни святого апостола Андрея, - Анна постаралась, чтобы эта фраза прозвучала как можно более убедительно.

- Нас интересуют некоторые обстоятельства, известные из хроник, и свидетельствующие о связи святого апостола с Византией и Русью, - добавил Сергей Михайлович.

- Его или его останков... - снова вступила в разговор Анна.

Священник внимательно посмотрел на нее, потом на него. Было видно, что он не решается принять какое-то решение.

- Хорошо, - кивнул он, наконец, - я уделю вам время, уважаемый профессор Трубецкой.

Сергей Михайлович был чрезвычайно удивлен.

- Вы меня знаете?

- Разумеется. Мы знакомы с вашими работами по переводам Библии, да и по Киевскому письму вам удалось немало интересного открыть. Хочу заметить, что мы не во всем, далеко не во всем разделяем ваши взгляды, однако лично я читаю ваши статьи с удовольствием.

Последнюю фразу он произнес, уже сопровождая Трубецкого и Анну в свой кабинет.

- В этом здании расположено общежитие для семинаристов, тут нет никаких интересных для посторонних объектов, - сказал он, приглашая их присесть. – Так чем я могу вам служить?

- Простите, а вас как величать? – переспросил Трубецкой.

- Это вы меня простите, я не представился. Отец Тимофий.

- Нам кажется, святой отец, что в этом здании кроме семинаристов есть еще кое-что, и это кое-что представляет колоссальную духовную и историческую ценность.

- Да? – Тимофий сделал удивленное лицо. – И что же это?

- Мощи святого апостола Андрея Первозванного, - просто и без обиняков произнес Сергей Михайлович.

- А может быть, и не только мощи, - добавила Анна.

Тимофий посерьезнел. Он снова внимательно посмотрел на своих гостей. На его лице было написано сомнение и внутренняя борьба.

- Господь заповедал нам «не лги», – наконец, произнес он. – И я не могу нарушить Его заповедь. Что же, вы правы в вашей догадке, Сергей Михайлович, - продолжил Тимофий. – Действительно, здесь, под престолом подземной церкви, в целостности и сохранности сберегаются мощи святого апостола Андрея – подарок императора Византии Константина Багрянородного великой равноапостольной княгине Ольге. Но я говорю это только для вас и в случае, если эта информация станет публичной, я буду категорически ее отрицать. Однако позвольте спросить, откуда вы об этом узнали?

- Это очень долгая история, - Анна переглянулась с Трубецким и решила взять инициативу на себя. – Значительно интереснее было бы услышать ваш рассказ о том, как мощи оказались здесь. Не откажете нам в такой любезности?

- Хорошо, - произнес отец Тимофий. – В общем-то, тут нет никаких тайн. Все было так. Киевский князь Всеволод отлично понимал значение для Киевского государства известного из сказаний Нестора-летописца факта благословения Руси святым апостолом Андреем Первозванным. Он принял решение увековечить это событие и поставить на этом холме церковь в его честь. С согласия тогдашнего митрополита Иоанна рака с мощами святого Андрея была перенесена из Софиевского собора в новую церковь. Поскольку храм был деревянный, в целях сохранности рака была помещена в каменную капсулу и спрятана в глубине холма под алтарем. Там она благополучно пережила все эти годы, и войны, и пожары в том числе. Кто знает, может потому Киев и выстоял во всех напастьях, что душа его

оставалась здесь неприкосновенною? А когда строили новый каменный храм, строитель по имени Иван Мичурин нашел раку, схоронил ее до поры до времени и после окончания строительства нижней, подземной церкви передал ее монахам. Они и поместили ее под престолом. Там она хранится и поныне.

- Но ведь об этом никто не знает....

- Не буду отрицать, этот факт не афишируется. Мы считаем, что о святых реликвиях можно будет объявить лишь тогда, когда люди будут готовы их принять. Это ведь не шуточное дело. Ведь если сейчас огласить на весь свет, что рака с мощами Андрея Первозванного хранится в Андреевской церкви, конца и края не будет спорам кому она принадлежит. Имя апостола и его мощи могут стать причиной раздора, а не единения. Нет уж, лучше повременить, всему свое время. Тем более что для истинно верующего человека сама Андреевская церковь уже служит магнитом – настолько она прекрасна. Согласитесь, вы ведь всегда чувствовали особую духовность внутри именно этой церкви. Ведь так?

- Так, - согласился Сергей Михайлович. – Но остается еще один вопрос. Только ли мощи хранятся в подземной церкви?

- Что вы имеете в виду? – было очевидно, что на этот раз Тимофий действительно не понимает, о чем идет речь.

- Мы подозреваем, что вместе с мощами княгиня Ольга привезла из Византии еще и некоторые рукописи, восходящие к самому апостолу... Логично ведь предположить, что он не только проповедовал, но и записывал божественные логики Иисуса Христа.

- Вы намекаете на евангелие от Андрея? – переспросил Тимофий без малейшего сарказма в голосе. – Если бы... Увы, ничего подобного у нас нет, и я никогда не слышал, чтобы такой документ существовал, или его где-либо нашли. Если вам удастся что-то узнать – обещайте сообщить мне, услуга за услугу. А пока – прошу вас хранить то, что я вам сказал, в тайне. Настанет время, и святой Андрей вернется на Русь, даю вам слово.

Глава 20. Peter the Princeps

- Петр, Петр, - раздались крики с улицы, и в дом вбежал Варнава. – Симон-маг объявился в Ершалаиме! Чудеса творит на базарной площади, проповеди читает.

Петр не без труда поднялся и присел на ложе – годы уже давали о себе знать.

- Что же говорит этот мошенник? – спросил он с тревогой в голосе.

- Утверждает, что он - это и есть земное воплощение Бога-Творца, - ответил Варнава и добавил: - И с ним немало самарян пришло, очень крикливых.

Проблема, надо признать, была не из простых. Проходимец по имени Симон-маг уже много лет путешествовал по всей Малой Азии, и дошел даже до Рима, где своими способностями снискал внимание императора. Он был родом из селения Гитта, что в Самарии, и долгое время провел в Египте, обучаясь всяким волшебствам у тамошних храмовых жрецов. Симон достиг высочайшего мастерства в искусстве врачевания, взаимодействия с духами и производства чудес.

Вернувшись из Египта, он поразил жителей Самарии своим умением проникать сквозь стены, ходить по горячим углям, снимать оковы, изгонять бесов и излечивать слепых и хромых. Поскольку в те же годы по земле Иудеи шла молва о чудесах, совершаемых Иисусом Христом, Симон утверждал в своих проповедях, что он – не меньший за самозваного мессию. Когда же Иисуса распяли, он возрадовался и еще громче стал говорить, что такая позорная смерть не может быть уделом Сына Божьего, а потому был Иисус обычным человеком, производившим чудеса, и все тут. А вот, дескать, он, Симон-маг, может и с креста сойти, если потребуется. Многих сей грешник сбил своими рассказами с пути истинного.

Слухи об этих гнусных деяниях доходили до Петра и раньше. А однажды апостол Филипп сам столкнулся с Симоном-магом в Самарии. Филипп проповедовал в тамошней общине, когда Симон, улучив момент, пришел к нему один и просил даровать ему частичку Святого Духа в обмен на деньги. Филипп гневно отказал проходимцу, ибо нельзя купить благословение Всевышнего таким способом, оно даруется только искренне верующим, у которых Бог – в сердце. С тех пор Симон еще яростнее стал ругать христиан, не предлагая, впрочем, ничего взамен, кроме своих магических уловок. Так продолжалось много лет и вот, наконец, Симон пришел в Ершалаим. Настал момент самому Петру встретиться с этим обманщиком лицом к лицу.

Опираясь на посох и в сопровождении учеников, Петр отправился к базарной площади. Там он увидел восторженную толпу, перед которой на возвышении находился человек весьма привлекательной, это следовало признать, наружности. Ему, очевидно, было около шестидесяти, он был смугл, невысок, но строен, с тонкими чертами лица и выразительными глазами. Длинные, вьющиеся, подернутые сединой волосы спадали на плечи, сдерживаемые тонкой повязкой на лбу.

- Принесите его ко мне! - прокричал этот человек в толпу. - Принесите же его!

Тотчас откуда-то со стороны появились двое самарян, которые несли на носилках человека, закрытого с головой погребальным покрывалом. Они опустили носилки на землю перед Симоном. Толпа затихла.

Симон опустился на одно колено, отвернул покрывало и громко провозгласил:

- Этот человек уже мертв, и я призываю вас в свидетели, что его душа готовится отлететь на небеса! Но подождите, силою, данною мне Всевышним, я воскрешу его!

Симон нагнулся к лежащему и стал производить какие-то движения руками. При этом он громко бормотал заклинания, молитвы на непонятном языке, - все вперемешку. Наконец, он достал из-за пояса флакон с какой-то темной жидкостью, и влил в рот «мертвецу». Прошло несколько секунд. Лежачий вдруг задергался, как в судоргах, а из его рта пошла пена.

- Смотрите, - вскричал Симон, - это ангел смерти выходит из него!

Наконец, человек на носилках повернул к толпе голову и поднял руку. Раздались крики благоговейного ужаса. Но продолжения спектакля не последовало – Симон скомандовал носильщикам, и они унесли «ожившего мертвеца» прочь.

- Призываю вас в свидетели, - снова вскричал Симон, обращаясь к толпе. - Чем я хуже того распятого лжепророка, о котором проповедуют христиане? Он иудей? И я. Он оживлял мертвых? И я. От него прозревали незрячие и излечивались хромы? У меня таких множество!

- Но есть ли в твоём сердце любовь? – раздался громовой голос Петра.

Все, включая Симона, затихли.

- Есть ли в тебе Дух Святой? – продолжил Петр. – Что несешь ты миру, кроме египетских бесовских чудес?

Симон-маг сложил руки на груди и, слегка склонив голову набок, насмешливо взглянул на Петра.

- Не ты ли тот самый Симон-Петр, который мнит, что имеет в себе Духа Святого? Что же он не помешал тебе трижды предать своего Учителя? Хорошо ли ты спишь на рассвете, когда кричат петухи? – ответил вопросом на вопрос Симон. В толпе раздался смех. – Я долго ждал нашей встречи.

- Я каждый день молю Всевышнего о прощении, и каждый час служу Ему словом и делом, - отвечал Петр, – и не тебе попрекать меня. Как смеешь ты, обманщик и лжец, свидетельствовать о Христе? Учитель наш был распят не потому, что того хотели Понтий Пилат и Каифа, но так было предначертано свыше, ибо Сын Человеческий не умер, но воскрес! Он приходил не для того, чтобы Ему служили, но чтобы Он сам послужил роду людскому! Он учил покаянию и царствию небесному, а чему учишь ты, самарийский маг?

- Что мог твой распятый пророк? Я же из воздуха сотворил душу мальчика, ранее невинно убиенного, и с помощью непроизносимых заклинаний призвал ее помогать мне. Душа эта делает все, что я ей прикажу, - голос Симона гремел над площадью. – Я могу своей силой обращать воздух в воду, воду – в кровь, а кровь – в плоть, и создавать новое человеческое существо. И существо это более благородно, чем творение Бога, ибо Он сотворил человека из глины, а я – из воздуха!

- Ну, и где же твоё творение? - вскричал Петр.

- Я его сотворил, и я же уничтожил его, вновь превратив в воздух, дабы вы не создали себе ложного кумира из нерожденного женщиной живого существа. Но его видели многие, и они тебе о том скажут, - он показал рукой на окружающую его толпу и народ взревел приветственными криками.

Симон сделал им знак успокоиться.

- Вот, к примеру, я тут слышал, что твой Учитель оживил мертвого Лазаря, которого уж спеленали и положили в пещере на три дня. Так ли это было? – вдруг спросил он.

- Так, - отвечал Петр.

- Пойдемте все со мной! – вскричал Симон, махнул рукой, и вся толпа устремилась с ним прочь из Ершалаима. Петру ничего не оставалось, как последовать вслед за ними. Симон со сторонниками остановился вблизи одной из пещер, что располагалась в Енномской долине прямо за городскими стенами. Там его ждала женщина неземной красоты, которая держала в руках два глиняных сосуда, обычно используемых для воды.

Симон показал жестом толпе расступиться и дождался, пока рядом с ним не оказался Петр.

- Давай-ка, прежде всего, утолим жажду, - сказал он, обращаясь к Петру. Он взял у женщины один из сосудов и протянул ему. Другой взял сам и стал пить. Петр был вынужден тоже сделать несколько глотков. Он не успел даже осознать, что происходит, ибо голова его мгновенно закружилась, он почувствовал, как сознание покидает его, и наступила темнота.

Петр очнулся в сумраке и попробовал пошевелить руками и ногами. Сначала ему этого сделать не удалось, ибо он лежал, плотно обвернутый погребальным саваном. Тогда Петр, чья физическая сила все еще была с ним, напрягся и разорвал тонкую ткань.

- Симон-Петр, - раздался снаружи громкий голос, - воскресни! Выйди к нам живой и невредимый!

Петр не понимал, что происходит. Он поднялся на ложе, сорвал с себя останки савана, и увидел, что находится в небольшой пещере. Он отвалил камень, которым был прикрыт вход, и вышел наружу. Вокруг пещеры стояла огромная толпа, во главе с Симоном-магом. При появлении Петра, который щурился на яркое солнце, прикрывая глаза рукой, все смолкли.

- Ну, вот вам и все чудо воскрешения мертвых, - произнес Симон-маг, обращаясь к толпе, - обыкновенный сок мандрагоры. Слава Создателю! - вскричал он, чем вызвал восторженный рев толпы. Он махнул рукой и увел людей от пещеры обратно в город. С Петром остался только Варнава.

- Ты можешь мне объяснить, что тут происходит? - спросил его Петр, когда все стихло.

- Ты выпил какую-то жидкость и упал замертво. Все, кто хотел, подошли к тебе и убедились, что ты не дышишь.

- Ты тоже в этом лично убедился? - переспросил Петр.

- Да, - ответил Варнава, виновато отведя взгляд. - Я готов поклясться, что ты был мертв.

- И что же было дальше?

- Тебя завернули в саван и положили в пещеру. Они не дали мне тебя забрать, ибо Симон при всех сказал, что ты воскреснешь. Я сторожил пещеру все эти дни. А потом снова пришел Симон-маг со своими подручными и вскричал, чтобы ты воскрес и вышел из пещеры, что и случилось.

- Да, - Петр задумчиво потер подбородок, - с этим Симоном будет нелегко справиться, - сказал он.

- Это будет тем более нелегко, - сказал Варнава, что ты умер три дня тому назад.

Всю ночь Петр молился. Он просил Господа даровать ему крепость духа и силу разума, чтобы победить Симона-мага. Никто не знает, посетил ли его той ночью ангел, но на следующее утро Петр снова пришел на площадь.

- Смотрите, кто с нами, - кричал Симон, указывая перстом на Петра, - еще один воскресший из мертвых!

После этих слов в толпе раздался хохот. Петр выждал, пока все утихнет, а потом сказал, спокойно и с достоинством:

- Фокусы твои повторить могут многие, но вот против веры истинной они бессильны.

- Ты что же, снова хочешь состязаться со мной? – с угрозой в голосе спросил Симон. – Тогда давай так. Устроим состязание, а проигравший навсегда покинет Ершалаим. Идет?

- Согласен, - ответил на это Петр. – Я вот слышал, ты умеешь летать, так ли это?

- Так, - ответил Симон.

- Покажи.

Симон огляделся по сторонам. Множество глаз было устремлено на него, и отыгрывать назад было поздно. Тогда он направился к высокой сторожевой башне, что была сооружена у городских стен, поднялся на нее и сверху крикнул:

- Смотри, Петр, умел ли так делать твой мессия?

Он произнес какие-то заклинания, жесты руками, будто колдовал что-то, и .... на глазах у всех поднялся в воздух над башней.

Толпа замерла в восхищении. Тогда Петр упал на колени и громко взмолился:

- Господи Иисусе, Сын Божий, умерший на кресте и воскресший, искупивший грехи наши, и сущий на небесах! Яви свою волю и силу Ершалаиму, изгони бесов, несущих этого человека!

В этот момент среди ясного голубого неба прогремел гром, от которого Симон-маг был сброшен вниз, да с такою силою, что разбился насмерть.

Толпа стояла в оцепенении. Потом часть людей бросилась к неподвижному телу, а часть – к Петру. Его схватили и потащили к римлянам. Как Варнава не пытался пробиться к Петру, ему этого сделать не удалось.

- Он убийца и возмутитель спокойствия, – кричали иудеи и самаряне, влача Петра, - требуем наказания для него по римскому закону.

Шум был так силен, что донесся до слуха римского префекта Иудеи Гессия Флора, известного народу своей жестокостью. Флор послал офицера узнать, в чем дело. Тот вернулся и доложил о случившемся.

- Это редкая удача, - сказал он вполголоса префекту. – Симон этот был человек необузданного и развратного нрава, но для нас - безвредный маг. А вот Петр – пастырь общины христиан, уже много лет смущает умы иудеев проповедями о грядущем царстве свободы и справедливости. Мы давно искали случая расправиться с ним и вот, кажется, такой день настал.

- Отлично, - произнес Флор и с одобрением взглянул на офицера. - А ты молодец, мне нравится ход твоих мыслей. Давай этого Петра сюда.

Петра, связанного, с кровоподтеками на лице и теле, привели к префекту.

- Знаешь ли ты, грязный старик, что погубленный тобою Симон из Гитты снискал снисхождение самого кесаря, был принят ко двору и демонстрировал свое умение императору? – спросил Гессий Флор, грозно взирая на старца.

- Это не удивительно, - смело отвечал Петр, - ибо Рим пребывает во тьме язычества и служит ложным богам. И я не убивал его, так как насилие противно мне; он сам накликал на себя гнев Божий тем, что обманывал народ, выдавая бесовские фокусы за проявление воли Творца.

- По-твоему, я тоже служу ложным богам? – с угрозой в голосе произнес Флор.

- Ты одержим ненавистью, жестокостью и коварством, - произнес Петр. – Твоя злоба уже стала причиной того, что многие иудеи и христиане вынуждены покинуть свои дома...

- Что ты печешься об иудеях? Я удивлен, - Флор уже не скрывал, что надсмехается над арестантом.

- Я пекусь обо всех людях, ибо Всевышний творец каждому из нас дал душу, чтобы мы преисполнились любви и заботились о своих ближних... Вот только о тебе, Гессий Флор, он, видимо, позабыл! У тебя нет души, потому и не видать тебе жизни вечной!

Префект в гневе вскочил с кресла. Этот старик перешел все границы!

- По закону об оскорблении кесаря, за устройство бесчинств и бунта в Ершалаиме, за проповедь ложного учения, которое вредит Риму, приказываю подвергнуть этого разбойника распятию! – громко выкрикнул он.

Услышав приговор, солдаты караула схватили Петра с двух сторон. Петр же закрыл глаза и вознес благодарственную молитву Всевышнему.

- Для меня честь принять смерть во имя Господа и быть распятым, как Спаситель наш, Сын Божий Иисус Христос, - выкрикнул он, гордо взглянув в глаза римлянина.

- Ну, нет, - произнес тот с издевкой. – Об этом и не мечтай! Охрана, – крикнул он снова, - распять его вниз головой! Для разнообразия!

Приказ префекта был исполнен в тот же день. Петр принял свою смерть в одиночестве, достойно, вознося молитву Господу, с которым он вскоре и встретился на небесах. А похоронили его ученики тайно, на иудейском кладбище, дабы не дать повода римлянам глумиться над останками. Лишь по прошествию многих лет мощи святого апостола были перезахоронены в оссуарии и помещены в особый склеп вместе с останками других первохристиан.

Глава 21. В Амальфи все спокойно

«Боже мой, - думал про себя Николас, наблюдая в окно вагона раскинувшиеся у подножья гор виноградники и сады, - совершить такое путешествие и лишь для того, чтобы, в конце концов, просто вернуться домой!». Размеренно покачивающийся поезд приближался к небольшому городку Амальфи, уютно примостившемуся на средиземноморских скалах неподалеку от Салерно. Именно сюда в 1208 году кардинал Петр Капуанский привез похищенные крестоносцами в Константинополе мощи святого Андрея Первозванного. По иронии судьбы город-порт Амальфи был основан, как и столица Византийской

империи, императором Константином, и тоже в IV веке. В этом была какая-то гримаса истории – закрыв глаза, своим мысленным взором Николас буквально видел, как закованный в латы рыцарь в плаще крестоносца открывает мощехранильницу и похищает останки святого, мирно покоящиеся рядом с саркофагом византийского императора, только для того, чтобы привезти их в другой город, основанный тем же императором. Николас был убежден, что если бы евангелие-первоисточник, как бы его не называли ученые и священнослужители, существовал, то его тоже похитили крестоносцы и вывезли из Константинополя поближе к Риму. Амальфи был бы отличным местом для его хранения.

Еще из Стамбула Николас позвонил профессору Руджери и рассказал ему о своей находке в мечети Фатих.

- Ну, конечно же, - воскликнул тот, - Амальфи! Как я сразу не догадался! Это все дело рук этого негодяя – Петра Капуанского, папского легата курии при войске крестоносцев. Это благодаря ему папа Иннокентий III умудрился натравить войско франков на братьев-христиан, следуя вероломным планам венецианцев. Петр Капуанский служил посредником в переговорах между баронами и папой, и лично немало сделал для того, чтобы Константинополь перешел под контроль латинян. Впрочем, папа и сам был хорош – крестовый поход детей, уничтожение альбигойцев, инквизиция и еврейские гетто – это все его рук дело.

- Но какова была его цель? Зачем надо было подвергать резне и разграблению братьев-христиан?

- Так в этом-то все и дело! Самой существенной добычей крестоносцев – и это было весьма характерно для той эпохи – стали священные предметы и реликвии. Разумеется, рядовые солдаты охотились, прежде всего, за золотом, однако тех, кто затеял всю эту позорнейшую резню – их интересовали ценности куда более вечные, чем презренный металл. Ведь именно после того похода вся Западная Европа оказалась буквально наводнена разнообразными «частичками животворящего креста», останками всевозможных святых, всяческими черепками. В этот же период возникла и легенда о Святом Граале... От верующих в церквях отбоя не было, а католическая церковь в результате приобрела могущество, по сравнению с которым меркла даже власть императоров. Это была тщательно спланированная гнусность, густо замешанная на обмане и лицемерии. Кстати, папа Иннокентий окончил свою жизнь весьма забавным образом: когда он скончался, кардиналы, разумеется, облачили его в пышные наряды и не забыли положить в гроб символы папской власти. Гроб с телом оставался в Ватикане всю ночь. Однако когда они пришли утром отпевать покойника, он лежал в гробу абсолютно голый. Кто, когда и как украл одежду и регалии человека, который железной рукой правил Европой в течение восемнадцати лет и был ответственен за гибель миллионов людей, так и осталось загадкой.

- Ник, я вовсе не уверен, что вам все это рассказывали в семинарии, - так закончил свою тираду Руджери.

Профессор был прав, но это уже особого значения не имело.

Поезд прибыл в Амальфи точно по расписанию. Николасу ранее не довелось побывать в этом маленьком и удивительно итальянском городке. Однако отыскать в нем собор Святого Андрея никаких проблем не представляло, это вам не Стамбул. Николас вошел в храм и без труда нашел место, где в драгоценной раке хранились мощи апостола. Он помолился Святому Андрею, очистил свою душу перед Господом и приступил к реализации задуманного.

Прежде всего, он обратился к местному священнику и попросил его об исповеди. Тот был немало удивлен такой срочности, но отказать не мог. Сразу после того, как собор был закрыт для туристов, они заняли места в исповедальне и Николас сказал:

- Я грешен, святой отец, и хочу очистить свою душу.

- Раскаиваешься ли ты в содеянном, сын мой? – спросил тот.

- И да, и нет, - ответил Николас.

- Но в чем же тогда смысл исповеди, если ты не раскаиваешься в грехе? Ведь такой грех неискупаем.

- Видите ли, святой отец, я грешен в том, что был соучастником лжи, но сам не лгал. Я знаю, о том, что лгут другие, но не могу об этом сказать. Грех ли это?

- Спаситель наш учил: «не лжесвидетельствуй», веди благочинный и честный в Господе образ жизни, не способствуй обману, и не покрывай его. Ты согрешил, и, чтобы очистить душу...

Николас не дал ему договорить.

- Чтобы очистить душу, мне нужно немного - исповедать вас, святой отец.

Он скинул плащ, под которым скрывалась сутана священника. Давненько Ник ее не надевал, и вот, для этого случая она пригодилась.

Святой отец от возмущения вскочил и заглянул в зарешеченное окошко, отделяющее его от исповедуемого. Перед ним сидел ... святой отец.

- Как это понимать? – прошипел он. – Что это значит?

- А это значит, святой отец, что теперь я хотел бы услышать от вас раскаяние в связи с тем, что в этом храме хранятся реликвии, самым наглым образом украденные из Константинополя, и вы не только покрываете это воровство, но и лжете, ибо нет никаких доказательств, что в той раке покоятся истинные мощи Андрея Первозванного!

- Какое вы имеете право утверждать все это? Кто вы такой?

- Я – отец Николас, из Ватикана, секретарь кардинала Торреса, - медленно проговорил Ник, а про себя подумал: «Одной ложью больше, одной – меньше, уже все равно».

Святой отец снова плюхнулся на свою лавку, его лицо покраснело.

- Но, вы же тогда должны знать, что у нас имеется подтверждение подлинности останков святого апостола Андрея... - пробормотал он, но затем спохватился и замолчал.

- Какое еще подтверждение? – по возможности грозным голосом спросил Ник.

Святой отец ничего не ответил и, после секундного замешательства, выскочил из исповедальни. Николас выскочил вслед за ним.

- Какое подтверждение? – закричал он, - где он, манускрипт?

Услышав слово «манускрипт» священник переменялся в лице и, неистово крестясь, кинулся вон. «Я ничего вам не скажу!», - прокричал он. Ник только и увидел, как за ним захлопнулась боковая дверь, ведущая куда-то за алтарь церкви.

Николас был чрезвычайно возбужден и тяжело дышал. В изнеможении он присел на молитвенную скамейку и склонил голову на руки. Ощущение, что он почти достиг своей цели, переполняло его. Он расстегнул воротник сутаны и снял белый воротничок – символ чистоты перед Богом и людьми. Ему нужно было обдумать, что делать дальше. Николас был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить, что он был в соборе не один. Неслышно подкравшийся сзади человек одним хорошо отработанным движением накиннул Нику на шею тонкий шнурок и, резко потянув двумя руками, сжал ему горло. Николас попытался бороться за свою жизнь, но тщетно. Через несколько секунд его тело обмякло и завалилось вперед, будто в молитве.

В этот момент под куполом церкви послышался какой-то шум. Человек поднял голову, но в наступившей темноте ничего не было видно. Шум – будто мощные хлопки от ударов крыльев огромной птицы – повторился вновь. Человек поспешно, одним движением сдернул с шеи Николаса шнурок, и кинулся прочь из церкви. Он перевел дыхание лишь снаружи. Там все было спокойно. Человек прикрыл за собой дверь, дошел до ближайшего телефона-автомата, бросил в него монетку и набрал какой-то номер. Когда ему ответили, человек произнес одну-единственную фразу на латыни: «В Амальфи все спокойно», повесил трубку и скрылся в темноте ночи.

Глава 22. Логия

Монсеньер Ласерта только что с аппетитом отужинал и удобно расположился в кресле возле камина. Отец Фраскатти застал его за чтением вечерних газет.

- Ваше преосвященство, замечательные новости из Стамбула, - вкрадчиво, стараясь как можно меньше потревожить босса, произнес он, подойдя поближе к кардиналу и приняв подобострастную позу. Луиджи Фраскатти был отличным помощником кардинала. Он не был молод и не отличался острым умом, но зато был исключительно услужлив, а самое главное – безгранично предан.

- Да? – Ласерта отвлекся от чтения обзора матчей итальянской премьер-лиги. Размеренная жизнь кардинала оставляет совсем немного места для страстей, и футбол был одной из них. – Любопытно. И что же там?

- Прибыла мадам Кочелотти, она просит принять ее, - ответил Луиджи, слегка поклонившись.

- Вот как? Зови!

Ласерта переместился за свой рабочий стол. Когда посетительница зашла в комнату, он, опершись двумя руками на подлокотники, приподнялся из кресла,

чтобы поприветствовать ее. Это была сама Луиза Кочелотти - главный археолог Ватикана. Собственно, она была не просто ученым, а, практически, членом семьи. Именно под ее чутким руководством были проведены раскопки и обнаружено место упокоения святого апостола Павла. Складывалось впечатление, что когда дело касалось пожеланий и рекомендаций Святого Престола, для нее не было неразрешимых задач.

Мадам Кочелотти, женщина уже за сорок, но еще до пятидесяти, вошла в каминную залу решительным, можно даже сказать строевым шагом. Она была в модном в текущем сезоне брючном костюме, и, если бы ее сухое лицо могло что-то выражать, самой близкой по описанию эмоцией было бы торжество. В руках у мадам был похожий на огромный кирпич кожаный прямоугольный саквояж, который она несла так бережно, как сам Кощей Бессмертный не обращался бы с яйцом, в котором была заключена его смерть.

- Здравствуйте, монсеньер, - сказала она, поставив саквояж на стол. – У меня отличные новости.

- Благослови вас Господь, Луиза. Я рад вас видеть, - Ласерта протянул и коротко пожал ей руку. – Судя по вашему торжествующему выражению лица, в саквояже нечто, способное удивить не только меня. Присаживайтесь.

- Надеюсь, - сухо сказала мадам Кочелотти, жестом отклонив приглашение присесть. – Впрочем, не буду скрывать, находка чрезвычайная. Наши усилия в Турции увенчались полным успехом.

- Слава Всевышнему! Надеюсь, нам это не слишком дорого обошлось?

- О, нет, в этот раз - сплошная экономия. Некоторая сумма начальнику жандармерии, столько же – таможенникам на турецко-болгарской границе. А вот мой стамбульский коллега, отвечающий за раскопки в церкви Святой Ирины, передал нам эту находку по идейным соображениям. Оказывается, ему очень не нравится, как турецкие власти обращаются с христианскими святынями, хотя он сам вроде турок. Или грек – их там не разберешь. Часть мероприятий в рамках празднования года святого Павла проводились и в Турции, вот там мы его, так сказать, и завербовали.

- Отлично! Ну, покажите же, что там у вас, - Ласерта уже сгорал от нетерпения, хотя и сдерживал внешнее проявление эмоций.

Мадам Кочелотти медленно расстегнула саквояж, достала из него свернутую ткань и расстелила на столе. Затем, она чрезвычайно бережно, двумя руками достала из сумки несколько пергаментных свитков – потемневших от времени, но на удивление неплохо сохранившихся. Мадам разложила свитки на ткани и очень осторожно развернула один из них. Кардинал поднялся из кресла, надел очки, подошел поближе и взглянул на письма.

- Увы, моего греческого не хватает, чтобы прочитать этот текст, тут все настолько почернело... – сказал он после паузы.

- Это книги Папия, епископа Хиерополиса, те самые, «Интерпретации изречений Господних», которые считались утерянными, - произнесла

торжествующим тоном Кочелотти. – Не все пять книг, конечно, но все-таки, здесь - почти три из них. До сих пор не удавалось найти ни одной.

Ласерта от волнения плюхнулся обратно в кресло и прикрыл лицо рукой.

- Боже мой, не может быть! «Логия»!

- Ну, не сама «Логия», будем объективны, а только ее изложение словами Папия. Впрочем, II век н.э., что само по себе тоже неплохой результат.

- Вам удалось разобрать что-нибудь из этих текстов?

- Увы, пока немного. Однако кое-что удалось. Вот тут есть одно очень любопытное место, - она начала читать по-гречески, сразу переводя на итальянский.

«Я же не замедлю тебе восполнить мои толкования тем, чему я хорошо научился у пресвитеров и что хорошо запомнил, в подтверждение истины. Ибо я с удовольствием слушал не многих многоречивых, но истину преподававших, и не повторяемых чужие заповеди, но чрез Господа в вере данные и исходящие от Истины». А вот еще: «...я расспрашивал, что Андрей или что Петр говорил, или что Филипп, или что Фома, или Иаков, или что Иоанн, или что Матфей, или кто другой из господних учеников...ибо не из книг столько мне пользы, сколько чрез живой голос и непреходящее». Посмотрите, это же просто невероятно: «И вот, что пресвитер говорил: Марк поистине переводчиком Петра был; то, что запомнил из Господом сказанного или содеянного, он точно записал, но не по порядку, ибо он и не слышал Господа, и не сопровождал Его...». Или вот: «Матфей на еврейском диалекте изречения Господни написал, переводил же их кто как мог».

Она остановилась и перевела дыхание. Ласерта сосредоточенно слушал, вцепившись руками в подлокотники, будто опасаясь услышать нечто разящее и от этого упасть даже из сидячего положения.

- Значит, это что же получается? - пробормотал он. – «Матфей на еврейском диалекте изречения Господни написал»? Значит, истинные «Логии» были составлены еще раньше Папия, и сделал это Матфей, и писал он по-арамейски? – прошептал он тихо, почти про себя, но Кочелотти услышала.

- Выходит, что так. И то, что евангелие от Марка не было на самом деле первым из трех – тоже отсюда следует...

- Мадам, вы просто восхитительны, - кардинал так разволновался, что перешел на использование не совсем нормативной, как для святого отца, лексики. - Это же просто фантастическая находка, даже невзирая на то, что и Иериней, и Иероним, критиковали Папия! Как вам это удалось? Где хранились эти бесценные книги?

- Наши неутомимые турецкие коллеги проводили какие-то свои раскопки и обнаружили под Айя-Софией обширные пустоты. Со стороны Софии все пространство оказалось заполненным водой, и к ним смогли подобраться только со стороны церкви Святой Ирины. Как оказалось, туда вел ранее неизвестный поземный ход, но не изнутри, а снаружи Айя-Софии. На все это понадобилось несколько лет. В одной из герметично запечатанных подземных комнат и была обнаружена целая библиотека. Там все хранилось вперемешку – христианские, еврейские, арабские манускрипты разных веков. Неясно, кто и зачем устроил это

хранилище, но очевидно, что это было сделано не до, а уже после завоевания турками Константинополя, то есть при Османах. Кстати, это объясняет, почему церковь Святой Ирины так и не стала мечетью, хотя все остальные христианские храмы по приказу Мехмета Завоевателя были либо уничтожены, либо перестроены, – видимо, кому-то совсем не было нужно, чтобы там все время толпилось много народа. А так – эта церковь была то складом, то музеем, то концертным залом, но все эпизодически, под контролем властей. Вообще говоря, много чего еще любопытного нашли в тех подземельях, работы хватит на десятилетия.

- Но как рукописи Папия могли оказаться в Турции?

- Монсеньер, они именно в Турции и должны были оказаться, ведь Хиерополис времен Папия – это не что иное, как Памуккале в современной Турции, и город этот был завоеван турками не то семь, не то восемь веков тому назад.

- Хвала Всевышнему, - снова прошептал Ласерта, сложив руки на груди лодочкой, как будто для молитвы. – Я лично доложу папе о вашей находке. Теперь с нами само истинное слово Господне!

Эту ночь кардинал Ласерта спал, как младенец. Он был по-настоящему счастлив.

На следующий день мадам Кочелотти передала находку в библиотеку Ватикана, где ее поместили в специальное хранилище, доступ в которое контролировал лично папа. Мадам поблагодарили и предложили взять отпуск. А еще через неделю она, бедняжка, утонула, когда каталась на собственной яхте у берегов Сардинии. Что ж, течения там сильные, да и волна, бывает, набегит – это вам любой моряк скажет.

Глава 23. Похороны мадам Кочелотти

- Ты представляешь, утонула мадам Кочелотти! – произнес Сергей Михайлович, заходя на кухню. Он держал в руках письмо и продолговатый конверт иноземного происхождения, который десять минут тому назад достал из почтового ящика.

- А кто это? – поинтересовалась Анна совершенно равнодушным голосом. Она готовила ужин.

- Главный археолог Ватикана. Разве я тебе о ней не рассказывал? – Трубецкой сделал удивленное лицо.

- Увы, - ответила Анна, - очевидно, я еще не все знаю о твоих знакомых дамах.

- Луиза Кочелотти – весьма известная личность, - сообщил Сергей Михайлович. - Мы с ней познакомились лет десять тому назад, во время одной из моих командировок в Ватикан, на каком-то светском рауте. Потом она была участницей нашего совместного с итальянцами проекта, мы даже некоторое время поддерживали контакты. Банально утонуть для такого известного в Италии человека – это очень странный способ уйти из жизни...

- Тебе-то что до этого?

- Да в общем-то ничего, но вот тут в письме меня от имени Святого Престола приглашают на ее торжественные похороны, в Амальфи.

- Куда? – переспросила Анна. – Это где – Амальфи?

- Это, если я не ошибаюсь, небольшой городок-порт на юг от Рима, не доезжая Неаполя. Я когда-то о нем читал, по-моему, его основал еще император Константин. Там еще есть какая-то связь с современным морским правом, не помню точно. Тут написано, что род Кочелотти походит из этого самого Амальфи, то есть, хоронить ее будут в семейной усыпальнице.

- А что такое эти торжественные похороны?

- Это когда тело кремируют, а саму церемонию прощания с покойником устраивают позднее, - разъяснил Трубецкой, - как правило, с участием различных выдающихся личностей, - польстил он себе.

- Ну и что ты собираешься делать?

- Честно говоря, собираюсь поехать. Там, очевидно, будет множество известных и важных в Европе людей – совсем не повредит с ними потусоваться пару дней. У меня скоро европейский проект заканчивается, нужно будет готовить новый. Ты поедешь со мной?

- Ну, уж нет, - сказала Анна решительно. – Мы довольно попутешествовали в последнее время. У меня есть значительно более интересные занятия, чем ездить на похороны к незнакомым людям. Это твои друзья, вот ты с ними и прощайся.

- Ладно, - Сергей Михайлович пожал плечами, - как хочешь. Пойду, займусь билетами.

Перелет до Рима прошел без приключений. Пересев в поезд до Амальфи, Сергей Михайлович углубился в чтение какого-то бульварного детектива. И тут позвонила Анна.

- Ты помнишь ту надпись на греческом, в Айя-Софии, которую ты прочитал - «Дандоло взял все»? Так вот, этот самый венецианский дож по имени Энрико Дандоло, который стал инициатором разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 году, не просто «взял все»! Я нашла по своим каналам подтверждение, что мощи святого Андрея Первозванного, которые хранились в Константинополе, были вывезены людьми дожа в Италию. И куда бы ты думал? В Амальфи! Там и собор есть имени апостола Андрея. Вот так-то, желаю успеха.

«Вот за что люблю Анну, - подумал про себя Трубецкой, отключая телефон, - так это за то, что она не только красавица, но и редкая умница. С такой женой никакой ангел-хранитель не нужен. Надо будет зайти в этот собор, полюбопытствовать».

Еще один сюрприз ждал Сергея Михайловича на вокзале. Его встречали! Водитель - слегка небритый мужчина лет сорока пяти, с шапкой кудрявых коричневых волос и зелеными глазами необычного оттенка, одетый в мягкий, выдавший виды вельветовый костюм и джемпер, объяснил ему по дороге на ломаном английском, что приглашенных на похороны мадам Кочелотти

иностранцев, а их было немало, организаторы расселили в нескольких отелях, и что он отвезет Трубецкого в один из них.

Отелем оказалось небольшое, удивительно уютное семейное предприятие, в котором Сергей Михайлович был единственным постояльцем. Трубецкой переоделся и точно в указанное в приглашении время тот же водитель отвез его на городское кладбище, где Сергей Михайлович присоединился к большой группе коллег, прибывших на похороны со всего мира. Семейство Кочелотти было не из последних в городе и поэтому для мадам было уготовано почетное место в семейной усыпальнице. Для Трубецкого все эти семейно-католические церемонии не были в новинку – он уже как-то присутствовал на подобных похоронах. Может быть поэтому он не сразу обратил внимание на странную суету рядом с тем местом, где прах Луизы Кочелотти должен был найти последнее упокоевание. Группа людей в штатском, двое полицейских в форме и несколько кладбищенских рабочих деловито копошились у какой-то разрытой могилы.

- Вот нашли время для эксгумации, - Сергей Михайлович невольно стал свидетелем разговора супружеской пары из местных прямо у него за спиной, - не могли подождать, пока закончатся похороны. Надо было им именно сегодня тревожить прах Николаса, - сердито сказала пожилая дама в шляпке с густой черной вуалью.

- Бедный мальчик, – сочувственно произнес ее муж. – Так до сих пор и неизвестно, кто же его убил?

- Да, похоже на то, - последовал ответ. – Когда Николаса нашли мертвым в церкви Святого Андрея, он был в сутане священника, сидел, будто молился...

- Напомни, когда это было? Уже лет тридцать прошло?

- В 1968 году. Ты знаешь, я даже тот день запомнила. Это случилось месяца через два после того, как папа объявил по радио, что под собором Святого Петра в Ватикане найдена могила самого апостола Петра. Я помню, как меня, по молодости, потрясла эта новость. Я даже собиралась выступить по этому поводу в нашей церкви на общинном собрании, как в тот день весь городок всколыхнула весть, что найден труп священника, да не где-нибудь, а в соборе Святого Андрея! Собрание, конечно же, отменили. Потом уже стало известно, что это Николас. Он-то сам родом из Неаполя, но служил в Ватикане. Никто не знает, зачем он в тот день приехал в Амальфи, но, увы, так тут навсегда и остался. Это позже полиция установила, что он, вроде бы, тоже из клана Кочелотти, хотя и походит из какой-то боковой ветви фамилии. Поэтому и похоронили его не в семейном склепе, а лишь рядом с ними.

Тогда еще было много разговоров о вмешательстве нечистой силы, поскольку алтарный крест – огромный такой, каменный, старинный, который находился в соборе Святого Андрея чуть ли не со времен его основания, оказался разбитым.

- А что теперь полиции от Николаса нужно?

- Говорят, открылись какие-то новые обстоятельства в расследовании его гибели, вот полиция и проводит эксгумацию. Сорок лет прошло, а им все нет покоя!

В этот момент священник начал службу за упокой души мадам Кочелотти и разговор прекратился. По идее Трубецкому тоже следовало сосредоточиться на мыслях о вечном, но после услышанного его занимали совсем другие соображения. «Собор Святого Андрея, - мелькнуло в голове. - Вот так номер! Это ведь о нем говорила Анна... И потом, что это за история с убийством священника и обретением мощей святого Петра? Все ли тут чисто?».

Тем временем служба закончилась, и останки мадам Кочелотти благополучно упокоились в отведенном им месте склепа. Гости каждый по очереди заходили внутрь старинной усыпальницы, чтобы проститься с именитой покойницей лично. Сергей Михайлович тоже занял свое место в очереди. Когда он ступил в склеп, там уже все было засыпано цветами. Трубецкой присоединил к ним и свои гвоздики. Он уже собирался уходить, как вдруг заметил небольшую бронзовую, потемневшую от времени табличку сбоку в стене склепа. Обычно такие таблички означали место упокоения праха, то есть в буквальном смысле – пепла покойного. Его взгляд упал на слабо различимую надпись. Она гласила: «Николас Кочелотти. 1936-1968». Там снизу было написано еще что-то, но вторую строку в тот момент разобрать не удалось. Сергей Михайлович вышел из склепа, уступив место следующему гостю. Он был взволнован, но не прощанием с мадам. Николас Кочелотти! Не о его ли могиле шепталась только что за его спиной пожилая пара из местных? Но если он похоронен в склепе, то чью могилу разрывают вот там рабочие и полиция?

Когда гости начали расходиться, Сергей Михайлович стал потихоньку, чтобы не привлекать лишнего внимания, продвигаться в сторону предполагаемой могилы Николаса. Чутье подсказывало ему, что странные обстоятельства смерти, а теперь и захоронения молодого священника из Ватикана стоят того, чтобы ими поинтересоваться. Он решил подобраться поближе к группе «эксгуматоров» в надежде узнать еще какие-нибудь подробности. И тут Трубецкой увидел, что он не единственный, кто проявляет интерес к могиле Николаса. Туда от стоянки, где были припаркованы машины участников похорон, ровным шагом направлялся человек в черном костюме, длинном плаще и шляпе, и он явно не был членом плотной группы друзей мадам Кочелотти, толпившихся у места ее упокоения. Сергею Михайловичу он показался знакомым. Трубецкой огляделся и увидел, что к могиле Николаса можно подобраться поближе с другой стороны склепа. Сергей Михайлович незаметно обогнул семейную усыпальницу Кочелотти и оказался на достаточно близком расстоянии от группы людей в штатском, которые стояли возле ямы, в которой все еще копошились рабочие. Трубецкой затаил дыхание, когда увидел, кто был тот человек в плаще. Его удивлению не было предела, ибо это был ... отец Тимофий из киевской Андреевской церкви!

- Как успехи? – спросил Тимофий на чистом русском языке одного из гражданских, тоже одетого в темный плащ и шляпу.

- Уже достают гроб, сейчас будем вскрывать, - ответил тот.

- Давайте скорее, мне уже звонили, - сказал Тимофий деловым тоном.

В эту минуту кладбищенские рабочие достали из могилы гроб и поставили рядом с ямой. Итальянские полицейские равнодушно взирали на все это со стороны, ничуть не вмешиваясь.

Люди в штатском окружили гроб. Один из них взял ломик и стал вскрывать крышку. Наконец, дерево поддалось, и крышка слетела.

- Теперь позвольте мне, - произнес Тимофий.

Трубецкому хорошо было видно из его укрытия, как священник наклонился над открытым гробом на несколько секунд, что-то там разглядывая, затем вдруг выпрямился, раздраженно махнул рукой и отошел в сторону. Тимофий был явно чем-то раздосадован, это сквозило даже в его позе. Он достал мобильный телефон и принялся кому-то звонить. Люди в штатском тоже подошли к открытому гробу, постояли над ним, тихо переговариваясь, а затем один из них дал команду рабочим. Те, недолго думая, небрежно накрыли гроб крышкой и попросту столкнули, уже не особенно заботясь о порядке, обратно в яму, после чего принялись закапывать ее обратно. Тимофий же развернулся и решительной походкой зашагал прочь. Вскоре его примеру последовали и другие участники «эксгумации». Через несколько минут кладбище опустело.

«Что-то у них пошло не так», - подумал Трубецкой. Он дождался, пока возле могилы осталось лишь двое слегка нетрезвых рабочих, которые ровняли разрытую землю, и вышел из своего укрытия. С деловым видом он подошел к рабочим, достал из бумажника купюру немалого достоинства, и задал один-единственный вопрос: «Что было в гробу?». Один из рабочих не без удовлетворения на лице взял купюру и ответил: «В том-то и дело, синьор, что там ничего не было – какое-то тряпье и пара костей, по виду – явно не человеческих».

Глава 24. Николас II Андре

Когда Николас пришел в себя, первым, кого он увидел, был Жан. Он сидел рядом с Ником на молитвенной скамейке, сложив перед собой руки, и молчал. Николас осмотрелся по сторонам и попытался что-то сказать, но его горло было будто все еще сдавлено веревкой – он не мог произнести ни звука. Они находились в темной и пустой церкви, и Ник старался припомнить, как и зачем он сюда попал. Собственно, ощущение было такое, что это и не он вовсе, а какой-то совершенно другой человек, только в его теле, а сам он взирает на происходящее как бы со стороны. Николас повернул голову к Жану и только открыл рот, как тот прикоснулся указательным пальцем к губам, показывая, что сейчас следует помолчать. Возможно, Жан был прав, ибо не то, что разговор, а даже простое усилие припомнить что-либо враз истощило Ника, и он в изнеможении прикрыл глаза, откинувшись назад. Ни руки, ни ноги не слушались, а кровь, казалось, едва циркулировала в жилах. Неизвестно, сколько времени он провел в забытье, но когда снова открыл глаза, то увидел, что сидит все в той же церкви, однако уже совершенно один. Видимо, приближалось утро – сквозь витражи храма стали

протискиваться первые слабенькие предрассветные лучики света. Ник вдруг ощутил прилив сил и, самое главное, - он вспомнил, зачем пришел в этот храм.

Андрей Первозванный! Именно здесь могло храниться евангелие, написанное святым апостолом.

Ник вспомнил все – и свой разговор со священником, и внезапную боль вокруг горла, и разрывающиеся от невозможности дышать легкие. Очевидно, его пытались задушить, но что-то помешало. Ему стало лучше, хотя слабость ощущалась во всем теле. Он не без труда поднялся, огляделся по сторонам и направился к алтарю. Там он преклонил колени и вознес молитву Всевышнему, благодаря за свое спасение. Тем временем наступил рассвет и разноцветные лучики света, проникающие внутрь храма сквозь огромные цветные витражи, принялись активно разгонять скопившуюся за ночь тьму. Николас поднялся и окинул взглядом храм. Где-то здесь, он был абсолютно в этом уверен, хранилось евангелие от Андрея. Но где?

Ник призвал на помощь всю свою интуицию и опыт археолога. Его сознание, еще несколько минут назад затуманенное недавней травмой, вдруг просветлело, и мозг заработал в полную силу. Он стал внимательнейшим образом всматриваться в элементы соборного убранства, стараясь не упустить ни одну из мелочей. Собственно, мелочей было немало. Храм представлял собой не совсем обыкновенное сооружение. Он был построен в смешанном стиле, с высокими сводчатыми потолками и голыми стенами, на которых местами проступали древние росписи. Все убранство заключалось в нескольких фигурах святых, алтаре с огромным каменным крестом на массивной подставке и нескольких цветных стеклянных витражах по периметру храма. Именно в тот момент он и заметил, что с восточной стороны здания, откуда как раз падал основной поток света, огромный центральный витраж был посвящен Андрею Первозванному. На нем святой апостол был изображен распятым на косом кресте, но вся его фигура, положение тела и головы, обращенный на мучителей грозный взгляд подчеркивали присущий ему непреклонный дух и непоколебимую веру. В правой руке апостол сжимал какой-то манускрипт, поднимая его, как оружие против нападающих на него римлян. Что хотел сказать художник, включив этот небольшой элемент в сцену распятия?

Вдруг Николас замер. Только сейчас он обратил внимание на надпись сверху, над сценой распятия. Записанные готическим шрифтом слова на латыни гласили:

«Ex Oriente Lux, Est in Media Verum»

«С Востока – свет, истина – посередине». Сердце Николаса забилося чаще. Это не могло быть простым совпадением. Как раз сейчас, утром, свет в храм проникал с Востока. Он снова взгляделся в композицию витража и вдруг его осенило. Одно из составляющих витраж стекол – то, которое изображало свиток в руках апостола - было непроницаемо для света, и оно отбрасывало тень – небольшое пятнышко, которое явно просматривалось на полу церкви среди разноцветных лучей. Оно было будто острое указки. Пятнышко медленно

перемещалось вместе с солнцем, которое все ярче светило сквозь витраж, и, наконец, остановилось у подножия огромного, вырезанного из камня креста, стоящего на алтарном престоле. Николас повернулся лицом к алтарю, затем осторожно, двумя руками и не без усилий сдвинул крест. Под ним ничего не было. «Неужели ошибся? – подумал он. – Неужели все привиделось?». Он посмотрел на крест внимательней. Обращало внимание массивное тело креста и подставки. Ник с трудом приподнял крест и осторожно положил его на бок. Дно подставки было гладким. Ник провел по нему рукой и вдруг почувствовал какую-то шероховатость. Небольшое усилие – и часть нижней поверхности притопилась и сдвинулась в сторону, обнажив углубление, в котором явно просматривалась замочная скважина. Предчувствие удачи охватило Ника. Он стал лихорадочно соображать, как и чем можно было бы открыть замок, но вокруг никаких подходящих предметов не было. Быть в одном шаге от тайны и остановиться – это было не для него. Он подумал еще немного, затем поднатужился, двумя руками поднял тяжеленный каменный крест над головой и со всей силы швырнул его на пол.

На удивление падение каменного креста не произвело много шума. Раздался глухой удар, подставка просто отлетела в сторону, а тело креста разломилось на несколько крупных частей – внутри оно оказалось полым. Николас наклонился. Среди обломков лежал небольшой продолговатый кожаный футляр цилиндрической формы. Ник дрожащими от волнения руками взял его в руки и снял крышку. Внутри лежал какой-то манускрипт. Это были потемневшие, сделавшиеся хрупкими от времени, и все же неплохо сохранившиеся листы пергамента. Он чуть-чуть развернул первый лист.

«Это истинные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал раб Его и верный слуга Андрей. И Он сказал: Тот, кто обретет толкование этих слов, не вкусит смерти».

Сердце Николаса готово было выпрыгнуть из груди. Он бережно свернул пергамент и положил его обратно в футляр, опасаясь неосторожным движением повредить рукопись. Дело было сделано. Он спрятал футляр под пиджаком и покинул церковь через одну из боковых дверей, которая закрывалась изнутри на задвижку. Но еще до того он снял с себя сутану священника, надетую поверх гражданского костюма и бросил ее на лавку. Она ему больше не понадобится. *«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне»* – вспомнилось ему Евангелие от Матфея. Вопрос теперь заключался лишь в том, кто теперь для него Бог, а кто – маммона. Николас покинул церковь, даже не побеспокоившись о том, чтобы прикрыть за собой дверь.

Он уехал из Амальфи тем же утром. Ник так и не узнал, что дверь в храм, оставленной Николасом открытой, воспользовался один из местных попрошайек по

прозвищу Ян-весельчак, который побирался на паперти при соборе. Это был спившийся, но беззлобный человек, страдающий, к сожалению, целым букетом хронических заболеваний. Он был чрезвычайно доволен, найдя внутри храма новенькую сутану из отличной шерстяной ткани. Весельчак надел ее, закрыл дверь храма на задвижку и улегся спать прямо на лавке – в церкви было намного спокойнее, тише и суше, чем на улице. И еще он знал, что священник не придет до полудня, так что была возможность отлично выспаться.

На следующий день, уже добравшись до Неаполя, Николас случайно стал свидетелем программы новостей, в которой рассказывалось о странном преступлении, совершенном в Амальфи: в соборе Святого Андрея нашли мертвым священника не из местных и разбитый алтарный крест двенадцатого века. Предположительно, как удалось установить полиции, покойного звали Николас Кочелотти. Услышав свое имя в таком контексте Ник вздрогнул. А потом вдруг подумал, что так даже будет лучше. Ведь старого Николаса и вправду уже нет, так не лучше ли начать новую жизнь с того, чтобы выбрать себе и новое имя. Оно всплыло в его воображении само собой. Теперь его будут звать Андре.

Он еще раз взгляделся в экран, где показывали кадры с места события. Там, на некотором расстоянии от журналистки, ведущей репортаж, но так, чтобы их было хорошо видно в камеру, сустились полицейские. А рядом с ними стоял человек в штатской одежде. В какой-то момент он повернул голову к камере и взглянул прямо в глаза Нику. Это был Жан, Ник его сразу узнал. Он был одет во все тот же мягкий, потрепанный костюм и джемпер, спутать его с кем-то другим было невозможно. И в тот момент Николас-Андре понял, что ему надлежит делать дальше.

Глава 25. Все с начала

На следующий день Сергей Михайлович прямо с утра направился в собор Андрея Первозванного. Амальфи – чистый и приветливый итальянский городок, расположенный на склоне горы так, что лестницы там заменяют улицы – поражал своим благополучием. На площади пьядца Дуомо перед великолепным собором, построенном где-то в десятом веке в редчайшем норманно-византийском стиле, уже толпились туристы и Трубецкой смог не просто попасть внутрь, но и бесплатно прослушать лекцию экскурсовода. Он узнал, что бронзовые двери храма были выкованы в Константинополе в 1065 году, а алтарь собора сделан из саркофага кардинала Петра Капуцианского – уроженца Амальфи. Именно он 8 мая 1208 года привез на родину из Константинополя похищенные крестоносцами мощи Андрея Первозванного. Внутренность собора представляла собой смешение веков и стилей. Частично католический, частично византийский храм действительно был удивительным сооружением. Сергей Михайлович, конечно же, не упустил случая постоять и возле реликвария с мощами Андрея Первозванного. То, что ему не удалось в Киеве, свершилось в Амальфи.

Тем временем в храме появился священник. Это был довольно молодой человек в католической сутане. Он приветливо улыбнулся группе туристов и

направился к боковой двери, расположенной слева за алтарем. Сергей Михайлович окликнул его.

- Прошу прощения, святой отец, - сказал он, - не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Священник остановился и подошел к Трубецкому.

- Конечно, - сказал он, - я вижу, вы не из местных?

- Да, - ответил Сергей Михайлович, - я здесь в гостях. Дело в том, что я – ученый, профессор университета, и в последнее время занимался исследованиями, связанными с фигурой апостола Андрея Первозванного. Мне было бы очень важно узнать ваше мнение по одному щепетильному вопросу.

Святой отец сделал характерный жест, как бы приглашая Трубецкого говорить дальше.

- Видите ли, в различных архивных материалах я и мои коллеги обнаружили свидетельства существования в первые века становления христианства некоего документа, который теперь называется «Логии», или Q-документ, который, якобы, послужил первоосновой для написания канонических евангелий, во всяком случае, трех из них. Имеются также предположения, основанные на исторических фактах, что этот документ мог принадлежать перу Андрея Первозванного. Возможно, вы что-то знаете о подобных исследованиях?

Сергей Михайлович не был психологом, но даже ему было очевидно, что священник уже пожалел, что откликнулся на приглашение Трубецкого побеседовать. Святой отец напрягся и несколько секунд молчал. Улыбка слетела с его лица.

- Увы, мне ничего не известно о подобных выдумках, - произнес он холодно. – Католическая церковь отвергает любые, не признанные вселенскими соборами и отцами церкви рукописи, которых в истории христианства было немало. Святому Писанию уже скоро шестнадцать веков. Кто мы такие, чтобы менять его или подвергать сомнению? Поэтому для нас не имеет значения, существовал ли такой документ, о котором вы говорите, или нет, если он не признан Римом. Прошу прощения, но сейчас я должен идти.

Он весьма невежливо оборвал разговор, развернулся и скрылся за дверью. Сергею Михайловичу в его поведении что-то сильно не понравилось. Настроение было испорчено, и он покинул собор.

Современный Амальфи – городок маленький, всего семь с половиной тысяч жителей, и Трубецкой осмотрел его весь в течение двух часов. Он гулял по узким улочкам городка и продолжал размышлять о том, что произошло с ним в течение последних двух дней. Кто бы мог подумать, что именно в этом крошечном городишке произойдет столько событий, имеющих непосредственное отношения к тому делу, которому они с Анной посвятили огромное количество времени и сил?

Размышляя о вчерашнем дне, странной судьбе Николаса Кочелотти и о неожиданном появлении отца Тимофия у разрытой могилы, Трубецкой пришел к выводу, что какая-то важная деталь ускользнула от его внимания. Что-то не давало

ему покоя, и это что-то было связано с похоронами мадам Кочелотти. Сергей Михайлович решил, что будет не лишним снова съездить на кладбище.

По дороге он купил две дежурные гвоздики и без труда самостоятельно нашел семейный склеп Кочелотти. Решетчатые двери были открыты, и Трубецкой прошел внутрь. К его удивлению, в середине усыпальницы уже было чисто – все цветы вчерашнего дня куда-то подевались. Трубецкой положил свои гвоздики возле свежего захоронения с именем Луизы, а затем подошел к уже потемневшей табличке Николаса, которую он заметил вчера. Сергей Михайлович потер табличку рукой, затем рукавом. Надпись стала различима лучше. Теперь он явно видел, что на ней под именем Николаса и годами его жизни написан еще ряд цифр. Их было семь, записанных без какой-либо системы. Первая цифра была ноль. «Странно, - подумал Трубецкой. – Ну, девиз какой-нибудь, или лозунг – это я понимаю, но цифры?» Он решил переписать их, так, на всякий случай. Не успел он сделать задуманное, как в склеп вошел смотритель, который стал что-то говорить на южно-итальянской скороговорке, и притом весьма сердито. Сергей Михайлович понял, что его выгоняют, и не сопротивлялся. В конце концов, правила страны пребывания тоже нужно соблюдать. Снаружи он бросил взгляд на то место, где вчера разрывали еще одну могилу предполагаемого Николаса. Там все было без изменений – яму сровняли с землей, а надгробный камень с надписью «Николас Кочелотти. 1936-1968» так и остался лежать в стороне.

Остаток дня Сергей Михайлович провел в гостинице. Вечером он решил поужинать в семейном ресторанчике при отеле, и захватил с собой бумажку с записанными на ней цифрами. Пока готовился его заказ, Трубецкой рассматривал цифры, надеясь понять, что же они могут означать. Пожилой хозяин ресторанчика лично принес ему еду – великолепную местную пасту с морепродуктами и свежие овощи с фетой, поставил все на стол и вдруг, заметив бумажку в руках Трубецкого, сказал:

- Если вам нужно позвонить, сеньор, телефон – вон там.

Сергей Михайлович внимательно посмотрел на него.

- А почему вы решили, что я хочу позвонить?

- Прошу прощения, сеньор, - хозяин несколько смутился. – Я просто увидел, что вы держите в руках листок бумаги с номером телефона.

Трубецкой указал пальцем на бумажку:

- Вы хотите сказать, что это - номер телефона?

- Ну да, это код Салерно, а это номер телефона, - хозяин улыбнулся. – Наверное, она красивая, да?

- Наверное, - ответил Сергей Михайлович. – Спасибо вам за помощь, я воспользуюсь вашим приглашением чуть позже.

Он наспех поел, размышляя, что бы все это могло означать, затем залпом выпил заказанный бокал «кьянти» - не пропадать же добру – и отправился к себе в комнату. Там он подумал еще с минуту, а затем снял трубку и набрал номер телефона. Автоответчик приятным голосом сообщил, что этот номер устарел и

теперь нужно добавить две дополнительные цифры спереди предыдущих пяти, и перезвонить. Сергей Михайлович сделал, как было сказано. Он так разволновался пока шли гудки вызова, что почувствовал, как кровь глухо стучит в висках.

- Слушаю, - раздался в трубке усталый голос пожилого мужчины.

- Добрый вечер, - осторожно произнес Сергей Михайлович. – Я разыскиваю кого-нибудь, кто знал Николаса Кочелотти.

- А зачем он вам нужен? – равнодушно спросил голос.

- Видите ли, я думаю, что и его, и меня занимала одна и та же проблема, связанная с апостолом Андреем Первозванным. Возможно, он оставил какие-то архивы, или записи, с которыми я бы мог ознакомиться, если, конечно, это никого не затруднит.

- А кто вы такой? – прозвучал не совсем вежливый вопрос.

- Меня зовут Сергей Трубецкой, я – профессор из Киева, палеограф и много лет занимаюсь изучением древних христианских рукописей. Впрочем, не только христианских, но и всех остальных. В общем, чем древнее, тем лучше.

Голос на другом конце сильно закашлялся.

- Хорошо, - это уже больше напоминало хрип, – приезжайте завтра. Записывайте адрес.

Сергей Михайлович едва дождался утра. Он взял такси. «Мы за ценой не постоим», - смело подумал он и назвал водителю место назначения. Тот сильно удивился, даже еще переспросил. «У меня для вас других адресов нету, - весело сказал ему Трубецкой, – поехали!»

Когда они добрались до места, Сергей Михайлович понял удивление таксиста. Дом, который был ему нужен, располагался не в городе и не в деревне, а прямо в поле и до него еще нужно было добираться пешком, поскольку дороги к нему не было – только тропа. Трубецкой расплатился с таксистом и зашагал к своей цели. Он подошел поближе и огляделся. Среди луга, в окружении нескольких деревьев стоял довольно потрепанный деревянный дом, причем, все еще опрятный, на дверях которого была прикреплена табличка с простой надписью: «Андре». Он постучал.

Двери ему открыл совершенно седой старик, с дрожащими руками и с трудом передвигающий ноги.

- Проходите, - сказал он, ничего не спрашивая.

Сергей Михайлович прошел внутрь. Было очевидно, что старик жил один, причем давно, и вел, очевидно, замкнутый образ жизни. В доме не было заметно ни телевизора, ни компьютера, ни фотографий на стенах, зато очень много книг, которые валялись повсюду. Трубецкой в нерешительности остановился посреди гостиной.

- Присаживайтесь, - прокашлял откуда-то старик, - я сделаю кофе.

Сергей Михайлович присел. Через несколько минут шаркающей походкой вошел хозяин с подносом, на котором дымились две чашечки великолепно пахнущего кофе.

- Прошу вас, - сказал он, - это настоящий, смолот и сварен, как в старые добрые времена.

Кофе действительно был просто потрясающий. Они выпили благородный напиток молча.

- Ну, а теперь говорите, что вам нужно от Николаса Кочелотти. Только правду, у меня осталось очень мало времени, чтобы тратить его на ложь.

Сергей Михайлович лгать и не собирался. Какой смысл? Он коротко изложил хозяину Анину теорию о первоисточнике и о евангелие от Андрея, рассказал об их усилиях по поиску каких-либо следов этого документа в Стамбуле и Киеве, не забыл поведать, для солидности, о собственном опыте работы в библиотеке Ватикана и Британском музее. Наконец, он дошел до смерти Луизы и странных похорон, сопровождавшихся разрытием могил. Старик, который до этого безучастно слушал Трубецкого, при упоминании о последних событиях явно разволновался. Он стал перебирать руками и оглядываться по сторонам, будто собираясь что-то предпринять. Наконец, Сергей Михайлович рассказал, каким удивительным образом он нашел номер телефона, по которому и позвонил.

Старик закивал головой и даже слегка, только уголками рта, улыбнулся:

- Да, этот номер не менялся уже последних, наверное, сорок лет...

- Ну вот, собственно, и вся история, - Трубецкой развел руками. – Надеюсь, вы ответите взаимностью и расскажите мне, что же случилось с Николасом Кочелотти и не оставил ли он чего-нибудь, проливающего свет на судьбу евангелия от Андрея.

Старик внимательно посмотрел на него долгим задумчивым взглядом.

- Ник умер, - медленно сказал он. – Но перед этим он нашел то, что вы так упорно ищите. Те, кто разрывал его могилу, искали то же, зачем пришли и вы, – старик сделал паузу. - А зачем оно вам – евангелие от Андрея? Удовлетворить собственное тщеславие, да потешить тщеславие вашей супруги? Чем вас не устраивают четыре канонических евангелия? Готовы ли вы принять этот тяжкий груз? Вы понимаете, к каким последствиям может привести открытие истинного первоисточника слова Господнего? Те, кто истинно веруют, верят не в рукописи, а в Иисуса Христа, Спасителя и Господа нашего.

Сергей Михайлович сразу даже не нашелся что ответить.

- Я просто хочу докопаться до истины. Мне кажется, что сейчас человечеству, погрязшему в дрязгах материального мира, как никогда нужно истинное, сильное и чистое слово, которое смогло бы открыть ему путь к новому устройству жизни, основанному на высоких духовных ценностях. Я не имею намерений воевать с церковью. Пусть каждый занимается своим делом. Однако я думаю, что настал час говорить с Творцом напрямую, без посредников.

- Красиво, но нереально, - ответил старик. – Вы думаете, что найдя и, скажем, опубликовав евангелие от Андрея, вы кому-то что-то докажете? Да Ватикан просто смеяться будет над вами, я прямо сейчас слышу гомерический хохот папы, который объявит вас шарлатаном и обманщиком. То же сделают и православные патриархи. Все слишком далеко зашло....

Он глубоко вздохнул и закашлялся. Сергей Михайлович пожал плечами.

- Может быть, я романтик, но мне все же кажется, что истина, в конце концов, восторжествует.

- Что есть истина? – прохрипел старик, едва сдерживая кашель. - Две тысячи лет прошло с тех пор, как вопрос задан, но никто на него так и не ответил...

Повисла тишина. Старик сидел с закрытыми глазами и не шевелился, видимо, пытаясь избежать очередного приступа. Трубецкой не хотел беспокоить его и потому тоже сидел тихо.

- Хорошо, - вдруг сказал хозяин. – Я верю, что вы говорите правду. Пойдемте, я дам вам то, что вы так упорно ищите.

Они встали. Сергей Михайлович последовал за стариком куда-то вниз, в подвал дома. Там хозяин включил свет и Трубецкой увидел, что весь подвал заставлен какими-то коробками, шкафами, завален грудями бумаг, книг, какой-то рухлядью. Только старик точно знал, что весь этот хаос – просто одна из форм порядка, закон которого известен лишь ему одному. Он безошибочно выбрал из всех имеющихся предметов довольно большую ничем не примечательную деревянную коробку, и открыл ее. Затем не без труда достал небольшой металлический сейф по типу тех, что имеются в комнатах пятизвездочных отелей, но со старомодным кодовым замком, набрал шифр и открыл его. В сейфе находился кожаный продолговатый футляр цилиндрической формы.

- Возьмите, - сказал он, протягивая футляр Трубецкому. – Я уже много лет не открывал его, но здесь то, что вас интересует.

Сергей Михайлович не мог поверить своему счастью.

- Спасибо вам, - взволнованно произнес он, - что поверили мне....

- У меня нет другого выхода, - старик снова сильно закашлялся, как при удуше. – Я очень болен, и мне осталось совсем немного. Неизвестно, зайвится ли еще кто-нибудь. Если вам хватило ума и удачи добраться до меня, значит, вам помогают оттуда, – старик указал пальцем вверх, - как когда-то помогали мне...

- Так вы... – Трубецкого вдруг осенила догадка. – Николас не умер, так ведь? – спросил он.

- Я сказал вам, что его больше нет, что вам еще нужно? Уходите! – старик в один момент стал неприветливым и раздраженным. – Дайте мне умереть спокойно. Вы и так получили больше, чем надеялись. Прощайте!

Сергей Михайлович взял футляр, поднялся по ступеням наверх и вышел из дома. Ему ничего не оставалось, как отправиться восвояси. Он прошагал по тропинке до дороги и присел на обочине в надежде дождаться какой-нибудь машины. Футляр был в его руках. Трубецкой некоторое время боролся с соблазном, но затем не выдержал. Он медленно, очень бережно открыл крышку футляра. То, что он увидел, напоминало дурной сон. Манускрипта там уже не было. Это были рассыпающиеся в прах кусочки рукописи, которые при малейшем прикосновении превращались в крошку прямо на его глазах. Сергей Михайлович испытал шок. Он был настолько поглощен ужасным открытием, что совершенно не обратил внимания на гул, раздававшийся со стороны только что покинутого им дома. Когда

шок прошел, он-таки услышал этот странный гул, встал и огляделся. Дом Андре горел, как груды сухих дров, а гул, которым было наполнено все вокруг, издавало ярко-оранжевое пламя этого необыкновенного костра. Очевидно, старик сделал свой выбор. «Царство ему небесное, - подумал про себя Трубецкой. – Однако теперь все придется начинать сначала».

Продолжение следует

Само собой, что по возвращению в Киев Трубецкой был немедленно подвергнут домашнему аресту. Анна Николаевна поклялась не выпускать его из дома, пока он во всех подробностях не расскажет ей о том, что произошло в Амальфи. Сергей Михайлович был совсем не против провести это время с женой и с удовольствием рассказал ей обо всех событиях, пытаясь обращать внимание даже на мелочи. Ведь в этой истории было еще много неясного и Анна, как умная женщина, была незаменимым партнером по выявлению истины. Она согласилась с версией Трубецкого, что загадочный старик и был тем самым Николасом Кочелотти, просто кто-то очень хитрый и заинтересованный придумал всю эту историю с убийством и двумя захоронениями. «Если имеются две могилы одного и того же человека, скорее всего, он жив, – философски заметила Анна. – Минус и минус дает плюс!» Она была чрезвычайно довольна тем, что ее версия о существовании евангелия от Андрея нашла свое подтверждение. Конечно, редкой неудачей было то, что рукопись рассыпалась в прах, однако, с другой стороны, это как посмотреть – взваливать на себя такую ответственность было слишком решительным шагом, с неминуемыми последствиями. Позиция Анны нашла свое косвенное подтверждение уже на следующий день.

Сергей Михайлович возвращался домой с лекций. Он шагал вниз по Андреевскому спуску, когда сзади его окликнули:

- Профессор Трубецкой, добрый вечер!

Сергей Михайлович остановился и обернулся. Это был ... отец Тимофий.

- Не кажется ли вам, что нам есть о чем поговорить? – спросил святой отец.

- Например, о том, почему среди десяти Божьих заповедей нет заповеди «не лги»? – ответил вопросом на вопрос Трубецкой.

- Ну, это, скорее, тема для теологической дискуссии, - Тимофий был очень спокоен. – Я хотел лишь поинтересоваться, не удалось ли вам продвинуться в ваших поисках.

- Скорее всего, продвинуться удалось вам. Очевидно, в гробу покойного Николаса Кочелотти вы обнаружили массу интересного, - съязвил Сергей Михайлович.

Тимофий был крайне удивлен. Он явно не ожидал, что Трубецкой так хорошо информирован.

- Вот оно как, так вы не только выдающийся палеограф, но еще и гениальный сыщик. - Тимофий сделал приглашающий жест. Давайте зайдем в кафе, - они стояли у точки общепита рядом с музеем Булгакова, - там все и обсудим.

Сергею Михайловичу не хотелось препираться, и он согласился.

- Я так понимаю, - заметил Трубецкой, присаживаясь за столик, - что вы сказали нам с Анной не всю правду?

Тимофий пожал плечами.

- Вынужден признать очевидное: мы давно занимаемся поисками евангелия от Андрея. Но на решительные действия нас подтолкнули именно вы с вашей женой, - сказал он. – После нашего разговора я понял, что нам следует активизировать поиски. Откройте же секрет - как вы оказались в Амальфи?

- Я был приглашен туда на похороны Луизы Кочелотти, - ответил Трубецкой, - мы были с ней хорошо знакомы.

Тимофий с удивлением покачал головой:

- Бывают же такие совпадения...

- А как вы вышли на Николаса? – в свою очередь спросил Сергей Михайлович. – Откровенность за откровенность.

- Все очень просто, через ФСБ. Не удивляйтесь. Вы же отлично знаете, что во времена СССР служители культа активно сотрудничали с КГБ, вот у нас до сих пор связи и остались. У нас – связи, – назидательно сказал он, - а у них – информация. На Лубянке в архивах такое можно отыскать....

- Понятно, - кивнул головой Трубецкой. – Увы, у меня таких связей нет.

- Скажите, вы нашли документ?

Сергей Михайлович выдержал паузу.

- И да, и нет.

- Как это?

- Документ существовал, и он хранился у Николаса Кочелотти, только не у дважды мертвого, а у единожды живого. Правда, в данный момент он уже таки да, умер. Я действительно держал в руках евангелие от Андрея. Но рукопись рассыпалась в прах, как только я попытался открыть футляр, в котором она хранилась. Видимо, время и ненадлежащие условия хранения сделали свое дело. У старика Николаса в доме был страшный бардак, вообще трудно представить, что там что-то могло сохраниться.

Тимофий внимательно посмотрел на Трубецкого, как бы сомневаясь, говорит ли тот всю правду.

- Ваша знакомая Луиза Кочелотти почти год провела в Турции, в Стамбуле. Она вернулась в Рим лишь недавно, незадолго до своей странной гибели. Скажите, вы, случайно, не знаете, что она там искала?

- Увы, - Сергей Михайлович пожал плечами. – Откуда мне знать? Я не видел ее несколько лет.

- Но вы ведь и сами недавно посещали Стамбул?

- А вы отлично осведомлены, - Трубецкого этот разговор начал раздражать. Он поднялся из-за столика. – Моя поездка в Турцию никак не была связана с мадам Кочелотти, если вы на это намекаете.

- Надеюсь, вы говорите правду, - сказал Тимофий, - ибо дело это нешуточное...

- Какие там шутки, - махнул рукой Сергей Михайлович. – Неужели вы думаете, что я искал евангелие от Андрея, чтобы тайно им владеть? Да я бы немедленно расшифровал текст и опубликовал – в оригинале и переводе, чтобы сорвать по всему миру аплодисменты. Я же ученый, а не борец с режимом, чтобы доказывать, кто, что и как подправил в Новом Завете. Пусть этим занимаются богословы. Но теперь мне ясно, что если где-то что-то сохранилось, то это место называется Ватикан.

Сергей Михайлович и Тимофий расстались без особого сожаления. Они даже не пожали друг другу руки, а просто разошлись в разные стороны. Трубецкой отправился домой, к супруге, чтобы вкусить всех прелестей домашнего очага, а Тимофий... Святой отец проводил взглядом удаляющегося вниз по спуску профессора, затем достал мобильный телефон, набрал номер и произнес, когда ему ответили: «Николас Кочелотти ничем нам уже не поможет. Заказывайте билеты. Завтра мы летим в Рим».

Надо ли говорить, что по прибытии в Ватикан отец Тимофий первым делом побеспокоился о том, чтобы ознакомиться со списками иностранцев, которые были приглашены Святым Престолом на похороны мадам Кочелотти. Ведь именно среди них могли оказаться и те, кто достаточно близко знал Луизу или Николаса, или мог иметь какую-то информацию об евангелие от Андрея. Неизвестно, чем увенчались его поиски. Но вот что любопытно: имени Сергея Михайловича Трубецкого в этих списках не значилось, это точно.

Оглавление

Начало

Глава 1. Левий Матфей

Глава 2. Quelle

Глава 3. Савл из Тарса Киликийского

Глава 4. Николас

Глава 5. Вере сей не быть!

Глава 6. Святая София

Глава 7. Савл по прозвищу Павел

Глава 8. Лучше быть послушным

Глава 9. Путешествие в Дамаск

Глава 10. Храм Божьей Премудрости

Глава 11. Мощи Андрея Первозванного

Глава 12. Встреча в Ершалаиме

Глава 13. Монастырь Испытания

Глава 14. Andreas Protocletos

Глава 15. Подземелья Софии Киевской

Глава 16. Церковь Святых Апостолов - мечеть Фатих

Глава 17. Павел в Риме

Глава 18. Андреевский крест

Глава 19. По следам реликвий
Глава 20. Peter the Princeps
Глава 21. В Амальфи все спокойно
Глава 22. Логия
Глава 23. Похороны мадам Кочелотти
Глава 24. Николас II Андре
Глава 25. Все с начала
Продолжение следует